

ISSN 2499-9938
ISBN 978-5-696-6



**ДИСКУРСОЛОГИЯ
МЕТОДОЛОГИЯ
ТЕОРИЯ
ПРАКТИКА**

2017
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Организационный комитет

Сопредседатели:

Малышев М.А. (Мексика)
Русакова О.Ф. (Россия)
Хвощев В.Е. (Россия)

Члены комитета:

Ян Плампер (Великобритания)
Йорг Баберовски (Германия)
Манола Сепульведа Гарса (Мексика)
Епимахов А.В. (Россия)
Мосин В.С. (Россия)
Нарский И.В. (Россия)
Редин Д.А. (Россия)
Соболева Л.С. (Россия)
Степанова Е.А. (Россия)
Шереметьева С.О. (Россия)

DISCOURSE
LOGOLOGY
METHODOLOGY
THEORY
PRACTICE

2017
SELECTED WORKS

Organizing committee

Co-chairmen:

Malyshev M.A. (Mexico)
Rusakova O.F. (Russia)
Khvoshchev V.E. (Russia)

Members of committee:

Yan Plamper (Great Britain)
Jorg Baberowski (Germany)
Manola Sepúlveda Garza (Mexico)
Epimakhov A.V. (Russia)
Mosin V.S. (Russia)
Narsky I.V. (Russia)
Redin D.A. (Russia)
Soboleva L.S. (Russia)
Stepanova E.A. (Russia)
Sheremetyeva S.O. (Russia)

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т им. В.И. Ленина, д. 76, оф. 458а
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23

email: vek@susu.ru

<https://www.dmtf.susu.ru>

Формат 70x108 1/16
Усл. п. л. 35,17
Тираж - 500 экз.
Номер заказа 41/149
Цена свободная

Периодичность выхода:
1 раз в год

Дискурсология: методология, теория, практика. 11-я Международная научно-практическая конференция. Россия–Мексика / под общей редакцией В.Е. Хвощева и М.А. Малышева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Издательство НОЦ «КПСР», 2018. – 402 с.

Discoursology: methodology, theory and practice: the reports of 11-th International scientific-practical conference. Russia-Mexico / under the editorship of V.E. Khvoshchev and M.A. Malyshev. Chelyabinsk: Publishing Center of SUSU; Publishing house of CCE «PCPM», 2018, 402 p.

Discursologia: metodología, teoría y práctica. Simposium Anual Internacional Científico Práctico. Rusia-México / bajo la dirección general de V.E. Khvoshchev y MA Malysheva. Chelyabinsk: Centro de Publicaciones de SUSU; Editorial de REC «KPSP», 2018, 402 p.

АВТОРЫ ДОКЛАДОВ AUTHORS OF REPORTS

Малышев М.А.	Mijail Malishev
Роберт Стингл	Robert Stingl
Густаво Гардуньо Оропеса	Gustavo Garduño Oropeza
Николас Оливос Сантойо	Nicolás Olivos Santoyo
Давиде Эухенио Датурси	Davide Eugenio Daturi
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса	Roberto Andrés González Hinojosa
Арон Мазовский Ван Лоон	Aäron Moszowski Van Loon
Педро Хосе Инохоса Гутьеррес	Pedro José Hinojosa Gutiérrez
Оскар Хуарес Сарагоса	Óscar Juárez Zaragoza
Роландо Миранда Кабальеро	Rolando Miranda Caballero
Марко Урдапильета Муньос	Marco Urdapilleta Muñoz
Хуан Монрой Гарсия	Juan Monroy García
Вишев И.В.	Vishev I.V.
Русаков В.М.	Rusakov V.M.
Русакова О.Ф.	Rusakova O.F.
Мирошниченко М.И.	Miroshnichenko M.I.
Журавлева В.А.	Zhuravleva V.A.
Бредихин С.С.	Bredikhin S.S.
Одяков С.В.	Odyakov S.V.
Хвощев В.Е.	Khvoshchev V.E.
Эрминьо Нуньес Вильявисенсио	Javier Jaimes Cienfuegos
Хавьер Хаймес Сьенфуэгос	Herminio Núñez Villavicencio
Лезьер В.А.	Lezier V.A.
Логиновский С.С.	Loginovsky S.S.
Трегубов Н.А.	Tregubov N.A.
Сибиряков И.В.	Sibiriyakov I.V.
Петрова А.С.	Petrova A.S.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

СОДЕРЖАНИЕ

Хвощев В.Е. , редактор	9
КАРЛ МАРКС. ДИСКУРС ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ	
Мальшев М.А. Этика Канта и мораль «реального социализма»	10
Роберт Стингл, Густаво Гардуньо Оропеса Карл Маркс: Боливар и Понте	31
Николас Оливос Сантойо Переосмысление материалистического подхода: марксизм в критической теории Юргена Хабермаса	48
Давиде Эухенио Даттури Приближение к феноменологии и марксизму в последний период творчества Энцо Пачи	67
Роберто Андрес Гонсалес Инохоса Апология молодого мятежника, антропологическая возможность заката марксизма: краткое размышление вокруг Герберта Маркузе	77
Арон Мазовский Ван Лоон По поводу рефлексивной антропологии анархомарксизма	92
Педро Хосе Инохоса Гутierrez Николай Бердяев: отношение между русским коммунизмом и христианской религией	108
Оскар Хуарес Сарагоса Карл Маркс и мышление как критика	123
Роландо Миранда Кабальеро Доктрина Ситуационистского Интернационала: Рауль Ванейгем и Ги Деборд	134
Марко Урдапильета Муньос Марксистская литературная критика об отношении между сюжетным отображением литературного текста и общественной реальностью	147
Хуан Монрой Гарсия Адольфо Санчес Васкес (1915-2011) и философия практики	162
Вишев И.В. Отношение марксистской философии к проблеме смерти и бессмертия человека	175
Русаков В.М., Русакова О.Ф. Проблема и категории рационального и иррационального в классическом марксизме	190
Мирошниченко М. И., Журавлева В.А. Как марксизм овладевал массами: к вопросу о мифологизации марксистских представлений в общественном сознании в 1920-е – середине 1930-х годов (по материалам женской истории Урала)	223

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Бредихин С.С. Основы марксистско-диалектического подхода к проблеме революции	253
Одяков С.В. Классовый подход и возможности его применения к анализу современных переходных обществ	269
Хвощев В.Е. Марксистская теория активности	281
МНОГОЛИКИЙ ДИСКУРС	
Хавьер Хаймес Сьенфуэго «Потребительская культура» и «технологический разум»: видение одномерного бытия человека Гербертом Маркузе	288
Эрминьо Нуньес Вильявисенсио Молчаливое обновление: концепция романа в творчестве Бахтина	297
Лезьер В.А. Феноменология бунтующего сознания и свободы: Ф.М. Достоевский и Л.И. Шестов	326
Логиновский С.С. К вопросу о типологии мистицизма	338
Трегубов Н.А. Теория власти как инструмент анализа культурных и информационных аспектов внешней политики	354
Сибиряков И.В. Проблемы безопасности республики Таджикистан: современные геополитические вызовы на фоне смены исторических эпох	375
Петрова А.С. Театр как сфера досуга	385
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПУБЛИКАЦИЙ	401

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

V. Хвощев, редактор

Три четверти избранных трудов 11-й Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика» посвящены 200-летию со дня рождения Карла Маркса. В отношении к марксизму и пониманию его основных идей авторы выступлений демонстрируют идентичность российских и мексиканских взглядов по всему спектру социально-гуманитарного знания. Мы разделяем убежденность тех, кто полагает, что политическое учение К. Маркса непреходяще, а снижение интереса к нему временно и обусловлено не лучшей в человеческой истории конъюнктурой современного этапа социального развития.

V. Khvoshchev, editor

Three quarters of the selected works of the 11th International Scientific and Practical Conference "Discourseology: methodology, theory, practice" are dedicated to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx. In relation to Marxism and understanding of its main ideas, the authors of the speeches demonstrate the identity of Russian and Mexican views throughout the spectrum of social and humanitarian knowledge. We share the conviction of those who believe that the political teachings of K. Marx are imperishable, and the decline in interest in it is temporary and conditioned not by the best situation in the human history of the current stage of social development.

V. Jvoschev, redactor

Tres cuartas partes de las obras seleccionadas de la Conferencia Internacional Práctica 11 Científico y "Diskursologiya: metodología, la teoría y la práctica", dedicado a los 200 años del nacimiento de Karl Marx. En relación con el marxismo y la comprensión de sus ideas principales, los autores de los discursos demuestran la identidad de los puntos de vista de Rusia y México en todo el espectro del conocimiento social y humanitario. Compartimos la convicción de aquellos que creen que las enseñanzas políticas de K. Marx son imperecederas, y la disminución del interés en ella es temporal y está condicionada no por la mejor situación en la historia humana de la etapa actual de desarrollo social.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

**Simposium Anual Internacional Científico Práctico
DISCURSOLOGIA: METODOLOGIA, TEORIA Y PRACTICA**

КАРЛ МАРКС. ДИСКУРС ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ

УДК 1.14

Малышев М.А.

Этика Канта и мораль «реального социализма»

Этика Канта – это универсальная деонтология, ибо возводит индивидуальные мотивы человека в ранг всеобщего закона. Цель этой этики преобразовать человека изнутри, хотя Канту была чужда идея о его радикальной трансформации. Повеления и запреты воли способны нейтрализовать или подавить зло, но изъять его раз и навсегда из глубины человеческой природы и из отношения человека к человеку, не преобразуя антропологического фундамента последнего невозможно. В своем грандиозном проекте трансформации истории, Маркс не принял во внимание то, что сама преобразовательная деятельность зависит от того «материала», который подвергается трансформации, т.е. от человека и его антропологических качеств. Основоположник научного социализма полагал, что сущность человека конституируется совокупностью общественных отношений, и если класс трудящихся создаст достойные условия общественной жизни на основе справедливости и разума, то люди станут носителями всех возможных добродетелей. Тем не менее уроки крушения реального социализма учат нас тому, что какими бы благородными и возвышенными, разумными и взвешенными ни были проекты будущих политических и общественных преобразований, они обречены на провал, если революционеры и реформаторы не примут во внимание антропологические границы человека и строгие рамки этики Канта.

Ключевые слова: Маркс, Кант, социализм, антропология, этика, нравственность, мораль

Михаил Малышев – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика, mi-jailmalychev@yahoo.com.mx

Роберт Стингл
Густаво Гардуньо Оропеса

Карл Маркс: Боливар и Понте

Данный текст посвящен эссе Карла Маркса «Боливар и Понте» и вращается вокруг персонажа освободителя Латинской Америки, который привел народы Латинской Америки к свободе, словом, речь идет об одной из самых противоречивых работ немецкого мыслителя. Карл Маркс, известный своим саркастическим стилем, (не говоря уже о его серьезных и официальных работах), написавшего этот памфлет об освободителе Латинской Америки в тенденциозном духе, о чем свидетельствует его обращение к более чем сомнительным источникам, который в тот момент он даже не захотел показать своему издателю. Маркс использует фигуру Боливара в мифологическом ключе народного сознания и трактует его как противника буржуазии. Данная статья стремится примирить исторического Боливара с проблемами, связанными с мифом, который продолжает сопровождать его фигуру вплоть до наших дней. Симон Боливар был визионером и наставником свободной Америки. Отцы-основатели латиноамериканских наций должны были бороться с наследием колониализма, вековой зависимости, нетерпимости и грезни за власть, что еще более осложнило процесс формирования наций. Хотя эти проблемы не составляли часть реальность, окружавшей Маркса, но они входили в круг его интересов.

Ключевые слова: Карл Маркс, Симон Боливар, война за независимость, Латинская Америка

Роберт Стингл – профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Густаво Гардуньо Оропеса – профессор-исследователь факультета политических наук и администрации Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Николас Оливос Сантойо

Переосмысление материалистического подхода: марксизм в критической теории Юргена Хабермаса

В этой работе меня интересует способ, каким немецкий философ Юрген Хабермас артикулирует значение марксистской теории и его видение общественных наук, которое подчеркивает смысловую конфигурацию, задающую приоритеты общественной жизни. Между двумя этими традициями, на первый взгляд кажущихся несвязанными, Хабермас наводит мосты, которые я называю реконструкцией исторического материализма, что позволяет углубить марксизм и пути его понимания, соединить его с теорией взаимодействия, в котором миры символов и смысла становятся главными сферами его интерпретации. Кроме того надо помнить, что конституирование смысла происходит в процессе исторического и социального развития, направляемого логикой общественных отношений и производительными силами общества.

Ключевые слова: смысл и понимающие общественные теории, реконструкция исторического материализма, коммуникативное действие, социальная эволюция

Николас Оливос Сантойо – профессор-исследователь Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексика

УДК 1.14

Давиде Эухенио Датурси

Приближение к феноменологии и марксизму в последний период творчества Энцо Пачи

Во второй половине своей жизни Энцо Пачи представил, пожалуй, наиболее важную теоретическую разработку на своем спекулятивном пути. Вдохновленный идеями позднего Гуссерля, идущими в четко очерченном антропологическом русле, Пачи ставит акцент на новом смысле трансцендентального Эго немецкого философа с целью выработки отправного пункта критики современной науки для возможности существенного изменения западного мира. Новизна подхода Пачи, которая служит темой настоящей статьи, коренится в том факте, что на протяжении шестидесятих годов, упомянутую идею итальянский автор связывал с творчеством марксизма. Поэтому, во первых, здесь мы постараемся показать как описываемая теоретическая разработка вписывается в спекулятивный путь, по которому двигался данный автор, и во вторых, как, согласно Пачи, можно объединить эти две позиции, которые а priori кажутся такими далекими.

Ключевые слова: Энцо Пачи, марксизм, антропология, трансценденция, эго

Давиде Эухенио Датурси – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса

Апология молодого мятежника, антропологическая возможность заката марксизма: краткое размышление вокруг Герберта Маркузе

В данной работе затрагиваются наиболее значимые моменты критики, которой Маркузе подвергает капиталистическую систему. Он отдает отчет в снижении активности пролетариата и возникновении новой революционной группы, возглавляемой молодежью (кипевшей возмущением) в середине XX века. Уже первые тексты автора вдохновляют эту подрывную группу на создание контркультуры для осуществления культурной революции с целью появления лица нового человека. Маркузе вошел в историю мысли как философ, который предвидел теоретическую возможность превращения молодежи в настоящего протогониста перемен и вдохновлял ее на сопротивление против проявлений тоталитарной системы.

Ключевые слова: человек, Маркузе, культура, контркультура

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Арон Мазовский Ван Лоон

По поводу рефлексивной антропологии анархомарксизма

В краткой форме я реконструирую два непримиримых между собой фрагмента из обширного творчества антрополога гетеродокса Михаэля Тауссига (1940), автора *The Devil and Commodity Fetishism in South America*, довольно ортодоксальной этнографии восьмидесятых годов, *kuna etno-grafia relativamente ortodoxa de 1980* которая лежит на периферии истории политэкономии в антропологии, и *My Cocaine Museum*, затейливой этнографии, изданной в 2004 году и написанной в форме монтажа, что отражает постмодернистскую линию в современной рефлексивной антропологии, позволяющей выявить три линии, которые ее пронизывают: марксистская критика капитализма, анархистская критика государства, феноменологическая критика языка. Проведя различие между первым и вторым уровнями критики, связанными с формой, я стараюсь иначе высветить отношение марксизма к антропологии в целом и к рефлексивной антропологии в частности. Я не только стараюсь выявить необходимость дополнить критику первого порядка на уровне содержания критикой второго порядка на уровне формы, но и показать безответственность критической антропологии, ибо существует риск того, что производимый эффект может превратиться в противоположность желаемому результату.

Ключевые слова: Михаэль Тауссиг, антропология, марксизм, анархизм, феноменология, рефлексия

Арон Мазовский Ван Лоон – профессор-исследователь Национальной Школы Антропологии и Истории, Мехико, Мексика

Педро Хосе Инохоса Гутиеррес

Николай Бердяев: отношение между русским коммунизмом и христианской религией

Изучение отношения Николая Бердяева к марксизму спустя 100 лет, протекших после русской революции, может открыть нам много новых элементов для лучшего понимания мышления Маркса и его мессианского и религиозного подтекста. В этом тексте автор стремится охарактеризовать одну из работ Бердяева, недостаточно известную в Латинской Америке: *Утверждение христианства и современная общественная реальность* (1936) и прежде всего главу «Марксизм и религия», в которой в частности утверждается, что русский марксизм обрушился против традиционной религии именно потому, что в сущности претендует на роль новой религии в рамках ментальности и мировоззрения русского народа. Русский марксизм предстает в качестве новой системы догм, превосходящей религиозную систему и отрицающей саму свободу человека. В то же время он исходит из европейских реалий XIX века и немецкой философии и опирается на постулаты Маркса. Исходя из этого, Бердяев делает упор на контрасте между объективными тенденциями марксизма и его субъективными устремлениями. К первым Бердяев относит диалектический материализм и эксплуатацию человека человеком, а ко второй еврейскую мессианскую мечту, чьим наследником, хотя и неосознанным, и был Маркс. Исследуя философские корни марксистской мысли и еврейское мессианское наследие последней, читатель может открыть догмы, которые позволят ему увидеть марксизм в качестве новой религии, которая стремилась вытеснить христианство. В какие новые формы и одежды может облечься эта модель, открытая Бердяевым в наши дни?

Ключевые слова: Маркс, Бердяев, русский марксизм, религия, догма, христианство

Педро Хосе Инохоса Гутиеррес
– профессор-исследователь
Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Оскар Хуарес Сарагоса

Карл Маркс и мышление как критика

Настоящая работа является результатом как приближения, так и дистанцирования по отношению к творчеству Маркса, попыткой привести его в соприкосновение с нашей практикой с целью вычленения таких ее элементов, которые являются наиболее действенными в горизонте современности и прежде всего в перспективе понятия критики, фундаментального подхода, который, с нашей точки зрения, представляет и всегда будет представлять самое действенное начало философии любой эпохи. Не теоретические конструкты философии, должны быть подвергнуты пересмотру, не творчество Маркса должно находиться в центре внимания современных философских исследований, ибо это ни что иное как идеология, а реальность, ибо Маркс как мыслитель всегда настаивал на том, что предмет всякой философии должна быть реальность и ее материально-исторические условия, в которых разворачивается жизнь людей и в которых им довелось жить, а следовательно, изучать, анализировать и понимать ее, чтобы пролить свет на обман, который обосновывает злоупотребления и несправедливость, и именно в этом состоит настоящая задача философии как критики, направленной на необходимость общественного преобразования. Если реальность находится в состоянии постоянного изменения, худшая услуга философии состоит в стремлении критики реальности других эпох. Воздать должное Марксу – значит, подвергнуть критике наше время, для чего необходимо создавать новые условия для возможности ее осуществления, новые формы для реализации критических функций философии, которая подозревает, что реальность каждой новой эпохи основывается на злоупотреблении и обмане.

Ключевые слова: Маркс, философия, мышление, критика, философ, подозрение, реальность, бунт, злоупотребление

Оскар Хуарес Сарагоса – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Роландо Миранда Кабальеро

Доктрина Ситуационистского Интернационала: Рауль Ванейгем и Ги Деборд

Настоящая статья - это попытка познакомить читателя с Ситуационистским Интернационалом, критическим движением, возникшим во Франции в шестидесятые годы, чей диагноз повседневной жизни как общества-шоу, позволил ему стать идеологической эмблемой французского революционного движения 1968 года, известного как французский Май. Ситуационистский Интернационал был образован шестьдесятю интеллектуалами различных стран Европы, но в этой статье мы сосредоточим свое внимание на постулатах, на которых базируются Рауль Ванейгем и Ги Деборд, как наиболее влиятельные теоретики данного движения. Ситуационисты пытались проанализировать эволюцию общества с конца Второй мировой войны до конца шестидесятых годов (холодная война и война во Вьетнаме), Рауль Ванейгем и Ги Деборд называли свое общество как общество коммерческого шоу, над которым доминировала и который объединяла экономика. Оба автора испытали на себе значительное влияние марксизма, но они были непримиримыми критиками сталинского марксизма. Ситуационистский Интернационал защищал идеал марксизма снабдить рабочий класс теоретическим аппаратом, чтобы пробудить его сознание и преобразовать общественную реальность; их критика искусства и политики и составляли неотъемлемую часть весны молодежного движения.

Ключевые слова: театральное действо, ситуационизм, критицизм, субъективность, повседневная жизнь

Роландо Мирандо Кабальеро – аспирант Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Марксистская литературная критика об отношении между сюжетным отображением литературного текста и общественной реальностью

Статья посвящена марксистской перспективе раскрытия отношения в между зеркальным отображением мира и социальным контекстом, из которого возникает литературный текст. Речь идет о различных версиях марксистских теорий, связанных со старой проблемой литературного образа и его отношения к общественному бытию, в частности, о литературной критике, сосредоточенной на проблеме мимесиса, рассматриваемого в терминах Аристотеля как поэтического воспроизводства действительности. В свою очередь это предполагает анализ репрезентативного статуса воображения и правдоподобия, то есть, появления «истинного» представления, которое художественный творец ищет и находит в своем литературном тексте. В статье также затрагивается марксистская теория искусства в целом и его познавательный компонент в частности, ибо с точки зрения искусства литература направлена на показ и на фигуративное объяснение общественной реальности и таким образом она содействует ее пониманию читателем через эстетическое опосредование. Литература и искусства в целом образуют пространство для игры в символической форме классовой борьбы и читатель должен воспринимать как концептуальное ядро своего чтения этот конфликт. Однако, нельзя упускать из виду, что такой постулат влечет за собой важный моральный компонент: искусство должно быть морально и политически корректным с точки зрения ценностей, провозглашаемых марксизмом. Все изучаемые авторы причастны этой перспективе, но между ними сохраняется значительные отличия, которое наше исследование пытается принять во внимание.

Ключевые слова: марксистская эстетика, мимесис, литературный реализм, художественное отражение, критика

Марко Урдапильета Муньос – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

УДК 1.14

Хуан Монрой Гарсия

Адольфо Санчес Васкес (1915–2011) и философия практики

Цель настоящего очерка – дать представление об основных идеях философского мышления Адольфа Санчеса Васкеса, фундаментальное значение которых состояло в критической интерпретации творчества Маркса, избегая всякого догматизма. Он внес важный вклад в такие области философии как эстетика, этика, теория познания, философия истории и философия политики. Он развил такие темы, присущие марксизму, как отчуждение и практика, понимая последнюю в диалектической связи с теорией. Его критика реального социализма, несомненно, -значительный вклад в свою эпоху и интеллектуальный контекст, в котором он жил. Необходимо также отметить его разработку проблемы утопии, равно как суровую критику эксплуатации и несправедливости в современных типах общественного устройства.

Ключевые слова: Адольфо Санчес Васкес, эстетика, этика, практика, теория познания, реальный социализм Карл Маркс

Хуан Монрой Гарсия – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Отношение марксистской философии к проблеме смерти и бессмертия человека

Рассматривается материалистическая традиция следования смертнической парадигме (Эпикур, Ламетри, Дидро, Гольбах, Фейербах, Бюхнер, Герцен и др.), в атмосфере которой основоположники марксистской философии (К. Маркс и Ф. Энгельс) выработали своё отношение к проблеме смерти и бессмертия человека. Оно было неоднозначным. С одной стороны, они разделяли фаталистическое и пессимистическое отношение к неизбежности смерти, но с другой, — сформулировали ряд важнейших положений мировоззренческого и методологического характера, которые на современном уровне развития научного познания непосредственно содействуют научно-оптимистическому решению данной проблемы в контексте концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения или иммортологии.

Ключевые слова: марксистская философия, проблема смерти и бессмертия человека, смертнический материализм, смертническая парадигма, бессмертнический материализм, бессмертническая парадигма, диалектика свободы и необходимости, историчность законов природы, концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения, иммортология, клонирование, крионика, проблема пересадки головы человека, единое учение о человеке.

Вишев Игорь Владимирович, доктор философских наук, профессор Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Проблема смерти и бессмертия человека — общемировоззренческая. Она занимает центральное место в каждом историческом типе мировоззрения. Такое же место ей отведено и в мифологии. Однако в ней, естественно, отсутствовали сколько-нибудь достоверные знания об этих явлениях, кроме самых общих фиксаций (старение, смерть, разрушение тела и т.п.), и потому осуществление заветной мечты о вечной жизни по необходимости перемещалось в сферу воображения. К. Маркс (1818–1883) справедливо отмечал: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает ... вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы» [1, с. 47]. Такая оценка тем более верна как раз в отношении проблемы смерти и бессмертия человека, как наиболее сложной и трудной. Главное верование в мифологии, включая период политеизма, гласило: бессмертны только боги, люди — смертны.

Что касается религии, особенно в её монотеистических формах, то, с одной стороны, положение вещей с точки зрения отсутствия достоверных знаний, по существу дела, практически осталось тем же самым. И это неудивительно, поскольку в религиозном мировоззрении мифологическая компонента является значительной составляющей. Отсутствие таких знаний, по-прежнему, возмещалось всё

той же игрой воображения. Только теперь и это — с другой стороны, мировые религии связали осуществление мечты о личном бессмертии непосредственно с верой в потусторонний, загробный мир, в котором будто бы уже сами люди обретают божественное свойство бессмертия в виде бессмертия души. Длительное существование религии и, так или иначе, тесно примыкающих к ней религиозно-философских и идеалистических учений о трансцендентном бессмертии человека, также обусловлено отсутствием господства науки над природными силами, которые обрекают людей на старение и смерть. Эти учения представляют собой тупиковую ветвь духовного поиска решения данной проблемы.

Более того, явно затянувшееся бессилие науки реально, именно позитивно, решить проблему смерти и бессмертия человека наложило свою негативную печать и на её решение в альтернативных мировоззренческих учениях. Чтобы точнее и глубже понять отношение марксистской философии, диалектического материализма, к проблеме смерти и бессмертия человека, которое было у него отнюдь неоднозначным, имеет смысл, хотя бы кратко обратиться к истории материалистических взглядов на суть этой проблемы, ибо, действительно, всё познаётся в сравнении.

Так, ещё древнегреческий философ-материалист Эпикур (341–270 до н.э.), который уделил большое внимание пробле-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ме смерти и бессмертия человека, в частности утверждал: «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь всё хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, — не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия» [2, с. 209]. Те, кто разделяет материалистическое мировоззрение, по существу живёт именно с мыслью о том, что он со смертью лично не встречается, ибо даже последнее мгновение жизни — это всё-таки ещё жизнь, а не смерть.

Отношение к проблеме смерти и бессмертия человека, аналогичное эпикуровскому, я называю смертническим материализмом или приверженностью смертнической парадигме, которая исходит из непреложности законов природы, в том числе управляющих старением и естественной смертью людей. Такой подход был свойствен философскому материализму вплоть до XX столетия, поскольку наука, прежде всего естествознание, не располагала никакими данными, которые могли бы вызвать хотя бы какие-то сомнения, поставить под вопрос такую позицию.

Последовательно и ярко выражен фаталистический и вместе с тем пессимистический взгляд на смерть и бессмертие

ведущими французскими материалистами XVIII века. Этих мыслителей, как и их единомышленников, можно, как представляется, с достаточным основанием назвать представителями смертнического материализма, ибо они признавали бессмертие человека только в аллегорическом смысле — в делах, потомках и их памяти. Однако достижения реального личного бессмертия они считали невозможным.

Один из них — Ж. О. Ламетри (1709–1751) разработал собственную «концепцию жизни и смерти». Она была изложена в его сочинении «Система Эпикура», в котором был упомянут и римский философ-материалист Тит Лукреций Кар (99–55 до н.э.), как и Эпикур, принадлежавший античному атолизму. Ламетри считал: «В природе вещей смерть есть то же, что нуль в арифметике» [3, с. 371]. Дабы люди спокойнее встречали трагический финал жизни, он пытался умалить значение смерти, даже приукрасить её. Его общий вывод относительно жизни и смерти гласит: «Я останусь сладострастным эпикурейцем до последнего вздоха в течение первой и твердым стоиком при приближении второй» [3, с. 381]. Примечательно, что некоторые утверждения Ламетри подобного рода нашли отклик и в воззрениях К.Э. Циолковского.

Значительный вклад в критику религиозных иллюзий, в том числе о посмертном существовании человека, внёс Д. Дидро (1713–1784). Полемизируя с аббатом Бартеlemi, он особо

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

подчеркнул: «Вы рисуете вашей пастве две перспективы, два исхода: рай и ад. Обратите внимание при этом, что преобладает ад. Он торжествует. Нет, не утешение вы приносите; вы устрашаете, терроризируете людей» [4, с. 227]. Дидро также утверждал: «Мертвец не слышит, как звонят по нём колокола; душа его не идёт рядом с распорядителем похорон» [5, с. 28–29]. Не может не вызвать острую горечь то обстоятельство, что в современной России придаются забвению подобного рода справедливые и мудрые суждения, а вместо них вновь культивируются религиозные верования.

Наиболее выпукло фаталистичность мировоззрения французских материалистов выразил П. Гольбах (1723–1789). Он исходил из следующего постулата: «В природе всё необходимо, и... ничто из того, что в ней находится, не может действовать иначе, чем оно действует» [6, с. 46]. Из этой посылки он делал такой вывод: «Если жизнь — благо, если необходимо любить её, то столь же необходимо покинуть её; и разум должен привыкать нас принимать с покорностью веление рока» [6, с. 200]. Так что фатализм бывает не только религиозно-идеалистическим, но и материалистическим тоже.

Практически те же воззрения исповедовали и немецкие философы-материалисты. Так, один из них, Л. Фейербах (1804–1872) утверждал: «Смерть естественная, та смерть, которая есть результат законченного развития жизни, не есть беда;

смерть, однако, которая есть следствие нужды, порока, преступления, невежества, грубости, — конечно, зло» [7, с. 298]. Следовательно, бедой, злом объявляется только преждевременная смерть, но отнюдь не естественная. Если борьба с преждевременной смертью признаётся вполне оправданной, то смерть естественная, наступающая вследствие нарастания старения и одряхления организма, сопровождающих болезней, «законченного развития жизни» не предполагает никакого противодействия. Иными словами, человек, избежавший преждевременной смерти, обрекается на неизбежный трагический финал своей жизни всё теми же непреложными законами природы, бороться с действием и последствием которых представляется делом напрасным и бесполезным. Последующее развитие науки опровергло это представление.

Подобный пессимистический взгляд на природу смерти и её неотвратимость разделял и такой известный немецкий врач и философ, один из представителей «вульгарного» материализма, как Л. Бюхнер (1824–1899). Он утверждал: «Не размышление, а лишь упрямство, не наука, а лишь вера могут поддерживать идею личного бессмертия» [8, с. 46]. Таким образом, Бюхнер, как и Фейербах, безусловно, отказывал проблеме смерти стать предметом научного исследования, ничего не давая взамен отказу от религиозных верований на этот счёт.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Бюхнер тоже исходил из непреложного характера природных закономерностей, приводя в обоснование своей точки зрения и другие доводы. «Всё живущее,— считал он,— рождается и умирает, и ещё ни одно живое существо не составило исключения из этого правила; смерть есть самое верное, на что можно рассчитывать, и неизбежный жребий или конец всякого индивидуального бытия: её руку не удержат ни мольбы матери, ни слёзы жены, ни отчаяние мужа; она вырывает цветущего ребёнка из объятий охваченной ужасом матери, она отнимает родителей у маленьких детей; она собирает страшные жатвы и непрерывно нагромождает целые гекатомбы уничтоженной жизни, принося горе, заботу и страдания оставшимся в живых» [8, с. 57]. Однако эта заключительная, хотя и вполне реалистичная, но в то же время явно гущающаяся краски мрачная зарисовка оказалась призванной лишь подчеркнуть убедительность бюхнеровских доводов, а не послужить обоснованием правомерности постановки и решения задачи поиска путей и средств устранения человеческой трагедии.

Естественно, подобное отношение материалистической философии к смерти и бессмертию не имеет жестко определённых национальных границ. Ряд известных русских философов-материалистов тоже отдали дань смертнической концепции. Это, прежде всего, В.Г. Белинский (1811–1848), А.И. Герцен (1812–1870),

Н.Г. Чернышевский (1828–1889) и др. [9, с. 226–280].

Так, первый из них писал А.И. Герцену: «Человек смертен, подвержен болезни, голоду, должен отстаивать с бою жизнь свою — это его несовершенство, но им-то и велик он, им-то и мила, и дорога ему жизнь его» [10, с. 614]. Более того, бессмертие, по Белинскому, не только невозможно, но и ненужно, поскольку оно повлекло бы за собой разного рода нежелательные нравственные последствия. В том же письме он утверждал относительно человека: «Застрахуй его от смерти, болезни, случая, горя — и он — турецкий паша, скучающий в ленивом блаженстве, хуже — он превратится в скота» [10, с. 614]. Никто из представителей смертнического материализма в русской философии не высказывал своих убеждений по данному вопросу столь категорично.

Очень важны и интересные мысли А.И. Герцена по этому вопросу. Говоря о невозможности для человека прожить триста лет, он писал: «Как ни тяжела эта истина, надобно с ней примириться, сладить, потому что изменить её невозможно» [11, с. 95]. Но ему же принадлежит и такая замечательная провидческая мысль: «Старчество и болезнь протестуют своими страданиями против смерти, а не зовут её, и, найди они в себе силы или вне себя средства, они победили бы смерть» [12, с. 387]. Это высказывание убедительно показывает, что философский материализм никогда, в принципе, не был против

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

возможности реального личного бессмертия, просто естествознание, на которое он всегда стремился опираться, не давало до поры до времени никаких оснований и перспектив в данном отношении. Но такое время не могло не наступить, и оно действительно наступило.

Таким временем можно считать конец XIX — начало XX столетий, но главным образом именно XX век, особенно в контексте русского космизма. Именно в это время и вызревают убеждения бессмертного материализма (К.Э. Циолковский, биокосмисты, А.М. Горький и др.). Это стало знаменательным достижением философского материализма [9, с. 281–354]. Так, выдающийся писатель и мыслитель А.М. Горький (1868–1936) говорил в лекции «О знании» в Рабоче-крестьянском университете в марте 1920 года: «Моё внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительного бессмертия» [13, с. 107]. По его инициативе был создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), целью которого стало комплексное изучение жизни, работы и изнашиваемости человеческого организма. К сожалению, перипетии политической борьбы в СССР, сначала угроза войны, а затем и сама война, не позволили должным образом реализовать поставленные задачи. Однако это, во многом, уже другая тема.

Приведённая краткая подборка высказываний философско-материалистов о смерти и бессмертии человека показывает, в какой идейной традиции формировались убеждения основоположников марксистской философии относительно этой проблемы за вычетом взглядов уже начала XX столетия. Неудивительно, что и К. Маркс и Ф. Энгельс, в общем и целом, разделяли традиционно материалистический взгляд на природу естественной смерти — фаталистический и пессимистический. Маркс, например, утверждал: «Смерть кажется жестокой победой рода над определённым индивидом и как будто противоречит их единству; но определённый индивид есть лишь некое определённое родовое существо и как таковое смертен» [14, с. 119]. А Энгельс был убеждён и считал банальностью утверждение, что «все люди должны умереть» [15, с. 90]. Но они, естественно, на этом не остановились.

Принято считать, что основоположники марксистской философии разделяли так называемую финалистскую концепцию будущего нашей планеты и всей солнечной системы. Так, Энгельс в «Диалектике природы» высказал следующее предположение: «Может быть, пройдут еще миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда истощающаяся солнечная теплота будет уже не в силах растапливать надвигающийся с полюсов лед, когда все более и более

скучивающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни теплоту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и Земля — мертвый, остывший шар вроде Луны — будет кружить в глубоком мраке по все более коротким орбитам вокруг то же умершего Солнца, на которое она, в конце концов, упадет» [16, с. 389]. Подобного рода перспектива является крайне отдалённой. Тем не менее, картина нарисована весьма мрачная. Но в неё непротиворечиво вписывалось не менее мрачное представление о неизбежности и безысходности человеческой смерти, и наоборот.

Однако основоположники марксистской философии всё-таки сделали в отношении проблемы смерти и бессмертия человека определённый шаг вперёд. Собственно марксистский подход к решению этой проблемы отличается от традиционного, метафизического, т.е. взгляда старого материализма, прежде всего, осознанием диалектики жизни и смерти. Особенно много внимания уделил ему Энгельс. Марксистская философия, в отличие от Л. Фейербаха творчески восприняла многие диалектические идеи Г. В. Ф. Гегеля. Данное обстоятельство непосредственно содействовало её превращению в диалектико-материалистическую философию, или диалектический материализм. Это прямо сказалось на понимании рассматриваемой проблемы.

Энгельс в этой связи ссылается на следующее положение Гегеля, который в своё время, сравнивая диалектический и метафизический стили мышления, писал: «Но более строгое рассмотрение показывает, что конечное ограничивается не только извне, но и снимается благодаря своей собственной природе и себе самому переходит в свою противоположность» [17, с. 206]. Их различия Гегель проиллюстрировал следующим образом: «Так, например говорят: «Человек смертен» — и рассматривают смерть как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах; согласно этому способу рассмотрения, существуют два отдельных друг от друга свойства человека: быть живым, а также быть смертным». Заключительный вывод Гегеля гласит: «Но истинное понимание состоит в том, что жизнь как таковая носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное в себе противоречиво и вследствие этого снимает себя» [17, с. 206].

В «Диалектике природы», как раз в связи со ссылкой на приведённое гегелевское высказывание, Энгельс утверждал: «Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерть как существенный момент жизни, которая не понимает, что отрицание жизни, по существу, содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью» [16, с. 610]. И далее он де-

лает такое заключение: «Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится. Но кто однажды понял это, для того покончены всякие разговоры о бессмертии души» [16, с. 610]. Общий вывод Энгельса гласит: «Жить значит умирать» [16, с. 611]. Звучит всё также фаталистично и пессимистично.

Такого рода оценка приведённых текстов обычно отсутствует, ибо акцент делается именно на их диалектичность. Между тем, подобные суждения в контексте диалектики жизни и смерти, вроде «жизнь есть самоотрицание», «смерть является закономерным итогом жизни» и т.п., служат, по существу, дополнительным обоснованием всё той же фатальности смерти. Это сочинение Энгельса, как известно, не было им закончено. Тем не менее, приведённые его высказывания обычно трактуются как «последнее слово» марксистской философии по данному вопросу. Не без основания можно предположить, что в законченной редакции приведённые высказывания могли бы быть выражены в иных формулировках, не столь однозначных и категоричных.

В этой связи особую ценность обретают мысли Энгельса на эту тему в «Анти-Дюринге», сочинении им законченном и опубликованном. В нём главное внимание Энгельс уделяет таким противоречивым процессам жизнедеятельности организма, как созидание и разрушение, ассимиляция и диссимиляция, или более просто и понятно — питание и выде-

ление. «Как только в белковом теле, — подчёркивал он, — прекращается это непрерывное превращение составных частей, эта постоянная смена питания и выделения, — с этого момента само белковое тело прекращает своё существование, оно разлагается, т.е. умирает» [15, с. 83]. Его итоговое диалектическое обобщение гласит: «Следовательно, жизнь тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть» [15, с. 124].

И из приведённого суждения, и целого ряда других, Энгельс, к сожалению, не вывел сколь-нибудь далеко идущих следствий. Он ограничился констатацией диалектичности процесса жизнедеятельности, тем не менее, не повторив прежних категоричных суждений о жизни и смерти. Между тем, последующее развитие научно-философского познания в этой области исследования позволило более глубоко понять мировоззренческий и методологический потенциал этих высказываний и сделать соответствующие выводы. Действительно, поскольку жизнь диалектически противоречива, и она продолжается, пока действует указанное противоречие, то, следовательно, надо так поддержать его действие, чтобы оно продолжалось неограниченно долго, а, значит, продолжалась бы и жизнь, не наступала бы смерть. Сам Энгельс не

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сделал такого заключения, поскольку уровень развития философии и естествознания того времени не давал для этого никаких оснований.

Ещё одним, принципиально значимым в мировоззренческом и методологическом отношении, положением основоположников марксистской философии является их мысль об историческом характере объективных законов природы и общества. Если метафизика трактовала эти законы как неизменные и непреложные, то марксистский подход к ним характеризуется подчёркиванием опять-таки диалектичности таких законов. «Вечные законы природы, — подчёркивал Энгельс, — также превращаются всё более и более в исторические законы» [16, с. 553]. Данное положение до сих пор явно недооценивается в современной философской литературе. Неудивительно, что оно практически нигде в ней не встречается.

Если Маркс иллюстрировал эту идею главным образом на экономических законах, то Энгельс показал её на очень простом, но вместе с тем, убедительном примере. («Что вода, — отмечал он, — при температуре от 0 до 100° С жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление» [16, с. 553]. Затем Энгельс подчёркивает решающее значение условий действия и этого закона, и любого другого: «На Луне вовсе нет воды, на Солнце имеются только состав-

ляющие её элементы, и для этих небесных тел указанный закон не существует» [16, с. 553].

Приведённые соображения Энгельса, как мне представляется, вполне справедливы и в отношении точки кипения воды. Действительно, при наличии воды, соответствующей температуры — 100 С и атмосферного давления 760 мм рт. ст. — она закипит. Но если давление изменится — станет полатмосферы, две и т.п., — изменится и точка её кипения. Иначе говоря, этот «вечный» закон природы, как и любой другой, в зависимости от меняющихся (или меняемых) условий будет действовать по-разному.

Метафизики (П. Гольбах, Л. Фейербах и др.) считали, что законы, определяющие старение и смерть, вечны и неизменны, а значит, неотвратимы и эти периоды жизни. Диалектик показал, что дело обстоит иначе, но вывода о возможности изменения их действия и негативных последствий Энгельс опять-таки, к сожалению, не сделал.

Особую ценность и значимость для современной постановки и научно-оптимистического решения проблемы смерти и бессмертия человека имеет разработанная марксистской философией диалектика свободы и необходимости. Выступая против волюнтаристской и фаталистической точек зрения на эту проблему, Энгельс утверждал в том же «Анти-Дюринге»: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определённых целей» [15, с. 116]. И тут же: «Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека» [15, с. 116]. Следовательно, имеются в виду, в частности, и законы, управляющие процессами старения и трагического финала индивидуального человеческого бытия. Это означает, что можно и должно познать их так глубоко и широко, чтобы действие этих законов вело не к негативным последствиям — старению и смерти, а служили цели сохранения молодости и достижению неограниченно долгой жизни.

В последнее десятилетие наиболее полно и последовательно рассмотрены утверждения марксистской философии и другие конструктивные идеи, применительно к решению данной проблемы, разрабатываются в контексте концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения, или иммортологии — науки о бессмертии [18, с. 153–155]. Это понятие предложено благодаря его однозначности и точности в отличие от понятия «иммортализм» (признание бессмертия), которое может иметь как религиозный смысл (вернее было бы сказать — «постмортализм», т.е. после-смертие) так и научный, из-за чего нередко возникают путаница и недоразумения.

Довольно часто в связи с использованием понятия «бес-

смертие» возникает своего рода недоразумение. Дело в том, что обычно, когда к нему обращаются, под ним, как бы само собой, подразумевается абсолютное бессмертие, принципиально исключающее смерть, вроде бессмертия души, невозможное с научной точки зрения. Вследствие этого неправомерно отвергается любой смысл данного понятия — бессмертие невозможно в принципе.

Но это не так.

Подобного рода недоразумения устраняются введением понятия практического, относительного, бессмертия. Под ним понимается достижимая в ходе научно-технического и социального прогресса способность человека, оставаясь молодым, точнее говоря, сохраняя оптимальные параметры телесной и духовной жизнедеятельности, жить беспредельно долго, настолько долго, чтобы можно было констатировать — человек стал практически бессмертным. Такое реальное бессмертие не исключает смерть от той или иной внешней, случайной причины. В таком случае нужно будет решить задачу восстановления человеческой жизни, реального воскрешения человека, а вместе с тем и его способность жить неограниченно долго. Иными словами, будет устранена нынешняя фатальность смерти.

Сегодня для её решения открываются вполне реальные и действенные пути и средства. К ним, по моему убеждению, в первую очередь относится клонирование млекопитающих, а

значит, и человека. Оно не только позволяет получить «запчасти» организма «родные по плоти», т.е. биологически неотторжимые, но и восстановить жизнь индивида телесно и психически из такой же клетки, из какой он однажды уже вырос. Бессрочный мораторий на такого рода исследования существенно тормозит развитие отечественной науки и прямо противоречит насущным интересам людей. И потому, безусловно, он должен быть отменён.

К их числу принадлежит также расшифровка генома человека, регенерация стволовых и индуцированных плюрипотентных клеток, успехи синбиологии, протеоники, нанотехнологии, «компьютерного бессмертия», а в самое последнее время — пересадка головы приматов, следовательно, в итоге и человека. Особое место занимает развитие крионики — криосохранение при низких температурах телесного, а возможно, и психического существования человека, как способа временной консервации умершего с целью его возвращения к жизни. Следует ясно отдавать себе отчёт в том, что перечисленные и другие достижения современной науки отнюдь не являются её последним словом в данной области исследования.

Современная концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения, или иммортология, — прямая восприимчивница мировоззрения и методологии марксистской философии применительно к конструктивному ре-

шению проблемы смерти и бессмертия человека, всех тех, кто созидательно трудился и трудится в этом направлении научных исследований. Она представляет собой действенную альтернативу разного рода религиозно-мистическим и философско-идеалистическим учениям в истории духовной жизни человечества. Смерть должна быть поправлена не смертью ради фантазий о потустороннем существовании, а беспредельным продлением реальной жизни реального человека.

Говоря о целях критики религии, К. Маркс особо подчёркивал: «Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком» [19, с. 415]. Смерть, безусловно, это цепи, которые сковывают жизненный потенциал личности, которая, по Марксу, должна получить всестороннее развитие, а для этого, естественно, требуется беспредельное время. О таком требовании сам Маркс прямо нигде не говорит, хотя оно, по сути дела, и предполагается. Но в наше время подобного рода интерпретация представляется вполне уместной и закономерной.

А ещё в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он прорицал: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о чело-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

веке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [14, с. 124]. Иммутология может стать примером такого синтеза

или, по крайней мере, существенным шагом на пути к нему.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, ч.1, т. 46.
2. Эпикур приветствует Менекея // Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М.: Госполитиздат, 1955.
3. Ламетри Ж.О. Система Эпикура // Ж. О. Ламетри. – Соч. – М.: Мысль, 1983.
4. Дидро Д. Беседа с аббатом Бартеlemi // Д. Дидро. Избр. атеистич. произв. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
5. Дидро Д. Племянник Рамо. – М.: Гослитиздат, 1956.
6. Гольбах П. Система природы. – М.: Соцэкгиз, 1940.
7. Фейербах Л. Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии // Л. Фейербах. Избр. филос. произв. В 2 т. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1955.
8. Бюхнер Л. Сила и материя. – СПб., издание А.И. Васильева, 1907.
9. Вишев И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. – М.: Академический Проект, 2005.
10. Белинский В.Г. Собрание соч.: В 9 т. – Т. 9. – М.: Худож. лит., 1982.
11. Герцен А.И. С того берега // А.И. Герцен. Соч.: В 2 т. – Т. II. – М.: Мысль, 1986.
12. Герцен А.И. Концы и начала // А.И. Герцен. Соч.: В 2 т. – Т. II. – М.: Мысль, 1986.
13. Горький А.М. О знании // Архив А.М. Горького. – Т. XII: Художественные произведения. Статьи. Заметки. – М.: Наука, 1969.
14. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 42.
15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20.
17. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. I.: Наука логики. – М.: Мысль, 1974.
18. Вишев И.В. Геронтология и философия // Философские науки. – 1974. – №1.
19. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Marks K., Jengel's F. *Soch.*, [Collected Works], izd. 2nd ed., ch.1, vol. 46.
2. *Epikur privetstvuet Menekeya*. [Epicurus welcomes Menecke]. Materialisty Drevney Gretsii. *Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura* [Collection of texts of Heraclitus, Democritus and Epicurus]. Moscow, 1955.
3. Lametri Zh.O. *Sistema Epikura*. [The Epicurus system] Zh. O. Lametri. *Soch.* Moscow, 1983.
4. Didro D. *Beseda s abbatom Bartelemi*. [Conversation with the Abbot Barthelemy] D. Didro. *Izbr. ateistich. proizv.* Moscow, 1956.
5. Didro D. *Plemyannik Ramo*. [Rameau's nephew]. Moscow, 1956.
6. Gol'bakh P. *Sistema prirody*. [System of Nature]. Moscow, 1940.
7. Feyerbakh L. *Vopros o bessmertii s tochki zreniya antropologii*. [The question of immortality from the point of view of anthropology]. L. Feyerbakh. *Izbr. filos. proizv. V 2 t. vol. 1.* Moscow, 1955.
8. Byukhner L. *Sila i materiya*. [Strength and matter]. St. Petersburg, 1907.
9. Vishev I.V. *Problema zhizni, smerti i bessmertiya cheloveka v istorii russkoy filosofskoy mysli*. [The Problem of the Life, Death and Immortality of Man in the History of Russian Philosophical Thought]. Moscow, 2005.
10. Belinskiy V.G. *Sobranie soch.* [Collected Works]. Vol. 9. Moscow, 1982.
11. Gertsen A.I. *S togo berega*. [From that shore]. A.I. Gertsen. *Soch.*, Vol. 2. Moscow, 1986.
12. Gertsen A.I. *Kontsy i nachala*. [The ends and the beginnings]. A.I. Gertsen. *Soch.*, Vol. 2. Moscow, 1986.
13. Gor'kiy A.M. *O znanii*. [About knowledge]. *Arkhiv A.M. Gor'kogo*. Vol. XII, Moscow, 1969.
14. Marks K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda*. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Soch.* Vol. 42.
15. Engel's F. *Anti-Dyuring*. [Anti-Herring]. Marks K., Engel's F. *Soch.* Vol. 20.
16. Engel's F. *Dialektika prirody*. [The dialectics of nature]. Marks K., Engel's F. *Soch.* Vol. 20.
17. Gegelev G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*. [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. I. Moscow, 1974.
18. Vishev I.V. *Gerontologiya i filosofiya*. [Gerontology and Philosophy]. *Filosofskie nauki*. 1974. 1.
19. Marks K. *K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie*. [To criticism of the Hegelian philosophy of law. Introduction]. Marks K., Engel's F. *Soch.* Vol. 1.

УДК 1:3

Русаков Василий Матвеевич
Русакова Ольга Фредовна

Проблема и категории рационального и иррационального в классическом марксизме

Современность разнообразно актуализирует фундаментальную философскую проблему сущности и взаимосвязи рационального и иррационального – в политике, экономике, праве, воспитании и т.п. В то же время обнаруживается значительное изменение в понимании сущности и взаимосвязи этих категорий в классическом марксизме в сравнении с идеологией Просвещения, как известно, проникнутой культом разума. Изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса показывает их стремление радикально переосмыслить суть проблемы соотношения рационального и иррационального, преодолеть рационалистическую и иррационалистическую мистификации ее. Однако изучение проблемы соотношения данных категорий в марксистской и немарксистской философии показывает, что потенциал диалектико-материалистического переформулирования данной проблемы не был реализован в полной мере, вследствие чего продолжают хождение непреодоленные рационалистические и иррационалистические предрассудки. С точки зрения методологии марксизма это вполне объяснимо социальными (и гносеологическими) причинами.

Ключевые слова: рациональное, иррациональное, взаимосвязь рационального и иррационального, классический марксизм

Русаков Василий Матвеевич,
Уральский государственный
экономический университет,
доктор философских наук,
профессор, Екатеринбург,
Россия. E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,
Институт философии и пра-
ва УрО РАН, доктор политиче-
ских наук, профессор, Ека-
теринбург, Россия, E-mail:
rusakova_mail@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Современность вновь и вновь различными способами актуализирует наследие К.Маркса и марксизм. И дело не только в 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции; не только в том, что приближается 200-летие со дня рождения К. Маркса, которое действительно прогрессивные силы готовятся достойно отметить. Происходит неизбежная актуализация марксистской постановки и разработки фундаментальных проблем философии, к числу которых, безусловно, относится и проблема взаимосвязи рационального и иррационального.

Дилемма рационализма и иррационализма отчетливо определилась в философии XIX века и уже тогда достаточно ясно проявились крайности этих двух направлений. Но именно в рамках этой дилеммы оформились представления о содержании и смысле категорий рационального и иррационального, которые и сегодня, зачастую некритически, воспроизводятся в отечественной и зарубежной литературе [2;4;10;12;15;16].

Основатели марксизма, как известно, заявили о необходимости революционного переворота в философии, радикального *переформулирования фундаментальных проблем и категорий философского знания*, очищения их от исторических заблуждений и мистификаций. Поэтому важное значение имеет отношение марксизма, оказавшего столь глубокое воздействие на человеческое познание и практику в XX веке, к дилемме рационализма и ир-

рационализма, а также к проблеме взаимосвязи категорий рационального и иррационального. Два аспекта этого вопроса интересны прежде всего: сумел ли марксизм кардинально пересмотреть эту достаточно традиционную проблему (или, по крайней мере, создать предпосылки для этого) и, с другой стороны, как сам марксизм «вписывается» в борьбу рационализма и иррационализма.

Дело в том, что вопрос этот вызывается массой противоречий, имеющих место в философской литературе — сам марксизм довольно часто (и небезосновательно) отождествляет с рационализмом. Известно, что классики марксизма солидаризировались с рационалистической линией в мировой философии, противопоставляя ее «религиозному мракобесию», фетишистским представлениям иррационального толка. В то же время они не менее решительно выступали и против «плоского, рассудочного» рационализма обыденного сознания и его теоретического выражения в различных концепциях (вроде вульгарной политэкономии). В современной литературе (как правило, школьной, догматической) мы найдем немало примеров некритического воспроизведения типично рационалистических представлений о том, что такое чувственное, рациональное, абстрактное, конкретное и т.п. К тому же, категория «иррациональное» долгое время в советской философской литературе вообще третировалась, несмотр-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ря на ее неожиданно частое употребление в «Капитале» К. Маркса [13, Приложение].

Можно было предположить, что категории такого ранга как рациональное и иррациональное марксизм не мог просто игнорировать и должен был дать свое истолкование этой вечной философской проблеме. Марксизм (еще с выходом «Манифеста Коммунистической партии») заявил о начале новой эпохи человеческой истории, содержанием которой должно стать разумное переустройство мира, человека и его познания на основе совершенно иного представления о том, что такое разум, человек, мир и познание. Насколько удалось ему переформулировать смысл проблемы рационального и иррационального и если удалось, то в чем заключается возможное эвристическое значение этого решения?

К. Маркс и Ф. Энгельс, глубоко усвоившие дух и букву немецкой классической философии, разумеется, не могли обойти важнейшие уроки этого периода развития человеческой мысли. Ряд противоречий, обнаружившихся в классическом наследии, по их мнению, не только заставлял произвести радикальный пересмотр философского знания, но и заявить не только о «конце немецкой классической философии», но и всего старого способа философствования. Менялось представление о сущности философии, познания, человека, общества, а значит, и разума. Разум, разумность и рациональность

должны были подвергнуться неизбежно глубокой трансформации в рамках мировоззренческой системы, заявлявшей радикальный разрыв с классической традицией.

Направленность истолкования понятий рационального и иррационального Марксом и Энгельсом диктовалась необходимостью «отталкивания» от вариантов, представленных как традиционным рационализмом, так и различными формами иррационализма и мистицизма — ведь как пронизательно скажет позднее В.И. Ленин: «Идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, метафизического» [6, т. 29, с. 322].

Парадоксальное, на первый взгляд, разведение разума и рациональности, в сущности, было произведено еще Кантом, который обнаружил, что в самом разуме и его действиях и продуктах далеко не все может быть признано разумным, рациональным — возможно неразумие разума, когда он необходимым образом впадает в противоречия, выходя за свои пределы. Однако это неразумие все-таки оставалось чем-то внешним самому разуму и Кант считал, что решение задачи состоит в том, чтобы каждый раз возможно точнее определять границы суверенности разума для того, чтобы предохранить его от заблуждений, противоречий и тем самым — укрепить его мощь.

У Гегеля, пошедшего в рационализме еще дальше, к панлогизму, иррациональное исчезает полностью; но тогда — и это весьма знаменательно! — ра-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

зум мистифицируется: «все разумное мы, следовательно, должны вместе с тем называть мистическим, но этим мы высказываем лишь то, что оно выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое» [2]. Такой подход, в сущности, ликвидирует самое различие рационального и иррационального. Разум, разумное, имеющее дело с миром сущностей, постоянно приходит в противоречие с рассудком, имеющим дело с миром явлений. Это противоречие подводит к выводу, что рациональность и абстрактно-логическая правильность (рассудочность) суть вещи существенно различные, или, другими словами, абстрактно-логическая правильность не является достаточным признаком рациональности (разумности).

Другое противоречие или проблема, вскрытые классикой, тоже требовало иного осмысления категорий рациональное и иррациональное: *социально-исторический* характер содержания понятий разум, рациональное и иррациональное. Если у Канта постижение (и соответственно, раскрытие, выявление) глубинной архитектоники разума есть, в сущности, процесс его саморефлексии (а история чистого разума — это место, «которое надлежит заполнить в будущем»), то Гегель с порога приводит в движение все категории и наполняет их исторически меняющимся содержанием, хотя и в мистифицированном виде. Но глубокое убеж-

дение в том, что истина ничто вне постижения также и пути, ведущего к ней, убеждение в том, что история мысли не есть история заблуждений, ошибок, а есть история приближения к истине, — эти представления стали основой для марксистских утверждений о социально-исторической природе мышления и познания.

Кроме того, традиция рассмотрения тесной взаимосвязи и тождества противоположностей рационального и его противоположности предопределила марксистское представление о диалектическом характере взаимосвязи рационального и иррационального.

Рассмотрим характер употребления понятий рациональное и иррациональное в главном произведении К. Маркса — «Капитале» (Это, как известно, четыре тома в семи книгах. См.: Приложение «Предметный указатель по категориям рациональное и иррациональное и смежным с ними в «Капитале» [13]). Здесь более, чем в каком-либо ином произведении основателей марксизма, разнообразно и широко использованы эти понятия. Понятие «рациональное» встречается 26 раз, «иррациональное» — 39.

Надо сразу же отметить, что эти понятия употребляются совсем не случайно и достаточно широко: для сравнения укажем, что такое важное и характерное для марксизма понятие как «превращенная форма» (например — прибыль как превращенная форма прибавочной стоимости), играющее важную

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

роль в характеристике капиталистического способа производства, и хорошо изученное в отечественной литературе [7], употребляется Марксом в «Капитале» 61 раз.

Анализ употребления понятий рациональное и иррациональное показывает, что они применяются в следующих основных смыслах: 1) форма, 2) выражение, 3) отношение, 4) способ (или путь). Например, «иррациональное» как форма употребляется в 24 из 39 случаев, являясь, фактически, общим знаменателем всех прочих вариантов.

Понятие «превращенной формы» не случайно взято нами для сопоставления — оно, играя важную роль в конкретизации проблемы взаимосвязи сущности и явления, опосредует их взаимодействие, показывает, по мнению Маркса, сложноопосредствованный и многослойный характер их взаимодействия и перехода. И как раз существеннейшей характеристикой превращенных форм выступает соотношение их рациональности / иррациональности. Таким образом, понятия эти помещены в самую сердцевину сущностных определений Марксом капиталистического способа организации общественного производства и общества в целом.

«Форма» и «способ» понимаются как форма человеческой деятельности, как общественно-исторически выработанная форма (или способ). Способ, форма, (уместно даже говорить о «схематизме») деятельности суть продукты дли-

тельного развития общества. В этом смысле Маркс замечает, что «эпохи человеческой истории различаются, главным образом, не тем что производится, а как, в какой общественной форме» [8, т. 23, с. 108]. Под общественной формой здесь понимаются производственные отношения, в рамках которых развивается общественное производство (и главным образом — господствующие отношения собственности). Но общественными по своей природе являются также и способы, схемы, приемы, формы осуществления всякой предметной деятельности (практической и познавательной). Это особенно хорошо видно на примере исторического развития производства: как один и тот же продукт, удовлетворяющий одну и ту же потребность на протяжении истории производится различными способами, по разным технологическим схемам. Приемы, способы оперирования с предметами, в данном случае — с предметами труда, сырьем, — являются продуктом длительного развития общества, сокровищницей коллективного и индивидуального опыта, который отложился в них и наследуется через них, через оперирование с ними.

Таким образом, в понятие формы деятельности в марксизме вкладывается широкое содержание: это и общественные отношения, задающие определенный способ порождения предметов, и сами, собственно, способы, приемы и схемы такой деятельности. Общественные отношения, в сущности, как раз и подразумевают

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

определенную схему, способ осуществления деятельности: например, отношения собственности выступают как регулятивные схемы действий людей, существенно предопределяющие характер, приемы и границы оперирования с вещами (владение, пользование, распоряжение — когда, как, сколько, кому).

Но продолжим далее анализ общих моментов употребления понятий рациональное и иррациональное. На наш взгляд, имеют место три смысловых варианта применения этих понятий.

Во-первых, в смысле *соизмеримости-несоизмеримости* (соответственно, в предельно широком плане: *выразимости-невыразимости* одного через другое). Например, Маркс отмечает фактическую иррациональность взглядов критикуемых им вульгарных экономистов на связь доходов и их предполагаемых источников: капитал-процент, земля-рента, труд – зарплата: «Это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и не сравнимыми вещами» [8, т. 25, ч. 2, с. 391, а также 340].

Маркс в последнем тексте обращает внимание на то, что такая несоизмеримость и сопоставимость совершенно различных по своей природе вещей не есть просто выверт сознания, не теоретический фокус недобросовестного мышления, а *иррациональная форма выражения действительных про-*

изводственных отношений [8, т. 25, ч. 2, с. 172]. Другими словами, соизмеримость или несоизмеримость являются продуктом определенного способа производства, характеризующегося данными производственными отношениями. Они-то и задают исходные предпосылки того способа осуществления деятельности людей, при котором соизмеряется несоизмеримое, сопоставляется несопоставимое, соотносятся не имеющие отношения вещи. Другими словами, соизмерение и сопоставление несоизмеримого происходит не просто и не столько как нечто произвольно-вздорное в головах участников капиталистического производства, — оно там лишь отражается, является отображением реального соизмерения несоизмеримого, совершающегося в рамках данных общественных отношений.

Почему в употребляемых терминах рационального и иррационального в «Капитале» обнаруживается именно этот смысл? Толкование соизмеримости-несоизмеримости как сути понятий рационального и иррационального ведет свое происхождение от пифагорейцев, с античной математики. И сегодня математический смысл рациональности и иррациональности (чисел, например) — это, прежде всего, *выразимость или невыразимость* одного через другое, *соизмеримость и несоизмеримость* (вспомним, как определяется в математике рациональное число: P/Q).

Это наводит на мысль, что Маркс для описания феноменов капиталистического спосо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ба производства использовал понятия, имеющие навеянный математикой смысл. Действительно, он как раз в период работы над «Капиталом», как известно, занимался высшей математикой, что подтверждается замечанием Маркса об особенностях своего подхода в письме к Энгельсу от 8.01.1868: «...впервые, зарплата представлена как иррациональная форма проявления скрывающегося за нею отношения... (мне помогло то, что в высшей математике часто встречаются такие формулы)» [8, т. 32, с. 9].

Но кроме этого смыслового аспекта соотношения рационального и иррационального есть еще один: в смысле наличия или отсутствия сознательно-планового контроля со стороны субъекта деятельности над способом, формой ее осуществления. Это отчетливо просматривается, когда Маркс и Энгельс увязывают рациональность, демистификацию и дефетишизацию общественной жизни с установлением такого контроля над способом (строем) общественной жизнедеятельности людей. Маркс так писал об этом: «Строй общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем» [8, т. 23, с. 90].

В этом тексте следует особо обратить внимание на взаимосвязь ключевых моментов: демистификация (= рационализация) — сознательный планомерный контроль — «строй общественного жизненного процесса» (способ производства). В этом состоит важнейшее смысловое содержание, вносимое марксизмом в понятие рациональности (и, соответственно, иррациональности, т.е. фетишистской мистифицированности и извращенности).

В идее рациональности как сознательного контроля Маркс продолжает следовать традиции и идеалу гуманистической разумности, нашедшей развернутое воплощение в рационалистической метафизике XVII – XVIII вв., для которой разумность осуществляется в сознательной контролируемости и воспроизводимости. В частности, вся классическая буржуазная философия исходила из идеала разумности именно как сознательно проводимой контролируемости (Например, знаменитые Декартовы правила в его «Рассуждении о методе»). Процесс познания тогда рационален, когда каждый пункт его может быть сознательно проконтролирован, то есть в любой точке и с любого момента воспроизведен любым субъектом в любом месте и в любое время [2; 4; 12; 15].

Кстати, заметим здесь же, что анализ содержания дилеммы «контролируемость – неконтролируемость» выводит нас на прежнюю пару категорий «выразимость–невыразимость» (а следовательно, соизмеримость–несоизмеримость), ибо воспроизвести, общезначимо проследить можно лишь то, что кон-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тролируемо; и наоборот, если нечто не может быть воспроизведено, если оно в принципе однократно, следовательно, контроль невозможен и нет выразимости, господствует несоизмеримость (невыразимость вплоть до «неизреченности»).

Марксистской философии не просто близки смысловые оттенки, восходящие к прошлой традиции в толковании содержания и взаимосвязи рационального и иррационального, родство марксизма с глубокой интенцией рационалистической традиции в философии еще глубже: когда речь идет о рациональности и иррациональности как характеристиках способа или формы деятельности. Но различие марксистской философии и рационализма все же существенно: в отличие от рационализма она делает практическую действительность исходным пунктом философствования. Поэтому и рациональность получает иное содержание.

Классический рационализм тяготеет в истолковании данных категорий к математическому знанию (где рациональность и иррациональность выступает как соизмеримость–несоизмеримость), к теоретическому сознанию вообще (где эти категории понимаются как абстрактно-логическая правильность или, напротив, как нечто алогическое, абсурдное, непознаваемое), увлекаясь в толковании контролируемости абстрактным методологизмом и схематизмом (декартовское *cogito*, кантовский трансцендентализм). Порой, как скажем, у Канта, довольно глубоко и мет-

ко раскрывая «механику» процесса познания, работы активного познающего мышления, рационализм (или иррационализм, критикующий недостатки рационализма) не смог подняться до определения *социально-исторической природы* процесса познания и его форм, способов, приемов, схем. В.С. Швырев справедливо указывает на это, сравнивая Канта и Гегеля в истолковании разума: «Выдвигая представление о «разуме» как наиболее совершенном типе мышления, Гегель осуществляет по сравнению с Кантом последующий шаг в углублении методологической рефлексии. Он делает объектом своего исследования не знания в их непосредственной данности, как это было в философии Нового времени, и не взаимодействие априорной «формы» с заданным извне материалом, как у Канта, а самое «форму» в процессе ее внутреннего, имманентного развития, которое и образует собственно содержание этой «формы» [16, с. 83].

Замыкание теоретического сознания в кругу форм собственно познающего мышления рано или поздно подводит его к роковой черте, за которой начинается уже мистификация самого изучаемого процесса и дело не спасают гениальные догадки и озарения: исходная претензия сознательно контролируемого воспроизведения процесса познания шаг за шагом вплоть до самого истока его неизбежно упирается в необходимость ответить на вопрос о характере, природе этого истока.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Но для Маркса категории рациональное и иррациональное есть категории не только познающего мышления, теоретического сознания, но и материальной практики. Рационализм кроме практики научного познания, иной не признает и в силу этого вся область соотношения рационального и иррационального сводится к теоретическому сознанию, взаимодействию его механизмов. В этом ухватывается, несомненно, то важное, сущностное обстоятельство, что под рациональностью понимается наиболее развитая форма сознательного контроля, который неизбежно должен сопровождаться теоретически осознанным, контролируемым в формах развитого теоретического сознания воспроизведением процесса. Но рациональность к этому только сведена быть не может и история философии нам это определенно показывает. В этом смысле, набрасывая обдуманное в главном, Маркс в «Тезисах о Фейербахе» сформулировал так: «Все мистерии, уводящие теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в практике и в познании этой практики» [8, т. 42, с. 266].

В этом тезисе обращают на себя внимание два пункта, которые получают свое развитие в дальнейшем движении мысли. Во-первых, «мистицизм» самой жизни, то есть собственно мистерии, принадлежащие самой реальности, объективно существующие вне и независимо от субъекта. Это положение с далеко идущими последствиями. Во-вторых, мистицизм теорети-

ческий, как отображение тех самых реальных мистерий (в общем виде как бы более нам известный). Рациональность разрешения тоже двоякая: рационально разрешить (ликвидировать) мистерии, совершающиеся в реальной жизни и отображающиеся в головах (в различных теориях), можно и нужно практически, пересозданием этой практики, то есть самой реальности, и рациональность разрешения путем теоретического проникновения в сущность той практики, которая порождает мистерии. А отнюдь не «зряшным» отрицанием «выдумок» и «нелепиц», их логическим опровержением, выявлением их внутренних противоречий. По рационалистическому взгляду на суть дела, для «рационального» преодоления мистификаций достаточно теоретически осознанно (в строгих процедурах – Р.Декарт, Б.Спиноза) и контролируемо воспроизвести процесс (И.Кант) и произвести очищение познания от «призраков», «идолов» (Ф. Бэкон) и т.п., всего неясного, неотчетливого, смутного и противоречивого.

Критике такого подхода, как известно, Маркс уделил немало внимания в своих «Теориях прибавочной стоимости»: он считал, что такая рационализация есть не что иное, как формально-логически правильное упорядочивание обыденных представлений участников совершающихся мистерий, которые выстраивают совершенно ложную, извращенную по существу картину того, «что есть на самом деле», то есть всего оче-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

видно данного, того, что они со своей ограниченной точки зрения непосредственно видят. Такая картина, действительно, может быть обставлена солидным «фактическим» обоснованием, но это будут те самые факты, по поводу которых Гегель, как помнится, высокомерно отозвался — «тем хуже для фактов!». Добавив следующий тезис Маркса о том, что всякая общественная жизнь по существу является практической, мы подходим к истолкованию им социально-исторического и практического процесса как процессов мистификации и фетишизации, так демистификации и дефетишизации общественной жизни.

Каким же образом понимается в марксизме сама природа мистификаций и фетишизации социальной жизни и каковы способы преодоления их? В этих двух пунктах заключается существенное отличие марксистского подхода в истолковании рационального и иррационального от прежних рационалистических представлений, признанных им непродуктивными.

Анализ исходных позиций, на которых выработывалось коммунистическое мировоззрение марксизма, заставляет отметить, что понимание рациональности и ее диалектической противоположности несет на себе отпечаток общей гуманистической ориентированности марксизма и потому сводить их содержание к указанному выше «технологическому» аспекту — контролируемости познавательного процесса, — нельзя. Маркс ставит соотношение рациональности-иррациональности

в подчинение дилемме гуманность–антигуманность. По его мнению, дело в том, что идея сознательного планомерного контроля человека над строем (способом) общественного жизненного процесса выводит нас к представлению о превращении человека в подлинного субъекта, творца своей социальной жизни. С этой точки зрения становится понятным неудовлетворительность прежнего обыденного отождествления рациональности с простой целесообразностью или абстрактно-логической правильностью и непротиворечивостью.

Вот почему для Маркса иррациональное настолько многолико, что вполне может присутствовать в самом привычном и повседневном, в формах обыденного сознания и поведения, которые отнюдь не гарантируют человека от навязывания ему неподконтрольных ему форм и способов жизнедеятельности. С этих позиций должен быть понят коммунистический идеал разумно организованного общества, как он представлялся марксизму: «Коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль..., совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [8, т. 25, ч. 2, 386–387.] Заметьте, что говоря об идеале разумного переустройства общества, Маркс нигде не употребляет самого понятия разум, с его точки зрения, неадекватно упо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

требуемого рационализмом (как, впрочем, понятие свободы и необходимости). Основатели марксизма считали, что понятие разума в просветительской философии существенно отягощено фетишизмом и мистифицировано.

Однако во всем этом толковании, несмотря на многочисленные пояснения и оговорки, многое осталось весьма расплывчатым и неясным, даже противоречивым.

Общий контроль ассоциированных индивидов необходимо должен быть конкретизирован каким-то объективным критерием, мерилем, но каким? Мысль привычно сбивается на «природу человека», на условия, «наиболее достойные ее», — понятия, с точки зрения самого марксизма достаточно скомпрометированные в теоретическом плане. Ведь доказано уже, что нет вечной и неизменной «природы» человека, как нет вечного и неизменного «разума». Некую абсолютную внеисторическую природу человека марксизм, как никто другой, отрицал. Маркс попытался вложить в это внеисторическое содержание процесс непрерывного саморазвития, становления человека, когда в «Экономических рукописях 1857-1859 гг.» предположил, что подлинная история человека и природа его состоят в том, что он способен развиваться сверх всякого заранее данного предела, в универсальном и всестороннем развитии сил и способностей: «Во всех этих формах (древних типах общества - Авт.) основой развития является вос-

производство заранее данных... отношений отдельного человека к его общине и определенное, для него predetermined, объективное существование ... — в силу чего эта основа с самого начала имеет ограниченный характер. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом?.. Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становлениями» [8, т46, ч.1, с. 417].

Но в ситуации, когда необходим критерий, мера (как раз какой-то заранее данный масштаб!), то общий контроль ассоциированных индивидов приобретает явно негативистский характер отрицания всякой определенности и однозначности: получается, что он должен состоять в том, чтобы человеческая природа «не затвердела»

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ни в чем определенном? Острый недостаток позитивности сказывается в этой логике, которая вся пронизана лишь регулятивными принципами, нормативными предписаниями, не имеющими пока никакого определенного ограниченного содержания.

Разнообразно варьируемая мысль о сознательном контроле объединенных индивидов над способом их совместной общественной жизни, способом объединения в общество, грозит обесмыслиться, ибо то, что вчера было разумно, рационально и целесообразно, сегодня может превратиться в нечто неразумное и иррациональное. Получается, что смысл может иметь только движение и контроль над способом его и формой. Не получается ли это целесообразность без цели; движение – все, а конечная цель – ничто?

Не меньшее количество вопросов вызывает и понятие субъекта рационализации общественной жизни: указаны некие «ассоциированные производители», «коллективный человек». Немало опасностей подстерегает теоретическое мышление здесь, ибо рациональность при таком подходе может быть приписана только так называемому «коллективному разуму», а разум индивидуальный — обесценивается. Большевик наглядно продемонстрировал свойства социально-политического воплощения такого идеала («коллективный разум масс»), «партия – ум, честь и совесть», и т.п.).

Это только небольшая часть вопросов, возникающих при ближайшем рассмотрении

предельно общим образом сформулированного основателями марксизма их идеала гуманистической рациональности, осуществление которого, по их мысли, призвано было вырвать человека из-под слепой, враждебной ему власти стихийного осуществления общественной жизни. Иррациональность и есть господство стихийных неконтролируемых, навязанных природой или предшествующей историей, способов и форм жизнедеятельности. Поэтому рациональное и иррациональное становятся в марксизме не просто характеристиками теоретического сознания, но мерками социально-исторического процесса превращения человека в активного самостоятельного субъекта. Мы не будем сейчас анализировать историческую правоту или неправоту марксизма. Думается, что такой акцент в истолковании извечной проблемы добра и зла, свободы и необходимости, — обеспечил марксизму то влияние, которое он имел в двадцатом столетии.

Но не менее интересен и собственно логико-теоретический анализ соотношения рационального и иррационального, вне всемирно-исторического процесса преобразования общества и скачка его из «царства необходимости в царство свободы». Определенной новизной марксистской методологии было толкование иррационального как неконтролируемого человеком и навязанного ему извне (природой или историей — не важно). Поэтому иррациональное и рациональное вовсе не

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

обязательно различаются своим логическим строем. Формы иррационального многообразны и оно не сводится к алогическому, противоречивому или бессознательному.

Оно вполне может и выступает в виде схематизмов обыденного сознания, повседневной жизнедеятельности. Эта привычность и даже удобность иррациональных по сути форм сознания и практики является весьма распространенной. С другой стороны, с марксистской точки зрения, чистым заблуждением является сведение человека к сознанию, а тем более, — к разуму («*Homo sapiens*») и потому изгнание всех форм иррациональности из сознания и практики как некой патологии. Таким образом, рациональное и иррациональное невозможно различить на уровне и средствами обыденного сознания, с помощью формально-логических процедур. Поэтому Маркс с наибольшей интенсивностью подвергает теоретическому анализу именно обыденные представления (так называемых вульгарных экономистов, считая, что они с наибольшей силой выразили обыденные представления участников экономических процессов современного ему общества) на предмет выявления их иррационального содержания.

Речь идет о таких понятиях, как превращенные формы, прибавочная стоимость и предмет деятельности (труда, социальных отношений и т.п.).

Марксизм рассматривает общество как сложноорганизованную систему, в которую во-

влечены наделенные сознанием и волей люди, а также вещи. Он стремится показать многостепенные сложно организованные цепи опосредования и опосредствования, которыми связаны происходящие процессы и участвующие в них люди.

Многостепенные и сложные опосредствования ведут к двум важным следствиям: взаимосвязи, составляющие сущность системы, многократно опосредуясь, вытесняются и замещаются, что приводит в итоге к превращению формы данной системы и она становится нераспознаваема с точки зрения сущности ее, иначе говоря, сущность системы начинает проявляться столь опосредованно, что «уходит с поверхности явлений» и ее открытие превращается в загадку, тайну.

Роль опосредствования выполняют не только вещи, но и люди, а также их представления. Поэтому несостоятельна как вещно-механистическая картина этих процессов, так и субъективно-психологическая.

Маркс писал: «...действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости закостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы»[8, т.25, ч.2, с.396]. После такого превращения, отмечает он, вовлеченные в процесс

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

индивиды иначе смотрят на него: «Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой (действительной, сущностной – Авт.), а, напротив, в извращенной форме» [8, т. 25, ч. 2, с. 389].

В то же время, эти превращения довольно легко усваиваются обыденным сознанием, которое апеллирует к ним как к наличной реальности, совершенно не заботясь о судьбе сущности (как не заботились люди о законе тяготения тысячи лет наблюдая различные формы его проявления – падающие на землю вещи и висящую в небе луну), несмотря на то, что сущность в них извращена, затемнена и вытеснена («с поверхности явлений»).

Маркс подчеркивает отношение к этому участников процесса и тем самым формулирует принципиальной важности проблему: «Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного! В формах проявления, лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде» [8, т. 25, ч.

2, с. 340]. Еще раз обратим внимание на это указание Маркса, что *обыденное сознание не различает рациональности и иррациональности*, ибо внутренняя сущностная связь стерта и нераспознаваема, замешена, а, значит, для него вытеснена из сферы непосредственно очевидного и доступного опыту обыденного сознания. Поэтому сущность можно постичь только опосредованно, в понятиях, теоретическим разумом и только им исследована. Только в теоретическом понятийном мышлении возможно различение рационального и иррационального.

Это следует понимать так, что рассудочное обыденное сознание ухватывает не рациональность или иррациональность, а какие-то их необходимые, но недостаточные признаки. Например, формально-логическая правильность и непротиворечивость являются необходимыми, но недостаточными признаками рациональности, как и алогизм и противоречивость вовсе не являются обязательными и тем более достаточными признаками иррациональности.

Поэтому-то для рассудка истины науки парадоксальны и противоречат данным повседневного опыта (постоянство ускорения свободного падения тел на землю вне зависимости от веса, шарообразность Земли, гелиоцентрическая система и т.д.) в том смысле, в каком подметил еще Гегель, а затем и Маркс: «В этом случае справедливо то, что Гегель сказал отно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сительно известных математических формул: то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность» [8, т. 25, ч. 2, с. 341], а с другой стороны, рассудок может вращаться в кругу иррациональных, но вполне привычных представлений и форм деятельности.

Маркс вновь и вновь возвращается к этой ситуации, заостряя внимание на отчужденных, как он подчеркивает формах проявления сущностных связей: «Поэтому нас не может удивлять обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *prima facie* принимают нелепый характер и полны противоречий, – а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя, – что именно здесь вульгарная политэкономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными» [8, т. 25, ч. 2, с. 383].

Мы сталкиваемся здесь с весьма сложной и острой проблемой: понять противоречивость и нелепость таких форм можно только при анализе их с помощью средств теоретического мышления, но сами по себе теоретические средства (понятия, категории, теории) не являются индикаторами рацио-

нальности или иррациональности. Поэтому-то с их помощью может осуществляться псевдорационализация стереотипов обыденного сознания, зачастую носящих в принципе иррациональный характер. И связано это, по мнению Маркса, с тем, что отображение сущностной связи явлений и процессов является сложнейшей задачей (раскрытие тайны), так как она не просто не дана непосредственно, но подвергается многоступенчатому превращению, содержащим замещения и вытеснения ряда посредствующих элементов.

Острота познавательной проблемы оказалась связана с тем, что сам познающий субъект является участником познаваемых процессов и потому характер включенности его в изучаемые связи и отношения вещей и явлений существенно предопределяет итог постижения сущности, а, следовательно, рационализации представлений о ней. Например, постоянно подчеркивает Маркс, трудность изучения сущности капитала состоит в том, что «...вся сфера (капитала) есть сфера конкуренции, в которой, если рассмотреть каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности, и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства» [8, т. 25, ч. 2, с. 395–396].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Там, где сущностная связь не скрыта под слоями опосредствований, непосредственные участники процесса производства способны ее осознавать, сознательно действовать в соответствии с ней. Но такая благоприятная познавательная ситуация, очевидно, есть вещь достаточно редко встречающаяся, а в случае с познанием процессов, совершающихся в обществе, тем более исключительная.

Еще более сложные, крайние случаи состоят в том, что опосредствования ведут к *превращениям* взаимосвязей так, что принципиально меняются местами причина и следствие, начало и конец, цель и средство, условие и результат и т.п., являя совершенно фантастическую картину. Часто опосредствование настолько усложняется и разрастается, что проявляется «непосредственное» – в виде тождества указанных категорий, ибо опосредствование выпало из поля зрения участников процесса. Вот почему одним из признаков иррационального является *чистая непосредственность*, – выступает ли она в виде мистической интуиции, вдохновения, экстатического озарения, чудесного явления и т.п., – с помощью которых предполагается прямой прорыв к сущности, богу, минуя слои опосредствований.

Рациональность поэтому всегда дискурсивна, в дискурсивности раскрываются слои и уровни опосредствования. Иррациональность часто кроется там, где склонны полагать что-то *самоочевидным*, *само собой*

разумеющимся, не нуждающемся в специальном разъяснении и обосновании. Фундаментальная методологическая подозрительность к такого рода самоочевидным (непосредственным) данностям совершенно оправдана. В этих формах слишком часто скрывается навязываемый неконтролируемый схематизм связи определенного рода, при ближайшем рассмотрении часто оказывающийся вполне иррациональным (невыводимостью одного в другом), что в последующем разрешении этого противоречия могло приводить, например, к раскрытию целой новой предметной области, скрытой ранее от рефлексии. Как правило, такой продуктивной рефлексии предшествовали существенные практические изменения, достижения, которые и приводили к неудовлетворенности формулами типа: «таким образом, отсюда следует...», «само собой разумеется, что...» и другими подобными.

Частным случаем противоречивого взаимоотношения непосредственного и опосредствованного, проявляющего связи рационального и иррационального, выступает у Маркса категория «овеществление». Он указывает на то, что опосредствования часто принимают форму овеществления: «В формуле «капитал-прибыль» или, еще лучше, «капитал-процент, земля - земельная рента, труд-зарплата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства с его

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

источниками, оказывается завершенной мистификацией капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир...» [8, т. 25, ч. 2, с. 398].

В сложных системах человеческой деятельности складывающиеся общественные отношения опосредуются вещами, осуществляются при посредстве вещей. Неразличение характера такого опосредствования, того обстоятельства, что вещная оболочка общественных отношений и человеческой деятельности есть лишь посредствующее звено и сведение их к вещам, к этой вещной оболочке — все это ведет к непосредственному сращиванию, отождествлению и мистификации связей: соизмерение несоизмеримого (вещь и общественное отношение), иррациональность.

Смысловой оттенок понятия мистификации соприкасается с содержанием понятия непосредственное, ибо мистификация и есть подмена сущности непосредственно данным (но фактически несущественным), что выступает как бы непосредственным явлением сущности (как будто она дается непосредственно), что невозможно, и в то же время есть на деле (непосредственная данность запредельного). Чаще всего, суть этого механизма в том, что

посредствующий процесс опускается, замещается и на поверхности предстает «непосредственная» связь. В наибольшей мере этот механизм был прослежен Марксом в анализе ссудного процента: «В форме капитала, приносящего проценты, это качество (самовозрастание - Авт.) проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. Вещь (деньги, товар, стоимость) как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи; от владельца денег, то есть товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения (курсив наш - Авт.) [8, т. 25, ч. 1, с. 431].

И далее Маркс резюмирует суть перехода к иррациональному: «Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получает свое завершение. В Д-Д' мы имеем иррациональную фор-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

му капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений... перед нами мистификация капитала в самой яркой форме" [8, т. 25, ч. 1, с. 432].

Как видим, категории непосредственное-опосредствованное занимают важное место в анализе Марксом связи рационального и иррационального. Можно сразу же сказать здесь, что в современных исследованиях проблемы рациональности этим категориальным соотношениям уделяется крайне мало внимания, между тем как эта пара категорий если не помогает вскрыть тонкие механизмы образования таких форм иррациональности как мистическое, фетишизм, и т.п., – то по крайней мере, нацеливает на это.

Однако при всей важности этих обстоятельств, явно и четко прослеживаемых в марксистском анализе «превращенных форм сущности капиталистического способа производства», мы должны исследовать собственное содержание категории иррациональное, как это виделось Марксу.

Следует обратить внимание на то, что с необходимостью существует два уровня рассмотрения. Первый уровень – это, как мы уже видели, объективные процессы многообразного опосредствования в сложноорганизованных системах деятельности (например, производство материальных благ, распределение, обмен, общественные отношения и т.д.), то есть иерархически организо-

ванная система взаимосвязей и отношений людей и вещей, в которых имеют место процессы опосредствования, замещения, вытеснения (или в целом – превращения). Это объективно существующий слой реальности общественной жизни как таковой, самой по себе.

Но есть второй слой, он играет не менее важную роль, ибо речь идет о взаимодействии субъективных стремлений и представлений. Однако этому плану Маркс также придает объективный характер, он говорит об «объективных мыслительных формах... в которых практически резюмируются определенные общественные отношения» [8, т. 25, ч. 1, с. 383]. Иррациональное не списывается на счет «дурной субъективности», вздорных продуктов произвольной игры фантазии, но рассматривается как закономерное образование: формирование иллюзий и заблуждений, извращенных представлений имеет под собой объективно закономерную почву.

Оба эти слоя постоянно представлены в том способе анализа капитала, который многообразно повторяет Маркс. Вначале – свершение превращения на основе многообразного опосредствования: «Движение, характерное для капитала вообще, – возвращение капитала к его исходной точке, – для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит» [8, т. Там же]. Превращение уже имеет место

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

до всякого его осознания, осмысления, простого отображения: в таком виде картина предстала бы всякому сознанию, решившему бы ознакомиться с ней. «В самих этих сделках, – стремится подчеркнуть и детализировать процесс Маркс, – посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен. Простая форма капитала – деньги, которые затрачиваются в виде суммы $A+1/x$ A без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала» (курсив наш – Авт. [8, т. 25, ч. 2, с. 389]).

Далее с этими реально совершившимися превращениями, со всеми замещениями и вытеснениями, имеют дело участники процессов производства, обмена, распределения и т.п. Но все они неизбежно выступают как частичные участники, которым открывается лишь определенная часть целостного процесса и потому, по мнению Маркса, они неизбежно строят превратное представление: «...распределение предполагает наличие этой субстанции, т.е. совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме» [8, т. 25, ч. 2, 389–390].

Характерно именно это включение в постижение любого

процесса капиталистического общества позиции наблюдателя, которая формируется, тем не менее, совершенно объективно (методологическое новшество, которое делается общенаучным лишь в следующем веке, после научной революции начала XX в.). Маркс продолжает: «Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достоящиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода» [8, т. 25, ч. 2, с. 383]. С этой точки зрения, участники таких процессов ничего иного и не делают, как только в привычных им категориях отображают, как им кажется, «реальное положение дел». Именно так характеризуется вульгарная политэкономия: «Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства» [8, т. 25, ч. 2, с. 384]. Однако в чем же раскроется иррациональный смысл таких доктринерских представлений?

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Об иррациональности простого теоретического отображения такой реальности Маркс начинает говорить, переходя к указанию на то, что оно ведет к соизмерению в принципе несоизмеримого и выражению невыразимого – одного через другое – в случаях, когда такое, с его точки зрения, невозможно: «...Она (вульгарная политэкономия. – Авт.) нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит, земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата, или цена труда есть *prima facie* три невозможных компонента... Если под капиталом понимается определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то *prima facie*, является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал-процент» отпадает всякое опосредствование и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле» [8, Там же].

Чисто внешне такие попытки выразить невыразимое и соизмерять несоизмеримое проявляются в противоречиях: конечные выводы и следствия приходят в неразрешимое противоречие с исходными определениями понятий и категорий. По мнению Маркса, наглядным примером является стремление вульгарной экономики искать «спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала» [8, т. 25, ч. 2]. Вновь и вновь он подчеркивает такое толкование иррациональности:

«Может показаться, что по крайней мере в формуле «труд - заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля – земельная рента», поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства» [8, т. 25, ч. 2, с. 390].

В одном из писем к Энгельсу он повторяет как заклинание свой вывод: «Здесь обнаруживается, на чем основывается характер представлений филистера и вульгарного экономиста, а именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная форма проявления отношений, а не их внутренняя связь. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще была бы тогда наука?» [8, т. 31, с. 266].

Характер представлений не устраивает Маркса по причине того, что они ведут в содержательном смысле к фетишизму (вещи наделяются сверхъестественными свойствами обще-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ственных отношений) и овеществлению общественных отношений, а с точки зрения формы – к противоречиям, взрывающим логическую систему понятий изнутри.

Однако иррациональность в этой логике проистекает от того, в сущности, что происходит не просто соизмерение несоизмеримого, – это лишь «слепок» с реальности («как она есть»); дело в том, что остановка обычного, рассудочного сознания на фиксации этой реальности является основой более глубокого следствия – фактически неконтролируемого, стихийно навязываемого субъекту познания и действия способа воззрения и представления, который берется как данность. Именно на этом настаивает Маркс, говоря о том, что фиксация данности овеществления и фетишизации есть исходный пункт последующего анализа, который должен пробиться к сущности через «скорлупу» явлений.

Указывая на объективный характер превращенных связей и отношений, необходимо дополняющихся превратными представлениями, он подводит к мысли, что общественные отношения являются, в сущности, ничем иным, как некими устоявшимися схематизмами деятельности людей (способами, приемами, нормами, правилами ее осуществления). Поэтому воспринимать их чисто «доктринерски», то есть некритически воспроизводя их в той или иной системе понятий, не докапываясь до того – почему они именно таковы, является основанием

второго свойства иррациональности: воспроизводства неконтролируемого способа, формы деятельности. В рамках такого способа жизнедеятельности общества (общественного отношения) пусть происходит ежедневное, ежечасное сопоставление несопоставимого, соизмерение несоизмеримого, но если все это воспринимается как «само собой разумеющееся» и не требующее критического пересмотра, то тогда это есть иррациональность как неконтролируемое воспроизведение способа или формы деятельности со стороны субъекта ее.

Идея рациональности как контролируемости своей деятельности сознающим субъектом глубоко свойственна классической европейской философии и гуманистической традиции в целом. Маркс и Энгельс эти глубинные устои классики усвоили еще в молодости и в самом общем виде формулировали в своих ранних работах, до своего самоопределения в качестве идеологов научного социализма. Тогда еще возникла мысль о связи задачи демистификации познания и достижения подлинной свободы человеком с установлением сознательного контроля людей над способом их общественной жизни: «Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов, поскольку существующий строй есть не что иное, как продукт существовавшего до сих пор объединения между

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

самими индивидами (*курсив наш* – Авт. [8, т. 3, с. 71]).

Помимо указанной здесь связи рационализации общественной жизни с коммунистической революцией, подчеркнем идею о том, что коммунистическая революция должна установить господство человека (индивидов) над строем (способом) объединения людей в общество. Позднее она будет неоднократно воспроизводиться в других работах. Энгельс в «Анти-Дюринге» вернется к общей характеристике этой идеи, которую вполне можно было бы назвать идеей коммунистической рациональности: «Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь попадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоящие им до сих пор как чуждые господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут

вполне сознательно творить свою историю сами, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [8, т. 20, с. 295].

Резюмируя итоги рассмотрения наиболее рельефно выявившихся сторон воззрений Маркса на проблему сущности и взаимоотношений рационального и иррационального, на наш взгляд, можно выделить следующее.

Прежде всего, марксизм поставил свои воззрения в предметную связь с классическим наследием, с основными идеями классической философии и культуры. Это отчетливо просматривается в том, что марксизм рациональность и разумность истолковывает в духе гуманистической традиции – как цель и средство переустройства человеческого общества, мерило и критерий прогресса (хотя разумность и рациональность наполнялись, разумеется, иным содержанием). В общем направлении просветительской идеологии прогрессизма человеческое общество оптимистически рассматривается в перспективе грядущего торжества свободы, обеспеченной мощью раскрытого разума человека, освобожденного наконец от пут мракобесия, фанатизма, фетишизма, невежества и других его вечных врагов.

Глубинная связь марксизма с классической философией в рассмотрении проблемы раци-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ональности прослеживается и в том, что рациональность понимается как сознательная контролируемость способа деятельности.

Разумно лишь то, что может быть проконтролировано самосознающим субъектом, прослежено во всех нюансах и отчетливо осознано. Более того, рациональность заключается в том, чтобы с помощью «естественного света» разума (самосознания) не просто проявить, сделать умозрительно очевидными все элементы рассматриваемого предмета, но и сделать явным, ухватить сам способ порождения предмета. Другими словами, речь идет о контролируемой воспроизводимости: субъект предметной деятельности овладевает способом ее, способом порождения предмета. В этих глубинных устремлениях классики марксизма находят свои первоначала (первоосновы) в истолковании рациональности.

Европейская традиция такого понимания места и роли субъекта познания и деятельности в мире глубоко фундирует идеологию Просвещения, всего Нового времени, их главные лозунги: «Знание – сила» (еще один смысл: «власть») (Knowledge itself Power), Cogito ergo sum, и т.п.). Смысл всепронизывающего методологизма классической европейской философии также становится понятным в свете исходного толкования рациональности, которая выступает сквозной смыслообразующей тенденцией, регулятивным принципом.

Связь марксизма с классическим наследием заключается и в том, что не утрачен оказался еще один смысл рациональности – соизмеримость. Представляется, что марксизм даже существенно актуализировал этот аспект понятия рационального, возникший в глубокой древности и противоположный понятию иррационального, то есть несоизмеримого. В этом плане марксизм перебрал «мостики» от математических исследований своего времени к философскому истолкованию соотношения рационального–иррационального.

Связь с классическими подходами, безусловно, может быть прослежена и в общем понимании места и роли разума (рациональности) в процессах преобразования как познавательной деятельности, так и социальной практики. Марксизм устами, как своих основателей, так и продолжателей (В.И. Ленин), подчеркивал свою неразрывную связь с рационалистической традицией, особенно в ее направленности против всех крайних форм агностицизма, религиозного идеализма, апеллирующего к откровению, мистическому озарению и т.п. [6, т. 23, с. 46]. Познание должно быть очищено, в соответствии с заветами Ф. Бэкона, от всех «идолов» и «призраков», только после этого оно может и должно обеспечить могущество человека.

Не меньшую роль, как известно, Просвещение отводит познавательной деятельности в деле переустройства челове-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ского общества и достижения всеобщего благополучия и счастья на земле: избавленные от предрассудков и заблуждений. Постигшие вечные законы природы, люди наконец-то смогут осуществить свободу, равенство, справедливость, покончить с невежеством, фанатизмом и суеверием, сеющим бедствия и страдания людей. И хотя Маркс и Энгельс никак не могли бы согласиться с тем, что осуществлено это может быть силой единственно разума и просвещения, – необходимую роль их в конечном преобразовании общества они подчеркивали. Ленин, говоря о том, что нужно отыскать в обществе социальную силу (класс), способную свергнуть старое общество и создать новое, как известно, утверждал необходимость сплочения и просвещения этой силы, внесения в нее элемента «сознательности», развития «разума масс». Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что марксизм продолжает внутренне присущие новоевропейской культуре тенденции в истолковании и применении понятий рациональное и иррациональное.

Но марксизм развивается в контексте назревшего кризиса классических устоев европейской культуры и потому чутко уловил как «болевые» точки, так и «точки роста». Представление о разуме, рациональности и их противоположностях существенно пересматриваются в плане их содержания и места как в системе категорий философского знания, так и в реаль-

ной жизни.

Главное внимание было уделено демистификации и дефетишизации понятий разума, рациональности (и их противоположности): разум и рациональность признаются не как некие субстанции, а только как характеристики человеческой предметной (познавательной и практической) деятельности и вне ее не существуют в принципе. Никакого «Разума» вообще, который сам по себе (как гегелевская «Абсолютная идея») развивается, заблуждается (отчуждается), к себе самому возвращается и т.п., – быть не может. С этим пережитком рационалистического фетишизма должно быть покончено.

Так же, как и с представлениями о вечном и тем более неизменном характере разума и его законов. Эта характеристика человеческой предметной деятельности развивается вместе с ней и потому надо постоянно помнить об исторически преходящем характере человеческих представлений о том, что такое разум, рациональность. Отдельный разговор должен быть о том, что в понимании процесса развития не должно быть релятивизма и что взаимоотношение абсолютного и относительного имеет сложный характер.

Получило существенное продолжение и развитие представление о диалектической взаимосвязи противоположностей рационального и иррационального, разумного и неразумного. Великие уроки классики не могли быть обойдены и потому

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

представление об абсолютной противоположности этих категорий должно было быть выброшено как явно примитивное и устаревшее («мистерии, уводящие познание в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в практике», «идеализм есть чепуха для материализма грубого, метафизичного» и т.п.). Классическая немецкая философия с ее пристальным вниманием к проблеме соотношения рассудка и разума вплотную подошла к современному истолкованию этого аспекта проблемы рационального и иррационального. Этот последний занял, как мы видели выше, довольно важное место в критике различных форм «концептуализации» обыденных представлений агентов капиталистического производства у Маркса. Важно было то, что марксизм более «спокойно» взглянул на тот факт, что рациональность и иррациональность глубоко проникают друг в друга и это есть не игра распаленного или непроященного сознания и воображения, а так называемые «объективные мыслительные формы», слепки с фрагментов реальности, отколовшихся от целого и живущих самостоятельной жизнью. Более того, марксизм увязал две проблемы – сущности и явления и рационального и иррационального, тем самым произведя существенную конкретизацию (в ряде посредствующих понятий и категорий) содержания категорий рационального и иррационального.

В этом месте, на наш взгляд, стоит отметить несколько продуктивных аспектов, которые выделяют марксистский подход в сравнении с классической традицией.

Марксизм рассмотрел вопрос о рациональности как сознательной контролируемости и соизмеримости под углом зрения соотношения сущности и явления: почему оказывается невозможным сознательно контролировать познавательные процессы? Почему при попытке сделать это возникают противоречия, приводящие к явным нелепицам? В чем причина - в несовершенстве сознания или принципиальной непознаваемости самой реальности? Марксизм отбросил оба варианта как некорректные: дело в качествах реальности, частью которой является сознающий и познающий человек. В известном отношении, эта тенденция включать точку зрения объективного наблюдателя и точку зрения участника процесса при объяснении закономерностей реальности как важный элемент самого познавательного действия и выяснения того, почему дело представляется именно так, а не иначе, – эта тенденция предвосхищает современную научную практику. Марксизм обратил внимание на то, что характер познаваемой реальности существенно отличается от традиционной «вечной природы», бытия как такового, самого по себе и т.п., в сложных связях познаваемой реальности в качестве важных опосредствований, существенно влияющих на нее в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

целом, выступают сами познающие субъекты, наделенные волей, желаниями, идеями, сознаниями. Концепция превращенных форм реальности и сознания у Маркса в «Капитале» представляет собой попытку вскрыть все элементы цепи опосредствования и показать характер наиболее важных звеньев ее, влияющих на познание сущности.

Однако остро поставленный вопрос о том, что правильное, рациональное представление о смысле и характере посредствующих звеньев возможно лишь с точки зрения сущности всего процесса, не облегчает нам решения задачи: а как же субъекту добраться до сущности, если она непосредственно ему не дана, да, к тому же, еще и чаще всего затемнена превращенными формами? Прямо скажем, что известные пояснения Маркса об особенностях его метода политической экономии, далеко не проясняют того, как же он приходит к сущностному воззрению на капиталистический способ производства, тогда как традиционные последователи трудовой теории стоимости погрязают в повседневных формах капитала, пытаясь с помощью локковской теории абстрагирования, выявить сущность, хотя, в конечном счете, и лежащую в их основе, но как раз существенно искаженную (вытесненную, замещенную, превращенную).

С этой же точки зрения только и можно понять то обстоятельство, что мы всегда оказываемся в двух возможных познава-

тельных позициях: в одной мы имеем возможность продвижения к познанию сущности, двигаясь через познание затемняющих и искажающих ее явлений, а в другой – возможность постижения сущности для нас закрыта и мы обречены на вращение в кругу «превращенных форм» заколдованного и на голову поставленного мира (который мы неизбежно примитивно рационализируем и в котором все «Объяснимо»). Маркс считает, что этот выбор познавательной позиции исходно предопределен социальной позицией познающего субъекта (субъект социально удовлетворен и потому он лишь рассудочно рационализует свои обыденные представления, не находя в них ничего противоречивого и противоестественного). То, что дело не в одних только заблуждениях и предрассудках сознания, существенно меняло объяснительные схемы гносеологии.

Социально-исторический характер познавательной деятельности как части культурно-исторической практики человечества наполняется марксизмом новым содержанием. Гегелевская идея о содержательности форм (познания) дополнительно обогащается идеей отложившихся слоев культурно-исторического творчества: каждая мыслительная форма (категория, метод, правило, схематизм мышления) есть продукт длительного социально-исторического развития, в «снятом» виде содержит предшествующие этапы и уровни. Подразумевается как бы скрытая, невидимая

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

глазу «археология» знания, архитектоника глубинных слоев опосредствовании, предшествовавших нынешнему состоянию. Идея, как известно, реализованная в нашем веке М. Фуко.

С точки зрения такой логики, бессмысленен вопрос о том, что важнее: рационализация познания с целью последующей рационализации практики и повседневной жизни общества или наоборот? Познание освобождается от своих «призраков» и «идолов» не путем изощрения эпистемологических процедур, шлифования методов и приемов работы с самосознанием (оттачивания мыслительных практик); это необходимый, но не достаточный элемент, - а путем погружения в материальную практику преобразования условий жизни и деятельности людей. Именно здесь может и должен развернуться последовательный процесс реальной критики (действием) всех мистификаций, уводящих сознание от реальности, проверка «на прочность» различных версий демистификации жизни и сознания. Сама по себе практика, «опыт», «факты», - как бы ни казались они обыденному сознанию прочными, «твердыми», в отличие от «зыбких» рассуждений и умозаключений разума, - также не могут быть матрицей рациональности[1].

Такой решительный уход от позиций как ползучего эмпиризма, догматически воспринимающего наличную данность (по мнению марксизма, всегда кишашую превращенными формами), так и рационализ-

ма, уповающего на некие надежные мыслительные процедуры и методы (по мнению марксизма, всегда применимые даже к самым диким и фантастическим идеям и ситуациям), - ставит немало весьма сложных вопросов. Если нет простых и однозначных критерием рациональности, какими ранее считались соответствие фактам наличной реальности, абстрактно-логическая правильность или интуитивная (самоочевидная) ясность, то как же, в таком случае, решается проблема соотношения рациональности и иррациональности? Может быть, здесь имеет место чистый произвол или сиюминутная конвенциональность (что, в сущности, означает одно и то же)? П. Фейерабенд, как известно, в своем «эпистемологическом анархизме» приходит к выводу о равноценности объяснительных схем мифа, религии и науки, борясь со всяческим «методологическим принуждением»[14,с.312]. Но, действительно ли, матрицей рациональности становится, как говорит Т. Кун, «научная парадигма», разделяемая значимым научным сообществом? [5]. Чисто внешне, на феноменологическом уровне истории науки как будто так оно было и есть: Фейерабенд на исторических примерах показал процедуру «выбраковки» научных гипотез и объяснительных схем. Однако что-то же, помимо следования косным правилам, установленным жреческой кастой ученых, мешает простоудушно разбавлять научные исследования

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сколь угодно изощренной мифологией, несмотря на разгул сегодняшней «паранауки»?

Марксизм, наполнив социально-историческим содержанием познание и практику, должен был и содержание понятия «рациональность» сформулировать социально - исторически. Как это сделано в рассмотренных выше примерах: рациональность есть не просто *сознательный контроль* («ассоциированных индивидов») над способом (формой) своей предметной (практической и познавательной) деятельности, но *контроль над социально - исторически выработанной формой*. Важно было указывать какая именно исторически конкретная форма (способ) той или иной деятельности подвергается контролю, понимается ли это обстоятельство вообще.

Маркс пытается пристально вглядываться в формы, «предшествующие капиталистическому накоплению», чтобы исторически конкретно сформулировать рецепт рациональной демистификации капиталистического способа производства, преодоления различных фетишизированных, превращенных форм. В русле такого взгляда рождается его идея революционного переустройства общества – как в первоначальном гуманистическом варианте «Экономическо-философских рукописей 1857–1859гг.», так и в более позднем варианте в «Капитале». Разумеется, надо отчетливо представлять себе степень разработанности этих вариантов, с тем,

чтобы избегать поспешных заявлений о том, что Маркс или Энгельс «разрешили» проблему, раскрыли тайну и т.п., равно как и не замечать значительного влияния этих идей на современную философию.

В содержательном плане марксизм наметил еще одну важную взаимосвязь, применив для анализа иррационально превращенных форм понятия: отчуждение, овеществление, фетишизм. Иррациональное, прежде носившее чисто отрицательный характер простой (абстрактной) противоположности рациональному, стало приобретать собственный силуэт, собственное содержание. Конструктивный характер понятия иррациональное в «Капитале», где оно наполняется содержательными характеристиками (соизмерение несоизмеримого, овеществление отношений, превращение сущностных связей, спонтанность и деструктивность человеческой деятельности и т.п.), создает совершенно нетрадиционное восприятие этой категории после знакомства с употреблением ее в марксизме.

Иррациональное в таком смысле перестает носить характер пугала, а приобретает законный статус *соотносительной с рациональностью категории*, другими словами, выступает такой же характеристикой человеческой деятельности, как и рациональность – с точки зрения наличия или отсутствия контроля субъекта деятельности над способом ее, что подразумевает необходимость углубле-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния изучения ситуации с тем, чтобы понять, что здесь имеют место соизмеримость (несоизмеримость), выразимость (невыразимость) – как указатели на важный рубеж, где требуется переход к решению проблемы «однородности (однопорядковости) сущности». Иррациональность как отсутствие контроля над способом (формой) деятельности не есть нечто чисто негативное, пустое – оно переадресует нас в сферу спонтанности, деструктивности.

Иррациональность, как она используется в марксизме, – скорее, превращается в регулятивный принцип: она должна быть введена в самую процедуру рационально-контролируемого порождения предметного мира теоретического сознания как абсолютно необходимый элемент, некий «сторож», предостерегающий от путей, которые неизбежно приведут к мистификации действительных связей, фетишизации явлений реальности (наделение их несвойственными функциями: овеществление отношений людей и наделение вещей волей и стремлениями). Иррациональность как постоянное напоминание об ограниченности теоретического разума не в смысле его ущербности, недоброкачественности, а в смысле исходном, коренном, который он сам себе установил – наличия границ, пределов («определенность»). Теоретиче-

ский разум – это «определенное» мышление в формах, стремящихся четко отграничить себя друг от друга, в отличие от мифологем с широкими полями отождествлений, плавню перетекающих одна в другую. Рациональность, в свою очередь, лишенная мистифицирующего ее флера абсолютности и жесткой однозначной заданности, также проявляет свойство регулятивного принципа: принципа построения теоретического предметного мира. Рациональная деятельность сознательно-контролируемо устанавливает свои границы, в рамках которых она может позволить себе уверенно оперировать по определенным схемам, за пределами же этих границ, допущений, условий – запрещает продолжение прежних действий. Иррациональность чаще всего проявляется как следствие неотрефлексированного выхода за границы неявных допущений, посылок, по существу – неявного задания предмета.

К сожалению, в классическом марксизме, в конечном счете, осталась нереализованной возможность логически последовательной и исчерпывающей на тот момент разработки данной фундаментальной философской проблемы, для которой основоположники его, тем не менее, оставили нам значительные теоретико-методологические достижения.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Библиографический список

1. Амин Самир. Вирус либерализма// http://marxsexxx.com/lit/samir-amin-liberal_virus.html #06.
2. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. – М., 1988.
3. Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. – М., Карьера Пресс, 2015.
4. Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Крит. очерк. – М., 1989.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1972.
6. Ленин В.И. Полн.собр.соч. 5-е изд. В 55 тт.
7. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах К. Маркса. Как я понимаю философию. – М., 1992.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
9. Марксизм и Россия. Екатеринбург, 1990.
10. Патнем Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. – М.: Издательство Праксис, 2002. – 296 с.
11. Рациональность // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. – М.: Мысль.
12. Рациональность как предмет философского исследования. Ответственные редакторы: канд. филос. наук Б.И. Пружинин, докт. филос. наук В.С. Швырев. – М., 1995.
13. Русаков В.М. Проблема рационального и иррационального в деятельности. От классического марксизма к современности. Диссертация доктора филос. наук. – Екатеринбург, 1998.
14. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
15. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – «Вопросы философии», 1992, № 6.
16. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М., 1978.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Amin Samir. *Virus liberalizma*. [The Liberalism Virus], http://marxsexxx.com/lit/samir-amin-liberal_virus.html #06.
2. Avtonomova N.S. *Rassudok, razum, ratsional'nost'*. [Reason, reason, rationality]. Moscow, 1988.
3. Iglton Terri. *Pochemu Marks byl prav*. [Why Marx was right]. Moscow, 2015.
4. Kasavin I.T., Sokuler Z.A. *Ratsional'nost' v poznanii i praktike*. [Rationality in cognition and practice]. Moscow, 1989.
5. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. [Structure of scientific revolutions]. Moscow, 1972.
6. Lenin V.I. *Poln.sobr.soch.* [Full composition of writings]. 5.th ed. V 55, Moscow.
7. Mamardashvili M.K. *Analiz soznaniya v rabotakh K. Marksa. Kak ya ponimayu filosofiyu*. [Analysis of consciousness in the works of K. Marx. As I understand philosophy]. Moscow, 1992.
8. Marks K., Engel's F. *Soch.* [Compositions]. 2nd ed.
9. *Marksizm i Rossiya*. [Marxism and Russia]. Ekaterinburg, 1990.
10. Patnem Kh. *Razum, istina i istoriya*. [Reason, truth and history]. Moscow, 2002. 296 p.
11. *Ratsional'nost'*. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. [Rationality New Philosophical Encyclopedia]. v 4 tt. Moscow.
12. *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya*. [Rationality as a matter of philosophical inquiry]. Moscow, 1995.
13. Rusakov V.M. *Problema ratsional'nogo i irratsional'nogo v deyatel'nosti. Ot klassicheskogo marksizma k sovremennosti*. [The problem of rational and irrational in activity. From classical Marxism to modernity]. Dissertatsiya doktora filos. nauk. Ekaterinburg, 1998.
14. Feyerabend P. *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya. Izbrannye trudy po metodologii nauki*. [Against methodological coercion. Selected works on the methodology of science]. Moscow, 1986.
15. Shvyrev V.S. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury*. [Rationality as the value of culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1992, 6.
16. Shvyrev V.S. *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii*. [Theoretical and empirical in scientific knowledge]. Moscow, 1978.

**Как марксизм овладевал массами:
к вопросу о мифологизации марксистских
представлений в общественном сознании
в 1920-е – середине 1930-х годов
(по материалам женской истории Урала)**

В докладе анализируется содержание марксизма с позиций смысло-жизненных ценностей человека, характеризуется интерес к этой проблеме, проявленный в среде историков. Показано на примере уральского женского социума формирование отношения к содержанию марксистской теории как официальной идеологии советского общества в первые пятнадцать лет советской власти. Выявлено, что объективный подход большевиков к решению вопроса о том, зачем живет человек, определял их политику тотальной пропаганды марксистских положений, негативное отношение к критическому анализу марксистских тезисов. Основными каналами агитации и пропаганды стали публичные лекции, общие женские собрания и собрания делегатов; для коммунисток, занимавших руководящие посты, обязательным было обучение в школах советской и партийной работы, при этом политическая выдержанность, готовность беззаветно выполнять партийные решения считалась предпочтительнее политической грамотности. Установлено, что в условиях почти всеобщей неграмотности марксистские идеи проводились в форме кратких лозунгов и их содержание, упрощаясь, нередко трансформировалось, искажалось. В качестве типичного примера мифологизации, упрощения марксизма рассмотрена трансформация в процессе агитации и пропаганды одного из главных ленинских положений в решении женского вопроса – о взаимосвязи способностей к управлению государством и социальной принадлежности субъекта. Показано, что к середине 1930-х гг. постепенно пропаганда ленинизма сменялась насаждением идей сталинизма, доверие со временем стало трактоваться как безоговорочное восприятие истинности марксистско-ленинских положений, что становилось фактором превращения марксизма в своеобразную религию.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, большевизм, женщины, лозунг, мифы

Мирошниченко Мария Ильинична – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, mmi74@yandex.ru

Журавлева Вера Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, филиал Южно-Уральского государственного университета, Златоуст, Россия, zhurav-
lvera@yandex.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Производство спроса на смысл, считая его при этом вторым производством, Ж. Бодрийяр назвал главной проблемой современной западной цивилизации, первое же производство – это производство самого смысла [14, с. 34]. Так прозорливо Ж. Бодрийяром было отмечено одно из главных духовных противоречий современного западного общества, транслирующего свои базовые, фундаментальные ценности посредством стимулирования потребления и активного распространения городской культуры американского типа. Проблема усиления нивелирующих личностей тенденций развития современного сверхмеханизированного общества обсуждают и философы [12, с. 60]. Именно В.И. Ленин нашел силу против пассивности массы и такой силой стала организация, вооруженная идеями марксизма. Именно марксизм в трактовке В. И. Ленина дал представителям «нижних классов» возможность ощутить свою индивидуальность, осознать свою значимость, и, соединив усилия и превратившись из безликой толпы в организованные отряды, реализовать тысячелетнюю мечту о социальном равенстве, построить «новый мир», судьба которого будет еще долго волновать умы человечества.

Поддерживая позицию Ж. Бодрийяра в вопросе о приоритетности задачи производства смысла, поясним, что под смыслом мы понимаем содержание бытия, взятое в особой роли: выступать посредником в

отношении человека с миром и с самим собой, то, что мы ищем и откроем в мире и в себе. Подходя к решению смысловожизненных проблем с объективной стороны, марксисты считали, что ответ на вопрос о том, зачем, ради чего живет человек, для последователей какого-либо одного философского течения, будет однозначным, ибо проистекает от осознания единства жизни человека с представителями его социальной среды.

Марксизм как учение, возникшее в середине XIX в. в качестве варианта объяснения новых экономических отношений, основанных на капиталистической частной собственности (безусловной, по своему характеру), имел совершенно особую историческую судьбу. И дело здесь даже не в том, что он относится к универсальным теоретическим конструкциям, охватывающим собой всю сферу социальных наук, а в том, что основные идеи его экономической и политической концепций, правда, в их ленинизированном варианте, имели место быть претворены на практике.

До сих пор труды К. Маркса и Ф. Энгельса переводятся и изучаются. К примеру, новые переводы первого, второго и третьего томов «Капитала» с немецкого на английский язык были сделаны в 1976–78 гг. в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии [10, с. 265–266].

Развитие экономических учений отмечает терминологическая противоречивость – есте-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ственное следствие как различных, зачастую прямо противоположных и непримиримых, мировоззренческих установок и сложности исследуемой системы объектов, так и результат степени преломления теоретических представлений в сознании субъектов в зависимости от уровня общей культуры, образования, жизненного опыта, жизненных позиций, личных устремлений и вплетенных в ткань социальной практики политических интриг.

«Что бы мы не думали о конечной обоснованности (validity) марксизма, – отмечал Марк Блауг, – надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование “законов движения” капитализма» [10, с. 207].

При этом, признавая принципиальную верность многих отдельных пронизательных замечаний К. Маркса (о том, что средняя норма прибыли зависит от средней нормы прибавочной ценности как функции размеров рабочей силы, или о том, что заработная плата бывает наиболее высокой непосредственно перед кризисом), а также отмечая справедливость марксистской критики доктрины рикардианских социалистов 1830-х–1940-х гг. о «праве труда на полный продукт труда», М. Блауг видит основной просчет экономической составляющей марксизма в том, что ее теоретические постулаты базируются на трудовой теории стоимости

(labor theory of value) при допущении тезиса о равном размере нормы прибавочной ценности во всех отраслях экономики, а также неизменном и равном по величине прибавочном продукте, производимом каждым рабочим вне зависимости от отрасли, где он работает, что ставит под сомнение их применимость даже к анализу экономических процессов средней трети XIX в. [10, с. 215, 219, 234].

Как бы не были интересны экономические рассуждения К. Маркса и их современные оценки, сколь остры не были бы столкновения его сторонников и противников, эмоциональны их высказывания, продуманны и изощренны их аргументы, именно то обстоятельство, что теоретические постулаты марксизма были приняты к руководству (в их развитии в зависимости от представлений лидеров большевизма о своеобразии исторических условий России), привлекает особое внимание к проблеме продвижения идей марксизма в массы. В какой форме и какими способами оно осуществлялось? Каково было содержание большевистской марксистской пропаганды? И, как это не парадоксально, насколько марксистскими оказались те идеи, которые упорно, последовательно, целенаправленно, порой фанатично, всегда – с опорой на силу и финансовые возможности проводились провозгласившим себя пролетарским государством – государством, считавшим себя последователем и проводником идей Парижской коммуны

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

1871 г.? Парижская коммуна во Франции продержалась 72 дня, советская власть в России продержалась чуть более 74-х лет.

Все дискуссии об экономической и политической сущности империализма и его связи с социалистической революцией, которыми были отмечены 1900-е – 1910-е гг., сразу отошли в прошлое после того, как волна революционных потрясений октября 1917 г. породившая вторую Гражданскую войну в России, закончилась победой красных.

Для России утратили свою актуальность тезисы австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга – автора теории «организованного капитализма» («Финансовый капитал: новейшая фаза в развитии капитализма», 1910 г.) – об экономической возможности создания «всеобщего картеля», который уничтожит все антагонизмы капиталистического строя (кроме антагонизма распределения продуктов между рабочим классом и буржуазией), и таким путем возникнет «организованный капитализм», который станет основой эволюционного перехода к социализму [22]. В настоящее время в условиях дальнейшей концентрации производства и капитала в рамках смешанной экономики при появлении нового уровня монополизации рынка, с перерастанием ТНК – транснациональных корпораций (или МНК – многонациональных корпораций) в МКА (международные корпоративные альянсы) – идея поголовной картелизации вряд ли реально осуществима.

В 1910-е гг. подверглись резкой критике В.И. Лениным и взгляды сторонника теории «организованного капитализма» Николая Бухарина, который доказывал (в работе «Мировое хозяйство и империализм. Экономический очерк», 1915 г.), что существующая при империализме тенденция к интернационализации сведет до минимума развивавшуюся ранее конкуренцию между странами (отдельными национальными хозяйствами), антагонистические противоречия будут ликвидированы и в результате возникнет «организованный капитализм», который естественным путем эволюционирует в капитализм без социалистической революции [16]. Вариантом «организованного капитализма» выступала и теория «ультраимпериализма» Карла Каутского. Согласно его представлению, борьба национальных финансовых капиталов сменится их интернациональным объединением и на стадии «ультраимпериализма» возникнет союз империалистических государств, в рамках которого исчезнут антагонистические противоречия и, соответственно, империалистические войны и со временем в ходе длительного прогрессивного развития возникнет социализм.

Крах социализма, или, говоря мягче, отказ от программы социалистического строительства породил продолжение бурных дискуссий о большевизме, о потенциях социализма, начавшихся после октябрьских событий 1917 г. и особенно после

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

поражения Белого движения в Гражданской войне [86]. Н. А. Бердяев, пытаясь разобраться в содержании большевизма и предлагая свою интерпретацию его истоков, выделяет марксизм классический и марксизм русский. Он тонко подмечает, что развитие производительных сил (в структуру которых входят и люди, обладающие знаниями и навыками) даже первые русские марксисты воспринимали не как процесс экономического развития, создающий общественные блага, а как орудие революционной борьбы [8].

Наряду с традиционной критикой марксизма [77; 6; 90; 91] накал дискуссий вокруг марксизма в наше время каждый раз возрастает по мере того, как проявляются новые стороны нового, современного, иносоциалистического бытия России. Первый всплеск таких дискуссий был вызван крушением идей перестройки и программы «500 дней»: «перестроить» позднее советское общество, создать «социализм с человеческим лицом» не удалось, а переход к рынку фактически занял значительно дольше полутора лет и происходил гораздо болезненнее, нежели предполагалось его теоретиками, цены возросли гораздо более, нежели в 30 раз и т.п. [21; 15; 17; 57; 58; 34]. Следующий этап роста исследовательского интереса был связан с кризисами 1998 г. и 2008 г. [74; 70; 47]. В. Д. Жукоцкий выявляет «русскую специфику» ортодоксального марксизма, размышляя о том, почему семя марксизма проросло на почве

русской культуры «Серебряного века». Решение этой, по словам автора, «загадки», связано с русской религиозностью, с особенностями русской секуляризации; при этом религиозность понимается как данность, как абсолютное условие личностного бытия человека [29]. Н. А. Евдокимов, анализируя историю развития политической мысли на политологическом уровне, рассматривает основные направления и формы развития марксистских либеральных аспектов, их место и роль в классической марксистской идеологии. Автор отмечает, что марксистский гуманизм направлен на социализированного человека, а не на развитие его индивидуальности [28]. Сейчас в связи со спадом, вызванным введением экономических санкций после объявления Россией нового статуса Крыма, а также в преддверии столетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции битвы вокруг большевизма возобновились с новой силой [79; 80; 62].

Распространение гендерной методологии открыло огромную нишу в поле исторических исследований. Восторженный прием гендерных идей многими западными историками и сдержанный в России связан как раз с разнонаправленностью течения основных тенденций женской истории в странах Запада и в Советской России-СССР. Новая государственная политика советской власти в отношении женщин, проводимая с октября 1917 г., с одной стороны,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

и, с другой, богатые традиции изучения женской истории в рамках историко-партийного дискурса в связи с исследованием работы среди женщин по СССР в целом [1; 2; 3; 4; 5], в его краях и областях, а также в союзных и автономных республиках [71; 72; 73], стали фактором сдерживания безудержной восторженности по поводу появления гендерологии, красной мыслью которой первоначально выделялись идеи о том, «как мужчины угнетают женщин», и что «надо вписать женщин в мировую историю». Было очевидным, что женщины в СССР давно уже достигли свободы и реализовывали ее возможности, а также успешно самореализовывались в любых сферах общественной жизни.

В то же время гендерная история, как направление структурализма в постмодернизме возникла и может плодотворно развиваться лишь в таких условиях, когда классические исторические исследования, написанные в русле эволюционизма, прогрессивизма, уже осуществлены. Другими словами, когда канва исторических событий восстановлена как в целом, в общем виде, с учетом общих тенденций, закономерностей, так и в конкретно-историческом плане, с выяснением разного рода подробностей, выявлением этнокультурного своеобразия, региональных, местных особенностей. Только на этом этапе, когда подробно изучены женщины в качестве демографической группы, государственная политика, в том числе

законодательство, в отношении женщин, общеисторические события, вовлекавшие в свою орбиту женщин, побуждавшие их к деятельности, то есть основные составные элементы системы, возможен переход на другой уровень, а именно обращение к исследованию отношений между этими элементами, их взаимосвязей, взаимодействия, взаимовлияния. Только в этих условиях возможно корректное проведение сравнения и противопоставления, оценки деятельности, власти, культуры женщин в сравнении с деятельностью, властью и культурой мужчин, только в этих условиях можно написать историю констелляций [30; 60, с. 212–213]: взаиморасположения гендерных конструктов, воспроизводимых в обществе, социокультурного статуса мужчин и женщин, получающего отражение в сознании индивидов.

Появление классических трудов по гендерной методологии в 1986 г. совпало для российских историков с тем временем, когда в СССР с апреля 1985 г. начался период перестройки. Снятие цензурных запретов, провозглашение свободы мысли, плюрализма во второй половине 1980-х гг. и дальнейший переход к рыночной экономике, в русле которого книгоиздательство из государственной монополии вновь возвращается в сферу предпринимательской деятельности, привели к резкому расширению круга тем и крутому взлету исторических исследований по различным разделам истории женщин.

Анализ историографии

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

классического и гендерного дискурсов женской истории периода 2000-х гг. показывает, что получили изучение не только новые направления деятельности женщин [18; 20; 88; 71], структуры повседневности [64] и статус женщин [49], но и мотивы, побуждения к деятельности [19], аспекты истории ментальности [48, 65; 66; 67; 68], новые существенные черты социального портрета женщин в структуре той или иной возрастной [63, 69; 87], этнонациональной [72] и др. общности, реконструирование гендерных процессов на региональном уровне [89]. Сложился комплекс историографических исследований [61; 71].

С «классическим “мужским угнетением”» – в смысле преодоления правового и политического бесправия, закрепления равных прав мужчин и женщин в законодательстве, в том числе предоставления женщинам прав избирать и быть избранными, что было главными требованиями феминисток и суфражисток – в Советском государстве было покончено в первые десятилетия советской власти. Ядром первой модели советской гендерной композиции стали именно правовые положения, направленные на изменение статуса женщины и обеспечивавшие юридическое равноправие мужчины и женщины. Нормами советского законодательства признавалось право граждан Советской России обоего пола, трудящихся, которым ко дню выборов исполнилось 18 лет (не входивших в категории, перечисленные в ст.

65), избирать и быть избранными в Советы [36, ст. 582], а также право массовых организаций работниц на управление страной в единении с Временным рабочим и крестьянским правительством [50, с. 20]. Впервые в мировой истории женщин была описана борьба с «женободством» – побоями мужьями жен как традиционной и самой распространенной формой семейного насилия. Были освещены и новые формы «мужского угнетения» – получившее в 1920-е гг. достаточно широкое распространение «женоедство», причем не только в виде высмеивания депутатских обязанностей женщин, как «бабьей блажи» [23, с. 34, 36, 37], но и в качестве различных других форм сопротивления вовлечению женщин в управленческую сферу.

Исследователями был реконструирован существенный пласт истории российских женщин, связанный с их участием в государственной деятельности, а также с периодом их активного вовлечения в сферу государственного управления.

С другой стороны, безусловно, рамки историко-партийного дискурса, стесненного изначально различными ограничениями (мерами официальной политики в отношении церкви, положениями резолюции X съезда РКП(б) «О борьбе с оппозицией», нормами советского законодательства о борьбе с тунеядством и спекуляцией с 1961 г., традиционно негативным восприятием «бывших» как угнетателей и т.п.), существенно сужали возможности историков,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

насильственно локализовывая их интересы в определенном, хотя и относительно широком, русле.

Часть исследователей считают, что вовлечение женщин в общественное производство в марксистском дискурсе требовалось в интересах достижения их экономического равенства с мужчинами. Так, в своем интересном труде, содержащем богатый конкретным фактическим материалом по развитию женского движения в Оренбуржье, И.Г. Сытник пишет: «Ключевым вопросом, который определял все остальные отношения, считалось достижение экономического равенства с мужчинами, а для этого требовалось включение женщин в общественное производство» [75, с. 72–73]. На наш взгляд, требование экономического равенства с мужчинами стало естественным следствием объективно развивающегося процесса вовлечения женщин в производство как одного из социальных элементов производительных сил. Выражая в первую очередь интересы работающих женщин, ортодоксальные марксисты главным полагали достижение экономического равенства. Вторым аргументом необходимости вовлечения женщин в общественное производство И.Г. Сытник называет облегчение распространения большевистской идеологии среди женщин: если оставить женщин дома, в семье, то есть сохранить традиционный порядок, то внедрение в их сознание марксистской идеологии было бы ме-

нее эффективным [75, с. 72–73].

Снижение размера заработной платы работавшим на производстве женщинам (которые составляли один из отрядов производственных рабочих) по сравнению с заработной платой мужчин было прямым путем экономии переменного капитала. Все это наряду с суммой начисленного износа основного капитала и затрат сырья (или в понятийном аппарате марксизма – постоянным капиталом) экономило поток совокупных капиталовложений. Именно это обстоятельство, порождающее перманентное недовольство работающих женщин, в совокупности с целым рядом ограничений царского правительства в отношении видов деятельности, к которым допускались женщины, делало женщин потенциальным союзником в революционной борьбе.

Долголетний опыт совместной деятельности, в которой ряд женщин проявили себя лучшими организаторами, чем некоторые мужчины, в том числе и на боевой работе, оказал влияние на формирование позиции большевиков при выработке их политики в женском вопросе. Именно этот опыт успешной совместной работы позволил В.И. Ленину позже утверждать: «Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т.п., чем «болеет» наша постоянно мнящая о себе непомерно много («интеллигенция») или скороспелые («коммунисты») [41, с. 24–25; 44, с. 157].

Руководство партии большевиков отчетливо осознавало значение женщин в общественной жизни. В мае 1917 г., определяя задачи пролетарской революции в России, В.И. Ленин заявлял: «Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии» [38, с. 165]. «Не может быть социалистического переворота, – писал он в ноябре 1918 г., трактуя социалистический переворот в широком смысле как социалистические преобразования, – если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия» [40, с. 185]. Понималась также и степень женского влияния, осуществляемого через систему социальных сетей: «Успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины», – говорил глава советского правительства [40, с. 186]. В декабре 1920 г. В.И. Ленин отмечал, что в мирной организаторской партийной и советской работе женщины должны сыграть первую роль [45, с. 54].

В целом, указания В.И. Ленина о работе среди женщин носили тезисный характер, объективно они существенно повыша-

ли статус женщин в мнении мужчин. Были намечены основные направления работы по ликвидации положения женщин как «угнетенного пола» [43, с. 287]: в юридическом отношении – это достижение полного равенства с мужчиной по закону, свобода от опеки мужчины и от угнетения мужчины [43, с. 286]; в практическом отношении – участие женщин-работниц в управлении государством и общественными предприятиями [44, с. 158]. Им были выдвинуты основные лозунги: «Не может быть, нет и не будет настоящей “свободы”, пока нет свободы для женщины от привилегий в законе в пользу мужчины» [43, с. 286], «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин» [44, с. 158], «Освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц» [42, с. 202], «Сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины» [42, с. 203]. До этих лозунгов и сузились содержание марксизма, транслируемого на уровне рядовой работницы, крестьянки.

Признание юридического равноправия с мужчинами и другие изменения, осуществляемые советской властью в отношении прав женщин на регулятивном уровне, делали женщин активным субъектом политической жизни. Предпочтения женщин, их отношение к политическим решениям представляли собой один из важнейших структурных элементов функционального уровня политической системы, обеспечивавшего те-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

чение политических процессов. Предпочтения мы понимаем как выбор, который делает человек, определяя своё отношение к каким-либо системам мировоззренческих ценностей, и который формирует механизмы индивидуального поведения, порождая при этом то или иное общественное положение (статус). Диверсифицированный характер женского социума определял неоднородность политических позиций и настроений женщин.

Восприятие текущих событий в 1920-е гг. было определено сложным комплексом факторов: типами и формами жизнедеятельности, мировоззренческими позициями, родственными связями, жизненным опытом и многими др. Для сторонников и родственников красных, жертв или свидетелей насилия белых (на Урале девушки, в том числе 16–18 лет, за принадлежность к Социалистическому Союзу Рабочей молодёжи подвергались в годы Гражданской войны порке [27, с. 10] белые были «палачами», «белобандитами»). Для сторонников белых, жертв революционного насилия со стороны красных, родственников людей, убитых красными, и других жертв революционного насилия большевики – это «каратели-красные», «краснюки», «красные бандиты». Так, случаи насилия над женщинами со стороны красных, особенно китайцев и мадьяр по национальной принадлежности, отмечались при подавлении вспыхнувшего в феврале-марте 1920 г. «вилочного восстания» в

уездах Уфимской губернии (наряду с Самарской и Казанской губерниями). [35, с. 162, 331]. Восприятие идей участниками или современниками событий как с той, так и с иной стороны носило ярко выраженную эмоциональную окраску, которая в 1920-е – начале 1930-х гг. снижала планку достоверности, аналитичности, усиливая их непосредственное, прямое воздействие.

Глубина осмысления политических событий современницами определялась и уровнем образования, и условиями жизни, обострённостью чувства справедливости, глубиной ума, твёрдостью характера, склонностью к конформизму и т.п.

Говоря о политических предпочтениях женщин, то есть об определении ими своей позиции по отношению к государственной власти, следует выделить группы женщин с устойчивыми политическими убеждениями, сложившимися на почве той или иной партийной принадлежности еще до революционных событий 1917 г. В первую очередь, это коммунистки, эсерки, анархистки, меньшевички, народницы.

Личные дела, так неохотно выдаваемые в архивах исследователям, содержат в себе личные листы, автобиографии, в которых нашла отражение информация о восприятии марксизма женщинами-коммунистками. Даже многие «большевички» – так называли в 1920-е годы женщин, вступивших в партию до октября 1917 г., имели весьма приблизительное или не

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

имели вообще никакого представления о марксизме. Так сорокадвухлетняя «большевичка» Фаня Яковлевна Тетельбаум, член РКП (б) с 1912 г., не имевшая никакого образования (отданная на работу с восьмилетнего возраста), писала в своей автобиографии в 1925 г.: «Теории марксизма не знаю. Марксистскую литературу читала в Одессе в кружке, – и, несмотря на то, что к моменту написания автобиографии она уже окончила трехгодичный курс Коммунистического университета им. Зиновьева (в составе его первого выпуска), о своем знании марксизма делала откровенный вывод, – марксистская подготовка – относительная» [52, л. 3]. Последняя ее партийная должность, которую Ф. Тетельбаум занимала перед поступлением в Коммунистический университет и до командирования на Урал, – заведующая агитационным отделом Володарского районного комитета ВКП(б) в Петрограде [52, л. 4, 5 об., 7]. При этом Ф.Я. Тетельбаум характеризуется «политически выдержанной», что, надо полагать, следует трактовать, как последовательно выполнявшая все директивы партии.

Двадцатишестилетняя районная женорганизатор в Бродокалмакском районе Челябинского округа О.С. Бухарина, имевшая образование в два класса церковно-приходской школы, характеризовалась в 1926 г. как «недостаточно политически развитая», несмотря на то, что она окончила одногодичную Челябинскую окружную

школу советской и партийной работы [51, л. 1, 3, 5]. Отметим, что эту характеристику также дополняют слова: «политически выдержана». То есть готовность выполнять любые распоряжения партии, действовать без рассуждений перевешивало чашу понимания.

Типичным примером вульгаризации, приведшей к прямому искажению ряда марксистско-ленинских представлений, может служить судьба ленинских идей о социальной принадлежности тех людей, которые способны участвовать в управлении государством, высказанных им в работе «Удержат ли большевики государственную власть?». Эта работа была опубликована в журнале «Просвещение» в октябре 1917 г. Вот тезисы В. И. Ленина: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны с кадетами, с Брешко-Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [39, с. 315]. Сущность ленинского высказывания

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«о кухарке» такова: необходимо создание таких условий, при которых получить возможность, доступ к обучению делу государственного управления должны иметь представители различных социальных слоев, в том числе «низов».оборот «любая кухарка» введен здесь, конечно, в пылу полемики. Понятно, что естественными ограничителями выступают, в первую очередь, дееспособность, несовершеннолетие, грамотность и т.п. Но работа, в которой данная мысль была высказана, имела публицистический характер, отнюдь не представляя собой академический научно-правовой труд из области цивилистики.

Мысль была растиражирована и претерпела множественные изменения. От почти правильного толкования: в оренбургской газете «Советская степь» за 11 марта 1924 г. в «Страничке безбожника», сочетавшей материалы антирелигиозной пропаганды с работой среди женщин, говорилось: «Женщина – товарищ, каждая кухарка должна научиться управлять государством, нет разницы между трудящимся мужчиной и женщиной – вот что говорят рабоче-крестьянская власть и безбожники-коммунисты» [75, с. 109]. До прямого искажения первоначального смысла: «Каждая кухарка должна управлять государством». «Каждая кухарка должна управлять государством» – прекрасные слова, но они из лозунга должны превратиться в дело, тогда строительство нового социалистического общества и государства

будет ускоренно» – так заканчивалась вводная часть тезисов Организационного отдела Уральского областного исполнительного комитета Советов в середине 1920-х гг. [25, л. 12 об.].

Иной аспект придает искаженному варианту мысли В. В. Маяковский: «Каждую кухарку нужно научить управлять государством». Вот его слова из поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Дорожка скатертью!/ Мы и кухарку/ каждую/ выучим/ управлять государством!» [46].

«Каждая кухарка должна научиться управлять государством» – такая интерпретация выражения вошла в научно-популярные литературно-филологические современные издания [9, с. 209]. В общественном мифологизированном сознании бытуют и крайние варианты искажения: «Любая кухарка может управлять государством». Тогда ленинская мысль проста: в разных слоях населения, в том числе, среди женщин, даже имеющих профессию кухарки, есть люди, обладающие способностями к эффективному государственному управлению, которые могут быть развиты при создании условий, способствующих раскрытию их личностного потенциала.

Понятно, что в стране, где более 70% населения были неграмотными, представители тех слоев, которые большевики рассматривали как свою социальную опору, как социальную базу диктатуры пролетариата, научную теорию со сложнейшим понятийным аппаратом понять не могли. Поэтому был

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

найден эффективный путь овладения марксизмом массами. Содержание положений сужалось до кратких лозунгов, лозунги проводились через систему образования, главным образом в 1920-е гг., через новое ее звено, неизвестное в эпоху царской России, а именно через систему политического образования.

Работницы, являвшие собой, как отмечала в январе 1920 г. И. Ф. Арманд, самую отсталую часть пролетариата [11, с. 87], в течение долгих лет в массовом масштабе подвергались массивному пропагандистскому воздействию, при этом мало поддаваясь социалистической пропаганде. Эффективной система политического просвещения была среди молодежи.

С начала 1920-х гг. по всей стране создавались марксистские кружки специально для женщин. Женотдел ЦК РКП(б) специальным циркуляром от 13 декабря 1922 г. ориентировал побуждать работниц входить в общерабочие кружки, а если уровень женщин был ниже, то создавать более элементарные кружки. Организация женских кружков считалась допустимой в виде исключения лишь в тех местностях, где быт не допускал существования смешанной аудитории [86, л. 1].

Основным каналом формирования политических взглядов женщин стали делегатские собрания, беспартийные женские конференции, женские съезды, совещания. Делегатки составляли (после коммунисток, комсомолок и красноармеек) наиболее лояльно относившийся к

советской власти слой женщин. На Урале избирались и «старшие делегатки» (к примеру, в поселке Кулевчинском Троицкого района в 1927 г.) [56, л. 60]. В делегатских собраниях коллективное соединялось с индивидуальным, сопрягаясь с эмоциональным подъемом, чувствами избранности, причастности к общему делу, собственной значимости, вкупе с материальной заинтересованностью. Происходило, в сущности, воспитание веры. В 1921 г. лозунги: «Да здравствуют свободные женщины!», «Да здравствуют вожди пролетариата тт. Ленин и Троцкий!», – неделя за неделей, месяц за месяцем внедрялись в сознание их участниц женского движения [54, л. 81]. При этом получаемые начальные политические знания женщин, существенно мифологизировались: «Почтим память умершей Инессы Арманд, всю свою жизнь посвятившей работе среди женщин» [53, л. 2 об]; «Пролетарское государство организуется без всякого насилия» [53, л. 84]. Значение многих слов женщинам первоначально было абсолютно непонятно. Это непонимание отражалось в протоколах начала 1920-х гг. совершенно невероятными словесными конструкциями: «сик-нитар» (секретарь), «дему-лизуя» (демобилизуя), «высокопоставленная техника»; «Великие вожди международного рабочего класса Роза-Лексенбург и Карл-Лепнехт» [53, л. 1, 3, 4; 55, л. 60].

В исследуемый период в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сравнении со временем Гражданской войны условия вступления женщин в партию большевиков существенно изменились. Ранее запись в партию проводилась массово, после женских митингов и собраний, как это было, к примеру, в Челябинске 25 октября 1919 г., когда после митинга 114 женщин-работниц в Железнодорожном клубе им. В. И. Ленина в партию записалось 19 работниц, или 18 ноября 1919 г. в Екатеринбурге, когда во время партийной недели все делегатки города вступили в партию [76, с. 47]. В мирное время условия приема женщин в партию были значительно ужесточены. В 1924 г. среди коммунисток появилась категория «ленинок-работниц», вступивших в ВКП(б) по «ленинскому набору». При проведении «ленинского набора» уральскими женотделами особой кампанией не проводилось. «Ленинки» были в Екатеринбурге, Перми, Златоусте, Сарапуле и др. [82, л. 34]. Однако как абсолютная, так и относительная численность коммунисток на Урале была небольшой. Так, в декабре 1922 г. в Екатеринбургском уезде насчитывалось 233 коммунистки [84, л. 94 об.], в октябре 1923 г. в Екатеринбурге – 211, а в Нижнетагильском уезде – 114 [81, л. 7 об.]. В Уральской областной партийной организации к 1925 г. на каждую ячейку приходилось 4 коммунистки, по ВКП (б) в целом – 10. В Зауралье, несмотря на то, что прием женщин в коммунистическую партию осуществлялся здесь более высокими темпами, нежели росли

партийные ряды в целом, к 1925 г. на каждую ячейку приходилось лишь немногим более 2 женщин [7, с. 15]. В январе 1926 г. в партийную организацию Златоуста входило 607 женщин. Их число за 9 месяцев выросло лишь на 79 чел. [83, л. 172.]. В 1929 г. 12944 коммунистки на Урале составили 14,9% от общей численности уральской партийной организации. В 1932 г. в целом по ВКП (б) женщин насчитывалось 512000 чел. [31, с. 73]. В Уральской партийной организации в 1933 г. – 38099 (17%) [32, с. 227]. Изредка женщины занимали руководящие посты в ячейках ВКП(б) [В 1927 г. в составе парткомов по стране в целом числилось 7,1%, в 1929 г. – 20,1% женщин [31, с. 78].

В структуре политических убеждений многих молодых (в прямом и переносном смысле этого слова) уральских партиек преобладала скорее вера, нежели знания. Крайне слабо понимание коммунистками Екатеринбургского уезда политических вопросов отмечалось в 1922 г. [84, л. 94 об.]. Именно в связи с этим удельный вес женщин в составе пропагандистов городских и районных комитетов Урала оставался весьма невысоким. Даже в 1935 г. он составил 10–13% [13, с. 51].

Редкое упоминание о В. И. Ленине содержится в стихотворении «Песня пряжи», сочиненном А. Кожевниковой в конце 1920-х гг.: «Ночь. Избушка деревенская / села пряжа у окна /И про «долюшку про женскую»/ Призадумалась она./ Были годы подневольные,/ Была женщина

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

рабой./ Заглушала мысли вольные /Жизнь домашней суетой./ Сколько горя, унижения,/ Выйдя замуж, приняла;/ Не видала дня весеннего,/ Мимо молодость прошла./ А теперь вот делегаткою/ Баба старая служу,/ На собраниях, за тетрадками/ За бумагами сижу./ О делах мирских беседую,/ рассуждаю горячо-/ Ведь не даром я как следеет./ Подружилась с Ильичем./ Все его произведения/ Слово в слово в голове,/ Слово солнышко весеннее/ В беспредельной синеве./ В беспредельной и сияющей/ Всей улыбкою весны/ Над землею расцветающей/ Над раздольями страны./ Где возрастают люди новые/ Где и будни хороши.../ Так пляши же нить суровая, Веретно мое пляши» [33]. Понятно, что слова «Все его произведения» являются метафорой и относятся к идеям, повторяемым в виде лозунгов и сжатых тезисов через основные формы агитационно-пропагандистской работы.

В 1930-е гг. система политобразования использовалась для насаждения складывавшегося культа личности И.В. Сталина. В 1933-1934 гг. вышел переработанный учебник «История ВКП (б)», в котором преувеличивалась роль И.В. Сталина в истории партии. После XVII съезда ВКП (б) в передовой статье журнала «Пролетарская революция» было прямо высказано требование, чтобы изучение истории партии, особенно в советский период, показывало «во весь рост ... исполинскую фигуру Сталина» [цит. по: 59, с. 367].

Начальное, высшее и сред-

нее образование к середине 1930-х гг. также являлись каналами пропагандистского влияния среди молодёжи и взрослых. Так, в 1934 г. в число основных предметов, изучаемых в средних профессиональных учебных заведениях, была включена дисциплина «История классово-борьбы», неуспеваемость по ней влекла за собой исключение, а незачеты трактовались как «сознательное игнорирование политической учебы» [25, л. 22–22 об.]. Показательно содержание темы VIII «Учение о партии», входившей в 1935/36 уч. г. в программу обучения, разработанную Отделом культурно-пропагандистской работы ЦК ВКП (б). Ее тезисы: «Превращение троцкизма в передовой отряд международной контрреволюционной буржуазии», «Правый оппортунизм как кулацкая агентура в партии», «Сталин о разгроме партией антиленинских группировок», «Путь троцкистско-зиновьевской оппозиции. Двуручничество как система и основной метод ее борьбы против партии. Превращение ее подонков в белогвардейских террористов. Необходимость повышения революционной бдительности к прощам разбитых, но недобитых остатков враждебных классов и их агентов. Необходимость непрестанной настороженности и зоркости в обнаружении и распознавании классового врага» [26, л. 25 об.].

Во второй пятилетке особое внимание стали уделять публикациям произведений И.В. Сталина. Если в 1917–1938 гг. на до-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лю работ К. Маркса и Ф. Энгельса приходилось 7,7 % тиража по СССР, В.И. Ленина – 30,9 %, то на произведения И.В. Сталина – 59 %, на издание совместных сборников работ Ленина-Сталина – 2,4 % [37, с. 211].

Понятно, что в таких условиях учения марксизма не знали. Но, как показала практика, для мобилизации людей на выполнение поставленных задач, глубокое знание марксизма особого значения не имело. Элемент веры трактовался как доверие. Настойчивая борьба против кри-

тического анализа (критицизм вообще со временем стал пониматься как сомнение в правильности партийной линии) стала тем фактором, который постепенно превращал марксизм в своеобразное подобие религии. Это приводило к выхолащиванию сущности марксизма, разочарованию в его идеалах и в конечном итоге способствовало отторжению марксистских ценностей общественным сознанием в условиях расхождения слова и дела.

Библиографический список

1. Алферова И.В. «Женский вопрос» в аспекте гражданогенеза: Россия и мировое сообщество [Текст] / И. В. Алферова // Граждано-генез в России / под общ. ред. Б. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. – Брянск: Изд-во «Курсив», 2009. – С. 205–213.
2. Алферова И.В. Концепт «новая женщина» в интерпретации К. Цеткин: этапы становления, основные характеристики [Текст] / И. В. Алферова // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 9–14.
3. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти, 1917-1927 гг. [Текст]: Автореф. ... дисс. д-ра ист. наук. – СПб., 2011. – 34 с.
4. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма [Текст] / И. В. Алферова. – Брянск: Изд-во «Курсив», 2011. – 352 с.
5. Алферова И.В. Большевицкая женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» [Текст] / И. В. Алферова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – № 5-3. – С. 106–111.
6. Арон Р. Демократия и тоталитаризм [Текст] / Р. Арон / пер. с франц. Г. Семенова. – М.: Изд-во «Текст», 1993. – 303 с.
7. Баикина А.И. Деятельность партийных организаций Зауралья по вовлечению женщин в строительство социализма (1921–1925 гг.) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1972. – 24 с.
8. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. М.: Наука, 1990. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/05.html> (дата обращения: 30.08.2017).
9. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка [Текст] / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари. Астрель, АСТ, 2000. – 624 с

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

10. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / М. Блауг / пер. с англ., 4-е изд. – М.: «Дело ЛТД», 1994. – 720 с.
11. Блонина Е. Новые задачи работниц [Текст] / Е. Блонина // Арманд И. Ф. Статьи. Речи. Письма. – М.: Политиздат, 1975. – С. 86–88.
12. Блюменкорт М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта [Текст] / М. В. Блюменкорт // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 47–60.
13. Бобкова Р.А. Формы и методы работы партийных и комсомольских организаций Урала среди женской молодежи в годы второй пятилетки [Текст] / Р. А. Бобкова // Труды Уральского политехнического института. – Сб. 234: В борьбе за научно-технический прогресс. – Свердловск: Изд-во УПИ им. С. М. Кирова, 1975. – С. 46–53.
14. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. [Текст] / Бодрийяр Ж. / гл. ред. Ф.А. Еремеев / пер. с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 96 с.
15. Бондаренко В.Н. Марксистская светская религия [Текст] / В. Н. Бондаренко. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1994. 140 с.
16. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм (Экономический очерк) [Текст] / Н.И. Бухарин // Бухарин Н.И.. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 21–93.
17. Волков-Пепоянц Э.Г. Метаморфозы и парадоксы демократии. Политическая доктрина большевизма: истоки, сущность, эволюция, альтернативы. 1917-1929 гг. В 2-х т. Кн. 1 [Текст] / Э. Г. Волков-Пепоянц. – Кишинев: «LEANA», 1993. – 464 с.
18. Волкова, Е. Ю. Живые стены нашей крепости: героический труд и общественно-политическая активность женщин Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны: монография [Текст] / Е. Ю. Волкова. – Кострома: Костромской государственный технологический университет, 2002. – 162 с.
19. Волкова Е.Ю. Истоки и стимулы массового трудового героизма женщин в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Е. Ю. Волкова // Вестник Костромского государственного технологического университета. – 2004. – №10. – С. 50–51.
20. Волкова Е.Ю. Роль женщин-архитекторов в создании современного облика Костромы. [Текст] / Е. Ю. Волкова // Костромской гуманитарный вестник. – 2011. – №1 (1). – С. 50–52.
21. Габидулин Р. Марксизм не может плодить ничего, кроме нищеты [Текст] / Р. Габидулин // Открытая политика. – 1998. – №6. – С. 74–87.
22. Гильфердинг Р. Финансовый капитал: новейшая фаза в развитии капитализма [Текст] / Р. Гильфердинг / пер. с нем. И. Степанова. – М.: Государственное издательство, 1924. – 460 с.
23. Горнова Г.Ф. Вовлечение женщин Урала в работу Советов (1923-1925 гг.). По материалам Свердловского, Пермского, Челябинского и Тюменского округов [Текст] / Г. Ф. Горнова // Ученые записки Пермского университета. № 215: Из истории партийных организаций Урала / отв. ред. Я. Р. Волин. – Пермь: ПГУ, 1969. – С. 33–46.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

24. Государственный архив Свердловской области (далее – ГА-СО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 798.
25. ГАСО. – Ф. Р-889. – Оп. 1. – Д. 1.
26. ГАСО. – Ф. Р-2110. – Оп. 2. – Д. 47.
27. Десять лет уральского комсомола: Конспективное изложение истории пролетарского юношеского движения на Урале [Текст]. – Свердловск: Уральский областной комитет ВЛКСМ, 1927. – 24 с.
28. Евдокимов Н.А. Классическая марксистская идеология: Либеральные аспекты [Текст]: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2001. – 22 с.
29. Жукоцкий В.Д. Русский марксизм в религиозном измерении: Историко-философский аспект [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – Екатеринбург, 2000. – 48 с.
30. Келли, Д. Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин [Текст] / Д. Келли / пер. с англ. Е. Лучининой, В. Успенской // Женщины. История. Общество. Сб. науч. ст. / под общ. ред. В. И. Успенской. Вып. 2. – Тверь: ОГУП «Тверское книжное издательство», 2002. – С. 23–46.
31. Коваленко А.И. Разработка партией ленинских идей о вовлечении женщин в социалистическое строительство [Текст] / А. И. Коваленко // Труды Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Вып. 70. Вопросы истории, экономики и философии. Т. IV. – Челябинск: ЧИМЭСХ, 1972. – С. 72–86.
32. Коваленко А.И. Изменение социальной роли женщины в годы первой пятилетки. (По материалам Урала) [Текст] / А.И. Коваленко // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала: Материалы научной конференции преподавателей общественных наук вузов г. Свердловска. Секция истории КПСС. Вып. 1. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1970. – С. 224–229.
33. Кожевникова А. Песня пряжи [Текст] / А. Кожевникова // Красное знамя. – 1929. – 8 марта.
34. Козловский, П. Прощание с марксизмом-ленинизмом: О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму: Очерки персоналистской философии [Текст] / П. Козловский. – СПб.: Экономическая школа, 1997. – 216 с.
35. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма [Текст] / В.В. Кондрашин. – М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр им. Б. Н. Ельцина», 2009. – 576 с.
36. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. №51. Ст. 582.
37. Культурное строительство СССР: статистический сборник. – М.; Л.: Госпланиздат, 1940. – 268 с.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

38. Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции [Текст] / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. (далее – Полн. собр. соч.). – Т. 31: март-апрель 1917 г. – М.: Политиздат, 1969. – С. 150–186.
39. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 34: июль-октябрь 1917 г. – М.: Политиздат, 1969. – С. 289–339.
40. Ленин, В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 37: июль 1918 г. – март 1919 г. – М.: Политиздат, 1969. – С. 185–187.
41. Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу по поводу «коммунистических субботников») [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 39: июль-декабрь 1919 г. – М.: Политиздат, 1970. – С. 1–29.
42. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 39: июль-декабрь 1919 г. – М.: Политиздат, 1970. – С. 198–205.
43. Ленин В.И. Советская власть и положение женщины [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 39: июль-декабрь 1919 г. – М.: Политиздат, 1970. – С. 285–287.
44. Ленин В.И. К женщинам-работницам [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 40: декабрь 1919 г. – апрель 1920 г. – М.: Политиздат, 1974. – С. 157–158.
45. Ленин В.И. Приветствие Всероссийскому совещанию губже-нотделов 6 декабря 1920 г. К женщинам-работницам // Полн. собр. соч.–Т. 42: ноябрь 1920 г. – март 1921 г. – М.: Политиздат, 1970. – С. 54.
46. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин [Электронный ресурс] / В.В. Маяковский. <http://www.vmayakovsky.ru/book/110/> (дата обращения: 25.08.2017).
47. Морозова Н.И. Особенности трансформации марксистской теории экономического развития в российской школе экономической мысли [Текст]: Автореф. дис. ... канд. эк. наук. – Волгоград, 2003. – 27 с.
48. Морозова О.М. Патриархальный след в женской революционной активности [Текст] / О.М. Морозова, О.И. Трошина // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 2 (83). – С. 63–73.
49. Морозова О.М. Красные делегатки как вариант советского феминизма [Текст] / О.М. Морозова, О.И. Трошина // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. – 2014. – № 22. – С. 124–146.
50. Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства: декрет II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1927 г. [Текст] // Декреты Советской власти. – Т. I. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 20.
51. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 70.
52. ОГАЧО. – Ф. П-75. – Оп. 2. – Д. 734.
53. ОГАЧО. – Ф. П-77. – Оп. 1. – Д. 414.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

54. ОГАЧО. – Ф. П-77. – Оп. 1. – Д. 425.
55. ОГАЧО. – Ф. П-77. – Оп. 1. – Д. 593.
56. ОГАЧО. – Ф. Р-429. – Оп. 1. – Д. 27.
57. Ойзерман Т.И. Марксизм как идеология [Текст] / Т. И. Ойзерман // Свободная мысль. – 1998. – №1. – С. 66–78.
58. Ойзерман, Т. И. Марксизм как идеология [Текст] / Т. И. Ойзерман // Свободная мысль. – 1998. – №2. – С. 94–105.
59. Очерки истории идеологической деятельности КПСС, октябрь 1917–1937 [Текст]. – М.: Политиздат, 1985. – 415 с.
60. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание [Текст] / Н.Л. Пушкарева. – СПб.: Алтейя, АНО «Женский проект СПб», 2007. – 496 с.
61. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой: Материалы к библиографии [Текст] / Н.Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 2002. – 526 с.
62. Пыжиков А. Корни сталинского большевизма [Текст] / А. Пыжиков. – М.: Озон, 2016. – 384 с.
63. Рожков А.Ю. Молодое поколение в условиях новой экономической политики: облик, проблемы, противоречия. 1921–1929 гг. (на материалах Кубани и Черноморья) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1992. – 22 с.
64. Рожков А.Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х гг.: Повседневная жизнь в группах сверстников [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Краснодар, 2003. – 44 с.
65. Рожков А.Ю. Визуальные образы «советскости» в школьном букваре 1920–1930-х гг.: контент, структура, динамика [Текст] / А. Ю. Рожков // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2017. – №45. – С. 57–72.
66. Семенов А.А. Кризис традиционного сознания в условиях гражданской войны 1917–1920 гг.: проблемы верифицирования историографии [Текст] / А.А. Семенов // Современная научная мысль. – 2013. – №2. – С. 37–50.
67. Семенов А.А. Революционный апелляциялизм в политической культуре Кубани первых революционных лет (1917 – начало 20-х годов) [Текст] / А.А. Семенов // Развитие социально-культурной сферы Кубани: сборник тезисов докладов Второй краевой научно-практической конференции молодых ученых. – Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 1996. – С. 84–85.
68. Семенов А.А. Ментальности в российской исторической системе [Текст] / А.А. Семенов, А.И. Шаповалов // Социально-психологические проблемы ментальности: Материалы III Международной научной конференции. – Смоленск: Смоленский гос. пед. ун-т, 1998. – С. 47–52.
69. Слезин А.А. Молодежь и власть. Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье. 1921–1929 гг. [Текст] / А. А. Слезин. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2002. – 220 с.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

70. Социализму в России альтернативы нет. Проект концепции социально-экономического возрождения и развития России [Текст] // Диалог. – 1999. – № 5. – С. 46–54.

71. Сулейманова Р.Н. Гендерные исследования в женской истории Башкортостана: зарождение, первые результаты [Текст] / Р.Н. Сулейманова // История науки и техники. – 2011. – № 1. – Спец. вып. № 3. – С. 115–117.

72. Сулейманова Р.Н. «Положение ее довольно сносно...»: Взгляды отечественных исследователей второй половины XIX – начала XX вв. на положение женщины в традиционном обществе (на примере башкир) [Текст] / Р.Н. Сулейманова // Женщина в российском обществе. – 2016. – №2(79). – С. 69–81.

73. Сулейманова Р.Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса [Текст] / Р.Н. Сулейманова. – Уфа: Гилем; Башкирская энциклопедия, 2014. – 336 с.

74. Сулейменов О. Был ли социализм ошибкой? / О. Сулейменов // Диалог. – 1999. – №5. – С. 38–40.

75. Сытник И.Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале: 1918–1930 гг. [Текст]: Дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2006. – 194 с.

76. Тертышный А.Т. Деятельность партийных организаций Урала по привлечению женщин к государственному управлению в годы Гражданской войны (1919–1920) [Текст] / А.Т. Тертышный // Ученые записки Уральского университета. № 103. Серия: История. Вып. 18: Из истории партийных организаций Урала. – Свердловск: Из-во Уральского университета, 1970. – С. 38–56.

77. Хайек Ф.А. Дорога к рабству [Текст] / Ф.А. Хайек / пер. с англ. – М.: Экономика, 1992. – 176 с.

78. Хвощев В.Е. Изменяющаяся Россия: обновление приоритетов политической науки [Текст] / В.Е. Хвощев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 17(72). – С. 156–160.

79. Фельдман М.А. К вопросу о феномене большевизма [Текст] / М.А. Фельдман // Вопросы политологии и социологии. – 2014. – № 1 (6). – С. 60–66.

80. Фельдман М.А. Большевизм: нелегкий путь к разгадке феномена [Текст] / М.А. Фельдман // Общественные науки и современность. – 2015. – №1. – С. 100–107.

81. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 50.

82. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 595.

83. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 4. – Д. 72.

84. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 175.

85. ЦДООСО. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 352.

86. Шестов Л. Что такое русский большевизм [Электронный ресурс] / Л. Шестов. URL: <http://mintroduction.livejournal.com/258375.html> (дата обращения: 31.08.2017).

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

87. Щербинин П.П. Повседневная жизнь девочек в России в период первой мировой войны 1914–1918 гг. [Текст] / П.П. Щербинин // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сб. ст. / сост. Н.Л. Пушкарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 117–154.

88. Щербинин П.П. История сестринского дела на Тамбовщине (XVII – XXI вв.): монография [Текст] / П.П. Щербинин, Е.П. Лапочкин, Ю.К. Щукин. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – 147 с.

89. Щербинин П.П. Традиции и новации в механизме защиты прав женщин (региональный аспект) [Текст] / П.П. Щербинин // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2013. – Вып. 8 (124). – С. 411–415.

90. Green G. New radicalism: anarchist or Marxist? [Текст] / G. Green. – New York, 1971. – 190 p.

91. Gouldner A.W. The two Marxizm. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory [Текст] / A. W. Gouldner. – New York, 1980. – 272 p.

References

1. Alferova I.V. «Zhenskiy vopros» v aspekte grazhdanogeneza. Rossiya i mirovoe soobshchestvo. ["Women's issue" in the aspect of citizenship: Russia and the world community]. Bryansk. P. 205–213.

2. Alferova I.V. Kontsept «novaya zhenshchina» v interpretatsii K. Zetkin, etapy stanovleniya, osnovnyye kharakteristiki. [The concept of the "new woman" in the interpretation of K. Zetkin: the stages of formation, the main characteristics]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. P. 9–14.

3. Alferova I.V. «Zhenskiy vopros» v teorii i praktike bol'shevizma ["The Women's Question" in the Theory and Practice of Bolshevism]. (pervoe desyatiletie sovetской vlasti, 1917–1927 gg. Avtoref. ... diss. d-ra ist. nauk. St. Petersburg, 2011. 34 p.

4. Alferova I.V. «Zhenskiy vopros» v teorii i praktike bol'shevizma. ["The Women's Question" in the Theory and Practice of Bolshevism]. Bryansk, 2011. 352 p.

5. Alferova I.V. Bol'shevistskaya zhenskaya pechat' 1920-kh gg. kak sredstvo sotsial'nogo konstruirovaniya «novoy sovetsкой zhenshchiny». [Bolshevik women's print of the 1920s. as a means of social construction of the "new Soviet woman"]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"]. 2011. 5–3. P. 106–111.

6. Aron R. Demokratiya i totalitarizm. [Democracy and totalitarianism]. Moscow, 1993. 303 p.

7. Baikina A.I. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zaural'ya po vovlecheniyu zhenshchin v stroitel'stvo sotsializma (1921–1925 gg.). [Activity of Party organizations of the Trans-Urals on involving women in the construction of socialism (1921–1925)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, 1972. 24 p.

8. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, 1990. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/05.html> (Accessed 30.08.2017).

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

9. Berkov V.P. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka*. [A large dictionary of the winged words of the Russian language]. Moscow, 2000. 624 s.
10. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospective*. [Economic thought in retrospect]. Moscow, 1994. 720 p.
11. Blonina E. *Novye zadachi rabotnits*. [New tasks for women workers]. Moscow, 1975. P. 86–88.
12. Blyumenkart M. V poiskakh imeni i litsa. Fenomenologiya sovremennogo landshafta. [In search of name and person. Phenomenology of the modern landscape]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2007. 1. P. 47–60.
13. Bobkova R.A. Formy i metody raboty partiynykh i komsomol'skikh organizatsiy Urala sredi zhenskoy molodezhi v gody vtoroy pyatiletki. [Forms and methods of work of the Party and Komsomol organizations of the Urals among women's youth during the Second Five-Year Plan period]. *Trudy Ural'skogo politekhnicheskogo instituta* [Proceedings of the Ural Polytechnic Institute]. Sverdlovsk, 1975. P. 46–53.
14. Bodriyyar Zh. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo*. [In the shadow of the silent majority, or End of social]. Ekaterinburg, 2000. 96 p.
15. Bondarenko V.N. *Marksistskaya svetskaya religiya*. [Marxist secular religion]. Ufa, 1994. 140 p.
16. Bukharin N.I. *Mirovoe khozyaystvo i imperializm (Ekonomicheskiy ocherk)*. [World Economy and Imperialism (Economic Essay)]. Moscow, 1989. P. 21–93.
17. Volkov-Pepoyants E.G. *Metamorfozy i paradoksy demokratii. Politicheskaya doktrina bol'shevizma, istoki, sushchnost', evolyutsiya, al'ternativy. 1917–1929 gg.* [Metamorphoses and paradoxes of democracy. The political doctrine of Bolshevism: origins, essence, evolution, alternatives. 1917–1929]. V 2-nd t. Kn. 1. Kishinev, 1993. 464 p.
18. Volkova E.Yu. *Zhivye steny nashey kreposti: geroicheskiy trud i obshchestvenno-politicheskaya aktivnost' zhenshchin Verkhnego Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, monografiya*. [Living walls of our fortress, heroic work and social and political activity of women of the Upper Volga region during the Great Patriotic War, monograph]. Kostroma, 2002. 162 p.
19. Volkova E.Yu. Istoki i stimuly massovogo trudovogo geroizma zhenshchin v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. [The origins and incentives of the mass labor heroism of women during the Great Patriotic War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. [Bulletin of the Kostroma State Technological University]. 2004. 10. P. 50–51.
20. Volkova E.Yu. Rol' zhenshchin-arkhitektorov v sozdaniy sovremennogo oblika Kostromy. [The role of female architects in creating the modern look of Kostroma]. *Kostromskoy gumanitarnyy vestnik*. 3. [Komsomol humanitarian bulletin]. 2011. 1 (1). P. 50–52.
21. Gabidulin R. Marksizm ne mozhet plodit' nichego, krome nishchety. [Marxism can not produce anything but poverty]. *Otkrytaya politika*. [Open Policy]. 1998. 6. P. 74–87.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

22. Gil'ferding R. *Finansovyy kapital: noveyshaya faza v razvitiy kapitalizma*. [Financial capital: the newest phase in the development of capitalism]. Moscow, 1924. 460 p.

23. Gornova G.F. *Vovlechenie zhenshchin Urala v rabotu Sovetov (1923–1925 gg.)*. [Involving women of the Urals in the work of the Soviets (1923–1925)]. *Po materialam Sverdlovskogo, Permskogo, Chelyabinskogo i Tyumenskogo okrugov. Uchenye zapiski Permskogo universiteta*. [Scientific notes of Perm University]. Perm, 1969. P. 33–46.

24. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (dalee – GASO)*. [The State Archives of the Sverdlovsk Region (hereinafter referred to as the GASO)]. F. R-88. Op. 1. D. 798.

25. GASO. F. R-889. Op. 1. D. 1.

26. GASO. F. R-2110. Op. 2. D. 47.

27. *Desyat' let ural'skogo komsomola: Konspektivnoe izlozhenie istorii proletarskogo yunosheskogo dvizheniya na Urale*. [Ten years of the Ural Komsomol: A concise account of the history of the proletarian youth movement in the Urals]. Sverdlovsk, 1927. 24 p.

28. Evdokimov N.A. *Klassicheskaya marksistskaya ideologiya: Liberal'nye aspekty*. [Classical Marxist ideology: Liberal aspects]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Ufa, 2001. 22 p.

29. Zhukotskiy V.D. *Russkiy marksizm v religioznom izmerenii: Istoriko-filosofskiy aspekt*. [Russian Marxism in Religious Dimension: Historical and Philosophical Aspect]. Avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. Ekaterinburg, 2000. 48 p.

30. Kelli D. *Sotsial'nye otnosheniya polov i metodologicheskoe znachenie istorii zhenshchin*. [Social relations of the sexes and methodological significance of the history of women]. Tver. P. 23–46.

31. Kovalenko A.I. *Razrabotka partiy leninskikh idey o vovlechenii zhenshchin v sotsialisticheskoe stroitel'stvo*. [The Party's development of Lenin's ideas on the involvement of women in socialist construction]. *Trudy Chelyabinskogo instituta mekhanizatsii i elektrifikatsii sel'skogo khozyaystva*. Vyp. 70. Voprosy istorii, ekonomiki i filosofii. IV. Chelyabinsk, 1972. P. 72–86.

32. Kovalenko A.I. *Izmenenie sotsial'noy roli zhenshchiny v gody pervoy pyatiletki. (Po materialam Urala)*. [Change in the social role of women in the years of the First Five-Year Plan. (Based on the materials of the Urals)]. V.I. Lenin i sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya Urala. Materialy nauchnoy konferentsii prepodavateley obshchestvennykh nauk vuzov g. Sverdlovsk. Sektsiya istorii KPSS. Vyp. 1. Sverdlovsk, 1970. P. 224–229.

33. Kozhevnikova A. *Pesnya pryakhi*. [The song of the spinner]. *Krasnoe znamya*. 1929. 8 marta.

34. Kozlovskiy P. *Proshchanie s marksizmom-leninizmom. O logike perekhoda ot razvitogo sotsializma k eticheskomu i demokraticheskomu kapitalizmu. Ocherki personalistskoy filosofii*. [Farewell to Marxism-Leninism: On the Logic of the Transition from Developed Socialism to Ethical and Democratic Capitalism: Essays on Personalist Philosophy]. St. Petersburg, 1997. 216 p.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSEOLOGY: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

35. Kondrashin V.V. *Krest'yanstvo Rossii v Grazhdanskoy voyne. K voprosu ob istokakh stalinizma*. [The Peasantry of Russia in the Civil War: On the Origin of Stalinism]. Moscow, 2009. 576 p.
36. *Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki (prinyata V Vserossiyskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)*. [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the Fifth All-Russian Congress of Soviets in a meeting of July 10, 1918)]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. 1918. 51. 582.
37. *Kul'turnoe stroitel'stvo SSSR. Statisticheskiy sbornik*. [Cultural construction of the USSR: a statistical collection]. Moscow, 1940. 268 p.
38. Lenin V.I. *Zadachi proletariata v nashey revolyutsii*. [The tasks of the proletariat in our revolution]. 31, mart-aprel' 1917 g. Moscow, 1969. P. 150–186.
39. Lenin V.I. *Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennyuyu vlast'?* [Will the Bolsheviks retain state power?]. 34. Moscow, 1969. P. 289–339.
40. Lenin V.I. *Rech' na I Vserossiyskom s"ezde rabotnits 19 noyabrya 1918 g.* [Speech at the First All-Russian Workers' Congress on November 19, 1918]. 37. Moscow, 1969. P. 185–187.
41. Lenin V.I. *Velikiy pochin (O geroizme rabochikh v tylu po povodu «kommunisticheskikh subbotnikov»)*. [The Great Initiative (On the heroism of the workers in the rear about the "communist subbotniks")]. 39. Moscow, 1970. P. 1–29.
42. Lenin V.I. *O zadachakh zhenskogo rabocheho dvizheniya v Sovetskoy respublike. Rech' na IV Moskovskoy obshchegorodskoy bespartynoy konferentsii rabotnits 23 sentyabrya 1919 g.* [On the tasks of the women's labor movement in the Soviet Republic. Speech at the Fourth Moscow Citywide Nonpartisan Conference of Working Women September 23, 1919]. 39. Moscow, 1970. P. 198–205.
43. Lenin V.I. *Sovetskaya vlast' i polozhenie zhenshchiny*. [Soviet power and the position of women]. 39. Moscow, 1970. P. 285–287.
44. Lenin V.I. *K zhenshchinam-rabotnitsam*. [For female workers]. Poln. 40. Moscow, 1974. P. 157–158.
45. Lenin V.I. *Privetstvie Vserossiyskomu soveshchaniyu gubzhenotdelov 6 dekabrya 1920 g. K zhenshchinam-rabotnitsam*. [Greetings to the All-Russian Conference of Guben-Workers on December 6, 1920. To female workers]. 42. Moscow, 1970. P. 54.
46. Mayakovskiy V.V. *Vladimir Il'ich Lenin*. [Vladimir Ilyich Lenin]. URL: <http://www.vmayakovsky.ru/book/110/> (Accessed: 25.08.2017).
47. Morozova N.I. *Osobennosti transformatsii marksistskoy teorii ekonomicheskogo razvitiya v rossiyskoy shkole ekonomicheskoy mysli*. [Features of the transformation of the Marxist theory of economic development in the Russian school of economic thought]. Avtoref. dis. ... kand. ek. nauk. Volgograd, 2003. 27 p.
48. Morozova O.M. *Patriarkhal'nyy sled v zhenskoy revolyutsionnoy aktivnosti*. [Patriarchal trace in women's revolutionary activity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [A woman in Russian society]. 2017. 2 (83). P. 63–73.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

49. Morozova O.M. *Krasnye delegatki kak variant sovetskogo feminizma*. [Red delegates as a variant of Soviet feminism]. Adam & Eva. Al'manakh gendernoy istorii. 2014. 22. P. 124–146.
50. *Ob obrazovanii Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva, dekret II Vserossiyskogo s"ezda Sovetov 26 oktyabrya 1927 g. Dekrety Sovetskoy vlasti*. [On the Formation of the Workers' and Peasants' Government: the decree of the Second All-Russian Congress of Soviets on October 26, 1927]. I. Moscow, 1957. P. 20.
51. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (dalee – OGACO)*. [The United State Archive of the Chelyabinsk Region (hereinafter – OGACO)]. F. P-75. Op. 2. D. 70.
52. OGACO. F. P-75. Op. 2. D. 734.
53. OGACO. F. P-77. Op. 1. D. 414.
54. OGACO. F. P-77. Op. 1. D. 425.
55. OGACO. F. P-77. Op. 1. D. 593.
56. OGACO. F. R-429. Op. 1. D. 27.
57. Oyzerman T.I. *Marksizm kak ideologiya*. [Marxism as an ideology]. I. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 1998. 1. P. 66–78.
58. Oyzerman T.I. *Marksizm kak ideologiya*. [Marxism as an ideology]. *Svobodnaya mysl'*. 1998. 2. P. 94–105.
59. *Ocherki istorii ideologicheskoy deyatel'nosti KPSS, oktyabr' 1917–1937*. [Essays on the history of the ideological activity of the CPSU, October 1917–1937]. Moscow, 1985. 415 p.
60. Pushkareva N.L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie*. [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg, 2007. 496 p.
61. Pushkareva N.L. *Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost'*. *Dva veka izucheniya «zhenskoy temy» russkoy i zarubezhnoy naukoy*. [Russian woman: history and modernity. Two centuries of studying the "female theme" of Russian and foreign science]. Moscow, 2002. 526 p.
62. Pyzhikov A. *Korni stalinskogo bol'shevizma*. [The Roots of Stalin's Bolshevism], Moscow, 2016. 384 p.
63. Rozhkov A.Yu. *Molodoe pokolenie v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki, oblik, problemy, protivorechiya. 1921–1929 gg. (na materialakh Kubani i Chernomor'ya)*. [Young generation in the new economic policy: face, problems, contradictions. 1921–1929 (on the materials of the Kuban and the Black Sea)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Krasnodar, 1992. 22 p.
64. Rozhkov A.Yu. *Molodoy chelovek v Sovetskoy Rossii 1920-kh gg., Povsednevnyaya zhizn' v gruppakh sverstnikov*. [Young man in Soviet Russia 1920s: Everyday life in peer groups]. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Krasnodar, 2003. 44 p.
65. Rozhkov A.Yu. *Vizual'nye obrazy «sovetskosti» v shkol'nom bukvarе 1920–1930-kh gg., kontent, struktura, dinamika*. [Visual images of "Sovietness" in the school letterer 1920–1930: content, structure, dynamics]. *Vestnik pravoslav'nogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. [Herald of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology]. 2017. 45. P. 57–72.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

66. Semenov A.A. *Krizis traditsionnogo soznaniya v usloviyakh grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg., problemy verifikatsionnoy istoriografii*. [The crisis of traditional consciousness in the conditions of the civil war of 1917–1920: problems of verifying historiography]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2013. 2. P. 37–50.
67. Semenov A.A. *Revolutsionnyy apellyatsionizm v politicheskoy kul'ture Kubani pervykh revolyutsionnykh let (1917–nachalo 20-kh godov). Razvitiye sotsial'no-kul'turnoy sfery Kubani*. [Revolutionary appellatism in the political culture of the Kuban of the first revolutionary years (1917–early 20-ies)]. Armavir, 1996. P. 84–85.
68. Semenov A.A. *Mental'nosti v rossiyskoy istoricheskoy sisteme*. [Mentality in the Russian Historical System]. Smolensk, 1998. P. 47–52.
69. Slezin A.A. *Molodezh' i vlast'. Iz istorii molodezhnogo dvizheniya v Tsentral'nom Chernozem'e. 1921–1929 gg.* [Youth and power. From the history of the youth movement in the Central Chernozemye. 1921–1929]. Tambov, 2002. 220 p.
70. *Sotsializmu v Rossii al'ternativy net. Proekt kontseptsii sotsial'no-ekonomicheskogo vozrozhdeniya i razvitiya Rossii*. [Socialism in Russia is not an alternative. Draft concept of socio-economic revival and development of Russia]. *Dialog*. 1999. 5. P. 46–54.
71. Suleymanova R.N. *Gendernye issledovaniya v zhenskoy istorii Bashkortostana, zarozhdenie, pervye rezul'taty*. [Gender Studies in the Women's History of Bashkortostan: Origin, First Results]. *Istoriya nauki i tekhniki*. [History of science and technology]. 2011. 1. Spets. vyp. 3. P. 115–117.
72. Suleymanova R.N. «Polozhenie ee dovol'no snosno...». *Vzglyady otechestvennykh issledovateley vtoroy poloviny XIX–nachala XX vv. na polozhenie zhenshchiny v traditsionnom obshchestve (na primere bashkir)*. ["Its situation is rather tolerable ...": Views of domestic researchers of the second half of the XIX – early XX centuries. on the position of women in traditional society (on the example of the Bashkirs)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. [A woman in Russian society]. 2016. 2(79). P. 69–81.
73. Suleymanova R.N. *Zhenshchiny v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Bashkirii v XX veke, formy sotsial'noy aktivnosti i dinamika sotsial'no-politicheskogo statusa*. [Women in the socio-political life of Bashkortostan in the XX century: forms of social activity and the dynamics of socio-political status]. Ufa, 2014. 336 p.
74. Suleymenov O. *Byl li sotsializm oshibkoy?* [Was socialism a mistake?]. *Dialog*. 1999. 5. S. 38–40.
75. Sytnik I.G. *Zhenskiy vopros v politike gosudarstva i ego reshenie na Yuzhnom Urale, 1918–1930 gg.* [Women's issue in the policy of the state and its solution in the Southern Urals: 1918–1930]. Dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2006. 194 p.
76. Tertyshnyy A.T. *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala po privlecheniyu zhenshchin k gosudarstvennomu upravleniyu v gody Grazhdanskoy voyny (1919–1920)*. [Activity of party organizations of the Urals in attracting women to state administration during the Civil War (1919–1920)]. *Uchenye zapiski Ural'skogo universiteta*. [Scientific notes of the Ural University]. Sverdlovsk, 1970. P. 38–56.

**The international scientific-practical conference
DISCOURSE: METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

77. Khayek F.A. *Doroga k rabstvu*. [The road to slavery]. Moscow, 1992. 176 p.
78. Khvoshchev V.E. *Izmenyayushchayasya Rossiya, obnovlenie prioritetov politicheskoy nauki*. [Changing Russia: Updating the Priorities of Political Science]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences]. 2006. 17(72). P. 156–160.
79. Fel'dman M.A. *K voprosu o fenomene bol'shevizma*. [On the phenomenon of Bolshevism]. *Voprosy politologii i sotsiologii*. [Questions of political science and sociology]. 2014. 1 (6). P. 60–66.
80. Fel'dman M.A. *Bol'shevizm: nelegkiy put' k razgadke fenomena*. [Большевизм: нелегкий путь к разгадке феномена]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. [Social sciences and modernity]. 2015. 1. P. 100–107.
81. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (dalee TsDOOSO)*. [The Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (hereinafter referred to as the CEPA)]. F. 4. Op. 1. D. 50.
82. CEPA. F. 4. Op. 2. D. 595.
83. CEPA. F. 4. Op. 4. D. 72.
84. CEPA. F. 1494. Op. 1. D. 175.
85. CEPA. F. 1494. Op. 1. D. 352.
86. Shestov L. *Chto takoe russkiy bol'shevizm*. [What is Russian Bolshevism?]. <http://minintroduction.livejournal.com/258375.html> (Accessed: 31.08.2017).
87. Shcherbinin P.P. *Povsednevnyaya zhizn' devochek v Rossii v period pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [The daily life of girls in Russia during the First World War of 1914–1918]. Moscow, 2013. P. 117–154.
88. Shcherbinin P.P. *Istoriya sestrinskogo dela na Tambovshchine (XVII–XXI vv.), monografiya*. [The history of nursing in the Tambov region (XVII – XXI centuries): monograph]. Tambov, 2013. 147 p.
89. Shcherbinin P.P. *Traditsii i novatsii v mekhanizme zashchity prav zhenshchin (regional'nyy aspekt)*. [Traditions and innovations in the mechanism of protection of women's rights (regional aspect)]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Tambov State University]. 2013. 8 (124). P. 411–415.
90. Green G. *New radicalism, anarchist or Marxist?*. New York, 1971. 190 p.
91. Gouldner A.W. *The two Marxizm. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. New York, 1980. 272 p.

ОСНОВЫ МАРКСИСТСКО-ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ РЕВОЛЮЦИИ

Основу диалектического понимания революции закладывает Г.В.Ф. Гегель. Его диалектический метод, выводящий всякое явление из необходимости всеобщего исторического саморазвития, объединяющего сознание и бытие и реализующегося через движение, порождаемое тотальностью противоречий и отрицающее всякую наличную данность, а также разработки проблем становления, снятия, отчуждения, диалектики господина и раба, свободы, истории и всеобщего становятся основой всех дальнейших изысканий в рамках данного подхода. Вместе с тем политическая ангажированность и панлогистический догматизм ограничили критическую революционность гегелевской теории и обусловили необходимость освобождение диалектики Гегеля в приложении ее к конкретной реальности социального мира. Маркс и Ленин впервые последовательно применили диалектическую теорию к анализу конкретной исторической реальности. Марксом был сформулирован общие основание диалектического подхода: верховенство диалектики истории, которую делает человек, подчиняясь законам исторического развития; определение пролетариата, существующего как всемирно-исторический субъект, в качестве главной революционной силой; определение общественной революции как высшего исторического явления, отражающего тотальность социально-экономической формации, наступающего тогда, когда диалектика истории порождает неразрешимое в рамках данного общественного строя противоречие между существующими социальными отношениями и объективным развитием производительных сил, протекающего в насильственной форме классовой борьбы; обусловленность и обуславливаемость диалектики истории и ее главного выражения – диалектики революции диалектикой социальных отношений (классы, отчуждение) и диалектикой общественных структур.

Ключевые слова: марксизм, диалектика, революция, история, методология.

Бредихин С.С., кандидат философских наук, директор муниципальной организации «Центр национального единства», Челябинск, Россия

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Основой диалектического понимания революции является представление о постоянном движении общества, вызванном его внутренними противоречиями. Общество существует негативно, коль скоро оно существует вне собственной истины. Революция есть отрицание всякого данного состояния общества, ведущее к установлению порядка, более соответствующего истине общества. Общество самопротиворечиво, но всегда связано со своей противоположностью, более того, так как данное состояние общества отрицает его истину, для того чтобы стать, тем, что оно действительно есть ему необходимо стать тем, что оно не есть, то есть осуществить революцию, собственное отрицание.

Бессмысленно искать базис диалектического подхода в работах Г.В.Ф. Гегеля прямо посвященных теории общества, в его политических произведениях или «Философии права». Там мы найдем лишь мистифицированное понимание общества и апологетическую защиту монархического строя [1, с. 219–368]. Корень диалектического понимания революции следует искать в общей теории гегелевской диалектики.

Основополагающей категорией гегелевской диалектики

является необходимость* – абсолютная бытийная сила, логика мира, подчиняющая себе все. Бытие как саморазвивающийся субъект необходимо находится в движении. Это движение порождается тотальностью диалектических противоречий и отрицает всякую наличную данность, как преходящую и негативную по отношению к разумной истине. Существующая реальность негативизируется, а движение абсолютизируется, обретая направленность на установление истины в реальности; разум необходимо объединяется с практикой в истине реальности; онтология и гносеология сливаются в логике диалектики.

Важнейшими для понимания гегелевской диалектики являются проблемы становления, снятия, отчуждения, диалектики господина и раба, свободы, истории и всеобщего.

Становление (Werden) есть единство бытия и ничто всякого элемента реальности; в становлении бытие переходит в ничто и ничто переходит в бытие, тем самым формируются процессы уничтожения (Vegehen) и возникновения (Entstehen), порождающие в своем единстве наличное бытие.

Становление тесно связано со снятием – диалектическим отрицанием, являясь его кон-

* Относительно знаменитого: «Всё разумное действительно, всё действительно разумно» Ф. Энгельс поясняет, что данный тезис неполон если не понимать, что для Гегеля все разумной необходимо и все необходимое разумно (Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 274) Необходимость как общемировая бытийная категория порождается субъектом, разумным духом, деятельность которого подчинена строгой логике, при этом как мы видим сам субъект неизбежно оказывается во власти этой абсолютной логики и в конечном счете необходимости.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

кретным модусом. Снятие – это одновременно отрицание, сохранение существенного в отрицаемом и переход отрицаемого в его инобытие, являющее более высоким уровнем развития [2, с. 99].

Отчуждение является особым видом снятия, характеризующим отношения человека к миру. Отчуждение есть, прежде всего, опредмечивание духа в природе, в предмете, при котором мир определяется как отчужденный в предметности дух; далее отчуждение есть опредмечивание деятельности в результатах труда и в искаженном восприятии продуктов этого труда. Таким образом, отчуждение есть потеря духа себя в предмете, то есть несвобода.

Связующим элементом категорий свободы и отчуждения является диалектика раба и господина. Раб опосредует в своем труде отношения господина к вещи, приобретая в данном труде собственное самосознание, становясь человеком через труд. Господин, в конечном счете, оказывается, также завязан от раба, как и тот от него. Само отношение рабства – результата отчуждения, специфической организации общественных отношений труда, которые фундируют отношения к вещи и отношения через вещи.

Свобода по Гегелю – это всегда реально воплощенная суверенность свободного и самосознающего духа, реализующего свою истину в мире. Свобода самосознающего духа необходимо должна быть воплощена в реальности; субъект постигнув

мир как свою истину должен достичь в нем конкретной свободы, которая есть полное обладание собственным существованием во всеобщем [3, с. 107]. При этом свободен человек может быть только будучи политическим существом и субъектом истории, то есть во всеобщем становлении.

История приобретает у Гегеля верховное значение, так как она есть конкретное воплощение процесса саморазвития духа. В истории наличествует диалектика единства и различия: единый процесс движения проявляет себя на различных стадиях, каждая из которых является относительно уникальной со своими законами, идеями, порядками, противоречиями. При этом история не представляет собой простой линейный процесс, но взаимодействие непрестанных противоборств, в рамках которых всякая негативность, провал и отступление является движущим и необходимым элементом развития.

Всеобщее является в системе Гегеля главенствующей формой реальности. Каждое особенное, будь то объект или субъект является неполным, а, следовательно, неистинным и лишь всеобщее есть действительный принцип мироздания. При этом каждое особенное раскрывается по истине лишь во всеобщем, но всеобщее находит свое конкретное проявление лишь в особенном.

Гегель заложил основы диалектического подхода к пониманию движения, а значит и к пониманию революции, его теория

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

есть диалектика революционно-го бытия, вместе с тем политическая ангажированность и панлогистический догматизм ограничили критическую революционность гегелевской теории и обусловили необходимость освобождения диалектики Гегеля в приложении ее к конкретной реальности социального мира.

К. Маркс и В.И. Ленин впервые последовательно применили диалектическую теорию к анализу конкретной исторической реальности, соединив тем самым социологию и историю, следовательно, именно у них диалектический подход впервые развивается в конкретное позитивное определение революции.

У Маркса диалектика выступает как движение тотальности экономической, социальной и исторической реальности, приводящее к неизбежному антагонизму между данными реальностями, который разрешается в ходе революции. Именно революционное действие есть момент взрыва противоположностей, при котором они, достигая апогея борьбы, разрешаются, переводя социальную реальность на новый исторический уровень.

Важные моменты диалектики Маркса мы находим в «Тезисах о Фейрбахе». В третьем тезисе Маркс утверждает диалектику субъективности и объективности, в рамках которой: «обстоятельства изменяются именно людьми и... воспитатель сам должен быть воспитан» [4, с. 2]. То есть диалектика Маркса утверждает диалектическое

единство материальной деятельности субъективности с объективными условиями бытия. При этом подчеркивается, во-первых, что человек не может быть понят кроме как в рамках практической жизни общества, в котором он существует – «... точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество» [5, с.4], и, во-вторых, что «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» [4, с. 2].

Кроме того, Маркс утверждает, что «человек производит человека – самого себя и другого человека» [6, с. 117], и это «порождение человека человеческим трудом» [6, с. 126] в силу своего содержания и осуществления есть «деятельность и пользование её плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят общественный характер» [6, с. 118].

От этих общих предпосылок марксистской диалектики перейдем к рассмотрению непосредственного ее приложения в теории революции, которая, впрочем, есть ничто иное, как вся диалектическая теория Маркса в целом.

На вершине марксистско-ленинской теории стоит диалектика истории, которая отождествляется с движением человеческого общества к своей высшей форме, на которой человечество освобождается через разрешение ключевых противоречий его бытия.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Основа диалектики истории в том, что «люди сами делают свою историю, но они её делают не так, как им вздумается» [7, с. 119], но путём коллективных усилий в процессе производства, путём непрекращающейся борьбы против внешних и внутренних препятствий, включая идеологические иллюзии, путём классовых антагонизмов, путём революций, путём противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

В «Немецкой идеологии» мы читаем: «Пролетариат может существовать... только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование» [8, с. 35].

В «Коммунистическом манифесте» Маркс определяет, что рабочее движение является историческим движением, и борьба его с буржуазией является фазой истории, при этом рево-

люция составляет историческую миссию пролетариата. Таким образом, диалектика истории является высшей формой существования общества, в рамках которой логика исторического развития, приводимая в движения субъективной человеческой деятельностью, воплощается в объективных условиях существования, порождая историческое движение классов.

Революция есть высшее историческое явление, через которые классы реализуют свою историческую миссию и изменяют общественное бытие.

Революция тогда является высшим диалектическим синтезом, в рамках которого разрешаются антагонизмы всемирно-исторического движения*.

Отсюда революция всегда есть процесс, всегда прогрессивный, имеющий всемирно-историческое значения, порождаемый общей логикой диалектического развития исторических сил и структур, воплощен-

* Движение истории и революции находится в диалектическом единстве, что обуславливает крайнюю сложность их отношений ярчайшим примером теоретического схватывания этой проблемы является следующее рассуждение Маркса: «на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер, но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение» (Письмо Ф. Энгельсу от 8 октября 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 295). В данном отрывке Маркс определяет единство диалектики истории и революции, при чем противоречивость этого единства проявляется в том, что революция на континенте может быть подавленной в силу единства мировой истории, в рамках которой эта революция окажется еще не созревшей по истине, поскольку диалектика общеисторического развития еще не вывела на повестку дня вопрос о социалистической революции, а потому единичное прогрессивное революционное движение войдет в противоречие с общим прогрессивным движением истории и уступит ему.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ной в каждом модусе общественного существования*.

В соответствии с этим революция наступает тогда, когда диалектика истории порождает неразрешимое в рамках данного общественного строя противоречие между существующими социальными отношениями и объективным развитием производительных сил: «Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [9, с. 7]. Производительная сила, а главной производительной силой Маркс называет именно революционный класс [10, с. 184], общественное состояние и сознание необходимо вступают в противоречие

[8, с. 30] и «это противоречие... должно... каждый раз прорываться в виде революции, принимая вместе с тем различные побочные формы - как совокупность коллизий, как коллизии между различными классами, как противоречия сознания, идейная борьба, политическая борьба и т.д.». Как мы видим, Маркс сводит все основополагающие противоречия к основополагающему общественно-историческому противоречию, которое и находит свое окончательно выражение в революционном процессе**, разрушающем отжившие социальные отношения и структуры и переворачивающем общественное, а значит*** и индивидуальное сознание****.

* Общество, формируя в ходе исторического движения, различные структуры и продукты цивилизации в каждом акте коллективного производства создает не только позитивное, но и негативное, приближающее его к неизбежному и исторически-прогрессивному краху, поэтому всякий существующий общественный феномен является с точки зрения диалектической теории Маркса преходящим, ждущим революции, которая уничтожит препятствующие развитию элементы.

** В соответствии с данным историческим значением революционного процесса она становится высшей объективно детерминирующей силой, которая определяет все общественное бытие и ничто не существует вне ее рамок; как пишет Маркс даже «Реакция, – говорит Маркс, – выполняет программу революции» (Маркс К. Эрфуртовщина в 1859 году // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 432).

*** Как показано в самом начале Маркс всегда рассматривает человека, прежде всего как человека социального, поскольку «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество». (Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 242). В данном случае реализуется единство противоположностей в диалектике общего и особого. В дальнейшем мы не будем специально останавливаться на различных нюансах марксистской теории, которые непосредственно и очевидно вытекают из основополагающих основ диалектики Маркса, о которых мы говорили.

**** При этом Маркс не пытается дуалистически абстрагировать мышление от бытия и прямо утверждает, несмотря на отличия, их единство, (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 119).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Всякая революция* по Марксу отражает тотальность общественно-экономической формации и поэтому она является всегда и социальной и политической [11, с. 448]. Вместе с тем, коль скоро революция является высшим выражением классовой борьбы неизбежен ее насильственный характер.

Диалектика истории и ее главное выражение диалектика революции обуславливает и в свою очередь обуславливаются, диалектикой социальных отношений (классы, отчуждение) и диалектикой общественных структур.

Диалектика классов есть диалектика их сущности, ее трансформации, взаимодействия классов между собой. Сущность классов и их взаимодействие объясняется их отношением к средствам производства и частной собственности вообще. Так буржуазия, выступившая в феодальном обществе главным революционным классом, благодаря своей сущности, требующей беспрестанных переворотов в средствах производства, оказывается затем неспособной выйти за рамки ею воссоздающейся и ее ограничивающей системы частой собственности, что неизбежно приводит буржуазию к роли наиболее реакционного

класса, выступающего главным защитником эксплуататорского капиталистического порядка. В то же время диалектика истории обуславливает порождение буржуазной системой производства нового класса – пролетариата, который становится единственным подлинно революционным историческим классом, поскольку его освобождение возможно лишь через уничтожение классов и частной собственности и создание новой структуры общества.

Диалектика классовых взаимодействий есть, прежде всего, диалектика классовой борьбы, подготавливающая условия для социальной революции. Классовая борьба, охватывающая всю тотальность социальных структур, являясь основной движущей силой обществ, становится по существу проводником, обуславливающим революционизирование всех общественных сфер.

Диалектика классовых отношений определяется диалектикой революции, то есть отношение классов к революции и диалектикой истории, то есть положением классов в существующей общественно-экономической формации. Так сущность пролетариата, как класса непосредственно производящего весь продукт и лишенного соб-

* Говоря о «всякой революции» мы имеем в виду не только конкретно-историческое многообразие революционных событий, но и всё многообразие революционных форм выделяемых Марксом (революция «сверху», революция «снизу»), социальная революция, политическая революция и как высшая форма общественная революция), подробнее об этом вопросе см. Шелике В.Ф., Потоцкий В. А. Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции. // *Философские науки*. 1979. № 5.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ственности на средства производства, потому неизбежно вынужденного подвергаться эксплуатации, обуславливает основной модус его существования – требование революции и диктатуры пролетариата*. Революция тогда есть высшее выражение классовой борьбы, процесс, в ходе которого один класс свергает другой класс и уничтожает созданную им общественно-экономическую формацию, тем самым, реализуя диалектическое движение истории.

Диалектика отчуждения является основным негативным элементом общества в теории Маркса; она выступает наиболее глубоким и всепроникающим отрицательным феноменом классового общества**. Отчуждение есть разрыв с человеком, обособление от него социальных структур, товаров, средств производства, продуктов сознания, создающее овеществленный мир, в котором социальные отношения опосредуются товарами, а индивиды отчуждаются от себя, от других и от продуктов своего труда.

Диалектика отчужденная обуславливает негацию существования не только эксплуатируемых классов, хотя, разумеется, в их случае отчуждение достигает высшей степени, но и правящих классов. Так буржуазия также становится жертвой отчуждения: она испытывает господство собственности над всеми формами социальных отношений, иллюзорность классового сознания, искажение общественной жизни товарно-денежными формами. Пролетариат же испытывает всю тяжесть отчуждения: отчуждение труда, отчуждение от политической власти, отчуждение от классовости и от классового сознания, отчуждение от продуктов труда и средств производства, – все это обуславливает максимум революционности класса пролетариата.

Диалектика отчуждения является, таким образом, главной негативной силой общественно-экономической формации, формирующей невозможность существования в ее пределах, а значит необходимость революционного ее преобразования.

* Диктатура пролетариата, как это подчеркивал Маркс, является важнейшим элементом революционного развития; она есть отрицание отрицания истины демократии диктатурой буржуазии и сама «составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и обществу без классов» (Маркс К. Письмо Вейдемееру от 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С 427). Таким образом, диктатура пролетариата определяется как революционная сила, уничтожающая классовую структуру общества.

** Необходимо отметить, что в теории Маркса, как и во всех теориях диалектического подхода негативное и отрицательное всегда является не просто случайной помехой, но необходимым элементом реальности, не пришедшей к своей истине, негативным элементом, раскрывающим важнейшую составляющую структуры движения реальности.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Диалектика социальных структур*, представляет собой сложнейшее движение взаимовлияний, взаимопроникновений и взаимопротиворечий внутри тотальности социальной бытия. В рамках данной тотальности идеология, государство, капитал, политика сталкиваются друг с другом, исходя в этом движении как из внутренней обусловленности и обусловленности взаимодействием друг с другом, так и из детерминации общественными производственными отношениями. Диалектика социальных структур неразрывно связана с диалектикой истории и революции: так, например, противоречие между социальной структурой производственных отношений и развитием производства сил общества приводит к революции. Отсюда, социальные структуры составляют революционный базис, а их коренное изменение – революционную цель.

Ленин вносит ряд дополнений в диалектическую теорию революции Маркса. Ключевым моментом ленинской теории революции явилось диалектическая концепция слабого звена.

Данная концепция является развитием диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Ленин указывает, что соединения в одной точке множества противоречий приводит к их сложению, возникает высшее единство всех противоречий, которое необходимо требует разрешения в революционном взрыве. Отсюда ясно, что революция является продуктом не простой развитости капитализма, а развитости и схождения всех противоречий капиталистической системы, и поэтому революция не обязательно происходит в наиболее развитых промышленных странах, но в тех странах где противоречия капиталистической системы сошлись воедино в точке разрыва, создав предельно обостренное единую противоречий, охватывающее в данный момент все стороны общественного существования. В концепцию слабого звена включается ленинская теория империализма.

В рамках становления империализма, создается единая мировая система капитализма, в которой взаимосвязь противоречий выходит на уровень пре-

* Следует понимать, что в теории Маркса социальные структуры никогда не являются чем-то независимы от социальных отношения, доказательством чему является следующее определение Маркса капитала как социальной структуры: «... капитал — это не вещь, а... общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение...» (Маркс К. Капитал Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25 Ч. II. С. 380, курсив наш – С.Б.). Отсюда, между прочим, следует и тот факт, что та объективная детерминация, которую Маркс выделяет в качестве господствующей над социальным бытием и сознанием индивида есть не более чем негативный аспект определенной общественной формации – капитализма, при чем и здесь она не является обособленной абстрактной силой, но включается в тотальность общества, подчиненную диалектики социальной истории. Тем самым Маркс уничтожает ложный объективизм и абстракцию обособленной экономической детерминанты, введя экономику в тотальность общественного бытия.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

дельной общности, а сами противоречия крайне обостряются. Концентрированное выражение противоречий всей мировой системы империализма выражается в империалистической войне. В ходе данной войны предельно обостряются все противоречия капиталистической системы во взаимосвязи мировой общности; в такой ситуации революция в отдельной стране является продуктом общемировой ситуации в целом и имеет общемировое значение.

Еще одним элементом ленинской концепции слабого звена является закон неравномерного развития капиталистической системы: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» [12, с. 354].

Таким образом, концепция слабого звена определяет условия, формирующие историческую необходимость революционного взрыва:

1. Накопление, сложение и обострение всех исторических противоречий капиталистического развития;
2. Концентрация в данном месте противоречий всей мировой системы империализма;
3. Действие закона неравномерности капиталистического развития, обуславливающее возможность победы социалистической революции в отдельной капиталистической стране.

Из концепции слабого звена и составляющих ее элементов следует ряд конкретных следствий в области теории революции. Во-первых, развитие марксова положения о непрерывной революции [13, с. 261] в положение о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую при условии развитости политической сознательности пролетариата и единстве его с крестьянством [14, с. 312]. Во-вторых, конкретное приложение теории империализма позволило обосновать положение о необходимом перерастании войны империалистической в войну гражданскую.

К концепции слабого звена примыкает ряд других теоретических разработок Ленина в рамках диалектического подхода в теории революции.

Диалектика развития. В области диалектики развития Ленин разработал ряд положений:

1. Многовариантность и неравномерность,
2. Объективность,
3. Универсальность и взаимосвязь.

Многовариантность диалектического развития означает, что существуют «отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития», обусловленные неравномерностью и спецификой развития, различным композициям противоречий, что приводит к отсутствию единого пути революции, каждая революция своеобразна и уникальна. При этом и сами противоречия различны: наряду

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

с простыми противоречиями следует различать антагонизмы, при этом в рамках социалистической революции как категория устраняются именно антагонизмы, а противоречия сохраняются.

Положение об объективности развития продолжает разработку данного вопроса у Гегеля и Маркса. Ленин определяет невозможность искусственного вмешательства в объективный исторический ход, что означает невозможность искусственного создания или импорта революции, всякая революция зарождается и развивается в недрах самого общества из объективных кризисов и противоречий.

Универсальность и взаимосвязанность означают сохранение единства развития. Исторические процессы протекают взаимосвязано и друг с другом и в рамках общей исторической необходимости. Это обуславливает, во-первых, наличие ключевых исторических феноменов, определяющих общепланетарное строение обществ*, таким феноменом является социалистическая революция, во-вторых, существования мирового революционного процесса, в

котором мировая революция обосновывается Лениным не как одномоментное событие, но как эпохальный процесс, охватывающий весь мир и, в-третьих, единство цели общеисторического пути – социализма.

Диалектика как единство разума и материалистической реальности. Ленин подчеркивает, что диалектика как орудие познания и действия определяется диалектикой самой реальности. Единство диалектики разума и реальности на более высоком уровне определяется как единство мира и человека в практической деятельности. Отсюда революция является реализацией диалектики общества, и она тем успешнее, чем ее теория вернее отражает эту диалектику, а ее практика ей следует**. Именно человек и его практика становятся связующим и решающим фактором диалектического развития и единства разума и реальности.

Диалектика революции. В рамках разработки данной проблемы Ленин разработал ряд значимых пунктов теории. Было уточнено определение революционной ситуации как ситуации [15, с. 218], при кото-

* «...в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать, и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.» (Ленин В. Под чужим флагом // Ленин В. Соч. 5-е изд. Т. 26. С. 142).

** Примером конкретного приложения данного тезиса может служить указание Ленина на необходимость использования военного кризиса и вооружение народа для подготовки пролетарской революции; еще одним примером служит указание Ленина на необходимость соединения в революционной практике противоположностей в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

рой эксплуатируемые классы осознают необходимость изменение существующего строя, а правящие классы более не могут эффективно управлять массами и сохранять свое положение в рамках данного строя, предельно обостряются кризисы и противоречия в обществе, значительно повышается политическая активность масс. При этом наряду с данными объективными условиями революции были определены и субъективные ее причины: способность и готовность революционного класса к совершению революции*. Революция была определена как продукт творчества масс, содержащийся наряду с рациональными и стихийные стороны, необходимо сопровождающийся насилием**, разрывом гражданского мира, вскрывающим классовые противоречия. При этом Ленин подчеркивал, что социальная революция не является чистым односторонним актом, но целой эпохой классовых столкновений в политике, экономике, идеологии [16, с. 54]. Лениным было уточнено положение об отмирании государства: он определил, что буржуазное государство не отмирает, а революционно уничтожается, после чего формируется специфическая форма государства – диктатура пролетариата, по-

степенно отмирающая по мере революционного разрушения старого общества и формирования нового.

Учение Маркса и его дополнения Лениным стало вершиной конкретного воплощения диалектического подхода в теории революции. Вместе с тем критический анализ показывает, что наряду с позитивными достижениями, такими как историзм, антидогматизм и строгое следование фактам реальности, масштабность и глубина проработки вопросов, схватывание динамики революции, определение ее позитивной и негативной направленности, всесторонний анализ общества и взаимосвязи его сфер, определение материальных основ революционного процесса, марксистско-ленинская теория содержит и ряд негативных черт: извне определенный исторический телеологизм и эсхатологизм.

Как бы то ни было марксистско-ленинские разработки стали базисом для всех последующих разработок в рамках диалектического подхода (Д. Лукач, А. Грамши, Г. Маркузе, Ж.П. Сартр.), а также оказали существенное влияние на иные подходы и направления исследующие проблемы революции.

* В данной проблеме Лениным были разработаны теория новой формы партийной революционной организации, ее стратегии и тактики, ее отношения к массам.

** При этом насилие в данном случае носит не разрушительно негативный характер, но характер позитивного средства создания нового общества.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 1.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Гегель Г.В.Ф. Соч. – Т. 5.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Гегель Г.В.Ф. Соч. – Т. 4.
4. Маркс К. Тезисы о Фейрбахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 42.
7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 8.
8. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3.
9. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 13.
10. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 4.
11. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 1.
12. Ленин В. О Лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В. Соч. 5-е изд. – Т. 26.
13. Маркс К. Обращение ЦК к союзу коммунистов. Март 1850 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 7.
14. Ленин В. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. Соч. 5-е изд. – Т. 37.
15. Ленин В. Крах II Интернационала // Ленин В. Соч. 5-е изд. – Т. 26.

References

1. Marks K. *K kritike gegelevskoy filosofii prava*. [To criticism of Hegel's philosophy of law]. Soch. 1.
2. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki*. [Science of Logic]. Soch. 5.
3. Gegel' G.V.F. *Fenomenologiya dukha*. [Феноменология духа]. Soch. 4.
4. Marks K. *Tezisy o Feyrbakhe*. [Theses about Feirbach]. Soch. 3.
5. Marks K., Engel's F. 3.
6. Marks K. *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844*. [Экономическо-философские рукописи 1844]. Soch. 42.
7. Marks K. *Vosemnadtsatoye bryumera Lui Bonaparta*. [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. Soch. 8.
8. Marks K. Engel's F. *Nemetskaya ideologiya*. [German Ideology]. Soch. 3.
9. Marks K. *K kritike politicheskoy ekonomii*. [To the criticism of political economy]. Soch. 13.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

10. Marks K. *Nishcheta filosofii. Otvet na «Filosofiyu nishchety» g-na Prudona*. [Poverty of philosophy. The answer to Mr. Proudhon's "Philosophy of Poverty"]. Soch. 4.

11. Marks K. *Kriticheskie zametki k stat'e «Prussaka» «Korol' prusskiy i sotsial'naya reforma*. [Critical notes to the article "The Prussian" "The King of Prussia and Social Reform"]. Soch. 1.

12. Lenin V. *O Lozunge Soedinennykh Shtatov Evropy*. [About the slogan of the United States of Europe]. Soch. 26.

13. Marks K. *Obrashchenie TsK k soyuzu kommunistov*. [Appeal of the Central Committee to the Union of Communists]. Mart 1850. Soch. 7.

14. Lenin V. *Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy*. [The proletarian revolution and renegade Kautsky]. Soch. 37.

15. Lenin V. *Krakh II Internatsionala*. [The Collapse of the Second International]. Soch. 26.

Классовый подход и возможности его применения к анализу современных переходных обществ

В статье обсуждается современное состояние классового подхода как парадигмы анализа социального неравенства. Несмотря на выдвинутые в последние годы постмодернистские концепции, которые пытаются утвердить значимость горизонтальной стратификации, автор настаивает на том, что интегральным для существующих концепций является понятие «класс», поскольку именно классы остаются ядром динамики и воспроизводства капитализма. Опираясь на идею общественного воспроизводства классовых отношений, автор обращается к той версии классовой теории, которую предложил Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Доказывается, что концептуальный аппарат, характеризующий французское общество в нестабильной фазе его развития, может быть использован для анализа неравенства в переходных обществах.

Ключевые слова: социальное неравенство, классовый анализ, социальное воспроизводство, классовые отношения, социальные классы, социальные интересы.

Одяков Сергей Вячеславович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск. Россия, sodyakov@list.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В последние годы многие видные социологи Запада (З. Бауман, У. Бек, Д. Пакульски и др.) пришли к спорному выводу о том, что мы являемся свидетелями метаморфозы общества. В ходе происходящих изменений люди освобождаются от социальных форм индустриального общества, в частности, от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и т.д.

Во всех богатых западных странах в процессе модернизации в период после Второй мировой войны завершился переход, общественный сдвиг в сторону индивидуализации, правда, при сохранившемся в значительной мере неравенстве людей. Это, по мнению названных авторов, означает, что на фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий индивиды освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье. Они начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с его рисками, шансами и противоречиями.

Несмотря на сильное влияние на профессиональную среду и несомненный и оправданный имидж блистательных интеллектуалов, по мнению специалистов по проблемам социального неравенства, ни один из данных ученых не предложил и не в состоянии предложить сколь-нибудь «грандиозную» теорию, способную заменить «дискредитировавший себя

марксизм» или веберизанство. Концепции высоких теоретиков постмодернизма в весьма слабой степени подтверждаются жизненными фактами даже по отношению к самым развитым странам мира. Тем более они никак не отражают реалий за пределами «золотого миллиарда».

Оппонируя концепциям «смерти социального класса» Гордон Маршалл, профессор из Оксфордского университета, в 1997 году отмечал, что классовый анализ ныне, вероятно, более жизнеспособен, чем когда-либо в его долгой социологической истории. Социальный класс столь же важен для понимания индустриальных обществ конца XX века, как он был настоятельно необходим для анализа обществ начала XX века, по важнейшим характеристикам обществ-двойников. Другое дело, что макроструктурные классовые разделения конкретизируются в социальных ресурсах и жизненных шансах, вытекающих из исторически складывающихся специфических гражданских, рыночных и трудовых ситуаций, в которые включаются индивиды. В современном мире жизненные шансы индивидов все в большей мере зависят от ресурсов образования, культурного и социального капитала [8, с. 143–144].

Очевидно, что классические концепции классовой структуры оказались недостаточно адекватными в качестве инструмента анализа современного капиталистического общества, претерпевшего ряд серьезных из-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

менений в сравнении с классическим периодом. Они нуждаются в серьезной доработке и для их применения к трансформирующимся постсоциалистическим обществам.

В последние десятилетия было сделано несколько крупномасштабных попыток модернизации классических концепций – как марксовой, так и веберовской. Среди них особенно заметны концепции Р. Дарендорфа, Д. Голдторпа и Э. Райта. Однако ни одна из этих попыток не является до конца успешной. Их авторы шли по пути от понимания классов как социально-экономических общностей, смещая интерес в сторону иных структур.

Во второй половине XX века многие исследователи данной проблематики в Западной Европе начали приходить к выводу относительно падения роли классового положения как фактора поведения людей. В то же время все большую роль играют гендерные и этнические границы. Классы становятся все более и более раздробленными. Общеклассовые интересы отесняются на задний план отраслевыми, внутрифирменными, профессиональными. В целом ряде исследований довольно аргументировано было доказано, что происходит уход рабочих в частную жизнь и предпочтение все больше отдается индивидуальным стратегиям

выживания, а не коллективным действиям [7, с. 330–331].

Сложившаяся в российском обществе конфигурация классов и слоев отличается, тем не менее, от классической марксистской схемы в том виде, в котором она представлена в основополагающих трудах К. Маркса и в частности «Коммунистическом манифесте». В этих работах Маркс характеризует каждую из общественно-экономических формаций как классовую, а борьбу классов определяет как ключевое противоречие и одновременно источник развития для общества. Э. Райт полагает, что самый высокий парадигмальный уровень классового анализа имеет для Маркса телеологическое значение: разрешение ключевого противоречия должно стать одновременно переходом к новой общественно-экономической формации, лишенной противоречий [6, с. 38–39].

Таким образом, в классовом анализе ключевыми категориями являются не только классы и классовое неравенство, основанное на эксплуатации, но и противоречия воспроизводства классовых отношений.

Дело в том, что эксплуататорский характер классовых структур делает их имманентно нестабильными формами общественных отношений. Требуются активные переделки институтов для их воспроизводства.

* CRÁTER fue un grupo juvenil de la sociedad apostólica católica Maryknoll, Integrado fundamentalmente por jóvenes de la burguesía guatemalteca, que habían estudiado en colegios religiosos. Fundado en la década de los sesenta del siglo pasado, movimiento social cristiano que tomó sus principios doctrinarios de las encíclicas de los papas Juan XXIII y Pablo VI.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Поэтому там, где есть классовые отношения, можно предвидеть создание новых форм политических и идеологических институтов для их (институтов) защиты и воспроизводства. В классическом марксизме это называют политической и идеологической надстройкой, воспроизводящей экономический базис [4, с. 26].

В принципе проблема общественного воспроизводства присуща всем общественным отношениям. Ни один из видов этих отношений: дружба, власть в организациях, гендерные связи или классовые отношения, – не существуют в конкретной форме лишь по инерции. Всегда есть некие практики поддержания данных общественных отношений. Но эти практики структурированы общественными отношениями, это не просто ничем не ограниченные действия волюнтаристски действующих лиц. Есть важная метатеоретическая идея, которую социологический марксизм разделяет с другими течениями социологической теории: общественные отношения воспроизводятся (и преобразуются) социальными практиками, которые сами структурированы общественными отношениями.

Хотя общественное воспроизводство – проблема всех общественных отношений, разные общественные отношения ставят разные проблемы обще-

ственного воспроизводства. Классовые отношения, в силу эксплуататорского характера, – пример отношений, где общественное воспроизводство особенно сложно и проблематично, требует больших ресурсов, общественной энергии и институциональных усилий. Причин две:

1. Эксплуатирующий класс создал отношения, в которых на определенных лиц налагаются реальные беды во благо других. Общественные отношения, генерирующие антагонистические интересы, неизбежно пробуждают тенденцию генерировать конфликты, попытки страдающих изменить эти отношения. Наличие стремления к активным действиям, чтобы изменить эти отношения, – это факт. Он создает дополнительные трудности для практики воспроизводства таких отношений. Общественному воспроизводству нужно не просто противодействие тенденциям распада, дезориентации. Нужны активные формы отпора и сопротивления.

2. Эксплуатация дает эксплуатируемым важный ресурс силы. Эксплуатация строится на извлечении трудовых усилий, и люди всегда имеют некую меру контроля над своими усилиями, могут противопоставить эксплуататорам некую форму сопротивления эксплуатации. То есть, общественные отношения не только создают антагонизм интересов. Те, кто страдает от ан-

* Ricardo Falla Sánchez, nació en Guatemala en 1932, sacerdote jesuita y antropólogo. Estudió la licenciatura en humanidades clásica y filosofía, en la Universidad Católica de Quito, Ecuador. Posteriormente se graduó en teología en Innsbruck, Austria. Finalmente obtuvo el doctorado en antropología, en la Universidad de Texas, Estados Unidos.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тагонизма, имеют внутренние источники силы сопротивляться эксплуатации.

С учетом эксплуататорских свойств классовых отношений первый фундаментальный социологический тезис марксизма предсказывает, что при наличии стабильных капиталистических классовых отношений будет и целый комплекс институциональных устройств для воспроизводства этих отношений. Важна условная форма этого предсказания. Не утверждается, что капиталистические классовые отношения всегда стабильны, но лишь что стабильность, где она есть, требует активной институциональной поддержки. Классовые системы создают важные проблемы собственного воспроизводства, проблемы, имеющие тенденцию к поиску решений. При этом не всегда возможны эффективные функциональные решения. Одна из центральных забот социологического марксизма в изучении проблем социального воспроизводства как раз и есть изучение того, как само социальное воспроизводство наталкивается на вызовы, саботаж, противодействия [4, с. 27–28].

Весьма показательна в этом отношении работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В ней реализована принципиально иная, чем в других его работах, стратегия классового анализа. Здесь Маркс стремится показать, как расширение демократии бросает вызов капитализму, как всеобщее избирательное право содействует борьбе классов. Ра-

бота посвящена перевороту, в результате которого 2 декабря 1852 года Шарль Луи Бонапарт, президент Франции, объявил себя императором. Именно поэтому в ней Маркс рассматривает класс прежде всего как действующего участника борьбы за власть, формирующего политические организации и политические программы.

Четыре пункта анализа, представленного в этой работе, обращают на себя внимание. Во-первых, класс рассматривается не как однородная социальная сущность, скрепляемая общими социальными интересами, а как гетерогенная общность («в себе»), для которой характерны разные комбинации социальных интересов. Выясняется, что в конкретных ситуациях даже буржуазия может делиться на конфликтующие группы интересов, активно вовлекающие в свои политические игры внешние по отношению к ней политические силы. Буржуазия, которая в общей схеме противостоит пролетариату, в реальной ситуации политической борьбы может разделиться на сторонников и противников режима, на тех, кто признает текущий политический курс выгодным для себя, и тех, кто его отвергает и во имя его изменения готов объединяться с другими политическими партиями, включая партии социал-демократической ориентации. Аналогичным образом рабочий класс может оказаться расколотым на разные фракции, характеризующиеся разным отношением к правящему режиму – от полно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

го принятия существующей системы до активного ей противодействия.

Во-вторых, новое прочтение получает идея Маркса о «классах в себе» и «классах для себя». В классической схеме «класс в себе» обретает политическое бытие в том случае, если превращается в «класс для себя», т.е. тогда, когда формирует собственную политическую организацию, способную бороться за власть. В «Восемнадцатом брюмера» дихотомия «класса в себе» и «класса для себя» превращается в континуум, предполагающий не моментальное просветление, а постепенное «пробуждение» к политической активности, при этом идейное наполнение процесса выглядит сложным и внутренне противоречивым. Отнюдь не всегда в сознании рабочих верх берут антибуржуазные идеи, направленные на сокрушение существующего социального порядка. Рабочие могут увлечь идеи умеренной, инкрементной эволюции социальных отношений, воплощенные, к примеру, в планах создания рабочих касс. Рабочие могут подпасть под влияние националистических идей и объединяться с некоторой частью буржуазии для вытеснения «чужаков», защиты отечественного производства и режима, ставящего превыше всего национальные интересы.

В-третьих, Маркс в «Восемнадцатом брюмера» с наглядностью демонстрирует возможности политического поля формировать спонтанные коалиции интересов и политические общ-

ности *ad hoc*, направленные на достижение конкретных политических целей. По сути речь идет о различиях между классовой политикой идеологичной по определению, и политикой социального интереса, имеющей нередко надклассовую природу. Маркс отмечает, что накануне декабрьского переворота классы и социальные группы образовывали «летучие» политические коалиции, формируемые по принципу сходства политических интересов. Возникали временные социальные образования, «политические классы», заинтересованные в том, чтобы отстоять свои интересы в ситуации политического противостояния и торга. Природа политических классов и действия государства находились в зависимости от суммы противоречий, накопленных обществом, и одновременно от сложившейся в стране политической обстановки. Маркс подчеркивает, что французская политика существенно отличалась от американской, потому что в этих двух странах государство оказывалось в разных условиях и по-разному реагировало на экономические и социальные вызовы.

В условиях, когда в обществе высок уровень социальной мобильности, когда экономика развивается, государство не успевает сложиться как инструмент политического господства, за контроль над которым борются коалиции политических сил – классы, возникающие *ad hoc*. Политическая жизнь выходит за рамки борьбы за контроль над государством, а последнее по-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

лучает шанс быть консервативным, т.е. сохранять уравнилельные ценности и процедуры, которые были заложены его отцами-основателями. В стране, где традиционно сильны позиции бюрократии, именно она становится партией порядка и выступает за ограничения демократических процедур, что можно наблюдать и в современной России.

В рассуждениях Маркса содержится важное предположение о возможном влиянии государственной политики на процесс актуализации социальных интересов. Государство, берущее на себя роль арбитра в разрешении социальных конфликтов, реализующее политику равенства, снимает часть социальной ответственности с класса собственников и, соответственно, берет на себя немалую ответственность за состояние дел в экономике и обществе. В результате политика государства становится тем фактором, который способствует возникновению политических общностей, имеющих признаки класса. По мере того, как развивается социальный, государственный сектор экономики, влияние государства на процесс политической структуризации общества усиливается: большие группы специалистов – учителя, врачи, военные, мелкие чиновники – становятся классом (или классами), находящимися в зависимости от государства-работодателя. Государственная политика влияет на степень политического радикализма в этой части населения, масштабы и

эффективность государственной социальной политики оказывают существенное влияние на ее отношение к социальному порядку, который в свою очередь, имеет в основании работающие институты распределения. Чем более либеральной является политика властей, чем меньше объемы финансирования социальной сферы, тем выше уровень недовольства в рядах тех, кто ее обслуживает, и выше вероятность того, что репрессивный, накапливающийся в обществе, выльется либо в неявный бойкот государственной политики и ее целей, либо в открытый «площадной протест». Маркс справедливо отмечал, что политическая мобилизация данной группы затруднена свойственной ей индивидуализацией и территориальным рассредоточением. Специалисты, полагал Маркс, в большинстве случаев находятся на стороне класса собственников потому, что получают доходы выше средних и заинтересованы в сохранении своего привилегированного положения [6, с. 43–47].

В большинстве европейских стран в отношении государственного сектора и социальных функций проводится политика осторожной либерализации, не ставящей под сомнение ядро государственной социальной политики. В России, где государственная поддержка социальных институтов воспроизводства – образования и здравоохранения – существенно ниже, чем в развитых странах, акцент делается на практиках медийной и электоральной манипуля-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ции, а также управлению общественными настроениями с использованием возможностей системы образования. Реформы образования призваны ускорить процесс его дифференциации, сделав его высший, наиболее качественный уровень доступным прежде всего для выходцев из состоятельного слоя, лояльного по отношению к власти.

В четвертых, в «Восемнадцатом брюмера» Маркс высказывает мысль о том, что на расклад политических сил внутри страны влияет не только степень политической мобилизации классов и слоев, но и внешнеполитический и внешнеэкономический контексты – стремление властей добиться расположения основных союзников и партнеров вне страны, возможность для рабочего класса или других социальных групп опереться на организованную поддержку единомышленников за рубежом. Например, фактор американского влияния невозможно вывести за рамки внутренней политики европейских стран потому, что США контролируют мировые финансовые потоки, сохраняют свое военное присутствие на европейском континенте и, что немаловажно, задают «правильные образцы» либеральной экономической политики. Внешнее влияние, включающее в себя влияние международных рынков, а также социокультурных образцов, может действовать как фактор,

ослабляющий или усиливающий отдельные аспекты государственной экономической социальной политики, политики безопасности, и в этом качестве влиять на процессы производства и воспроизводства отношений неравенства.

Анализируя конкретный кейс переворота, приведшего к власти Луи Банапарта, Маркс, разумеется, не предполагал, что многое из замеченного им во французском обществе середины XIX века будет довольно точно описывать ситуацию, складывающихся в обществах, совершающих переходы к рынку 150 лет спустя. Силовые линии противостояний между крупной и мелкой буржуазией, активных ядром пролетариата и люмпенами, желающими «сильной руки», авторитарной властью и сторонниками демократии с регулярностью воспроизводятся и будут воспроизводить себя в обществах, не имеющих твердых демократических традиций, строящих рыночную экономику в отсутствие стабильных социальных институтов, способных очертить рамки возможного для правящего класса и различных коалиций, стремящихся противостоять всевластию. Классовый анализ дает точную картину, но лишь до того момента, пока общество не перестает быть классовым, не выходит из той фазы нестабильности, которая в деталях охарактеризована Марксом в его работе [6, с. 48–49].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
3. Буравой М. Социологический марксизм (ч. I) / М. Буравой, Э.О. Райт // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 18–29.
4. Буравой М. Социологический марксизм (ч. II) / М. Буравой, Э.О. Райт // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 26–38.
5. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. – 736 с.
6. Черныш М.Ф. Парадигмальные основания анализа социального неравенства в переходном обществе / М.Ф. Черныш // Социологический журнал. 2012. № 2. – С.23–52.
7. Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ / О.И. Шкаратан, В.И. Ильин. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 468 с.: табл.
8. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О.И. Шкаратан. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 560 с.
9. Grusky D. The Past, Present, and Future of Social Inequality // Grusky D. (ed.) Social stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Westview Press, 2001. Pp. 3–51.
10. Marshall G. Repositioning Class. Social Inequality in Industrial Societies. L.: SAGE Publications, 1997.
11. Pakulski J., Waters M. The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // Theory of Society. 1996. 25(5).
12. Wright E.O. Classes. New York, Verso, 1985.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. [Individualized society]. Moscow, 2005. 390 p.
2. Bek U. *Obshchestvo riska, Na puti k drugomu modern*. [Risk Society: Towards Another Modernity]. Moscow, 2000. 381 p.
3. Buravoy M. *Sotsiologicheskiy marksizm (ch. I)* [Sociological Marxism (Part I)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological research]. 2011. 9. P. 18–29.
4. Buravoy M. *Sotsiologicheskiy marksizm (ch. II)*. [Sociological Marxism (Part II)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological research] 2011. 10. P. 26–38.
5. Marks K. *Vosemnadtsatoe bryumera Lui Bonaparta*. [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. Soch. 8. Moscow, 1957. 736 p.
6. Chernysh M.F. *Paradigmalye osnovaniya analiza sotsial'nogo neravenstva v perekhodnom obshchestve*. [Paradigmatic grounds for the analysis of social inequality in a transitional society]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. [Sociological journal]. 2012. 2. P.23–52.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

7. Shkaratan O.I. *Sotsial'naya stratifikatsiya Rossii i Vostochnoy Evropy, sravnitel'nyy analiz*. [Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ]. Moscow, 2006. 468 p.

8. Shkaratan O.I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii*. [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow, 2009. 560 p.

9. Grusky D. *The Past, Present, and Future of Social Inequality*. Westview Press, 2001. P. 3–51.

10. Marshall G. *Repositioning Class. Social Inequality in Industrial Societies*. L.: SAGE Publications, 1997.

11. Pakulski J., Waters M. *The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society*. *Theory of Society*. 1996. 25(5).

12. Wright E.O. *Classes*. New York, 1985.

УДК 572.029:009

Хвощев В.Е.

Марксистская теория активности

В докладе отмечается политическая составляющая марксизма – теория активности. Автор считает недооцененным вклад К. Маркса в политическую науку, который оказался в тени экономического анализа капитализма, и убеждён в перспективе исследований активности людей, как основы социального развития. Обращается внимание на жёсткую критику К. Поппера марксизма в его активистской (историцистской) части, мягкое несогласие Н. Бердяева с материализмом К. Маркса и одобрение им принципов марксистского активизма. В заключение отмечается близость, не смотря на имеющиеся различия, позиций марксизма и ленинизма в понимании активности и методологическая продуктивность активистского подхода в исследованиях социальных и политических процессов.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, активизм, историцизм, материализм

Хвощев Владимир Ефимович,
профессор Южно-Уральского
государственного университета,
Челябинск, Россия, vek@susu.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Принято считать, что успехи естественных наук намного значительнее достижений наук общественных – социально-гуманитарных. Это, ставшее банальным, утверждение как будто подтверждается практикой: и в организации экспериментов, и в технологических разработках, и в прогнозировании развития собственного предмета естественно-научное знание несопоставимо выше аналогичного багажа «непреуспевающих» наук. Отставание последних кажется настолько очевидным, что многие их представители отказываются от притязаний на какую бы то ни было научность своих поисков в пользу общемировоззренческих построений или сомнительного критиканства коллег по цеху.

От подобных настроений не свободны даже выдающиеся мыслители, к которым безусловно относится К. Поппер – пессимист и глашатай научной пассивности в области социальных наук («за исключением экономики»). Отдавая дань ясности и последовательности суждений К. Поппера, нельзя не признать в нём одного из лучших оппонентов марксизму по важнейшему принципу марксистского учения – радикальному активизму (в терминологии самого К. Поппера [1]), оппонента выдающегося в плане ясности претензий, но не убедительности критики.

К сожалению, К. Маркс не может ответить К. Попперу, но в трудах самого К. Маркса и аргументах сторонников марксизма можно найти основательные доводы в пользу конструктивно-

сти активистских воззрений. При этом отношение к историцизму – одному из логических выводов активизма, к его методологической «нищете» важно предварить хотя бы кратким изложением понятия активности и роли соответствующего явления в моделировании мировоззренческих представлений.

Категория активности, несмотря на простоту её научной логики, плохо воспринимается сегодня и внутри России, и за рубежом. Недопонимание сущности активности большинством иностранных авторов работ по близкой к активизму тематике носит, как правило, языковой характер. Английское «act» означает любое конкретное действие, а «action» – абстрактную деятельность, лишённую содержания и мотивов. Заимствования же слов «акт» и «активность» в русском языке несут специфическое смысловое наполнение, не тождественное слову «деятельность». Впрочем, и среди отечественных исследователей активности нередко встречается отмеченное отождествление, которое вносит путаницу и существенно обедняет анализ социально-политических явлений и процессов. Именно сторонников такой позиции К. Поппер заслуженно обвиняет в нищете историцизма и, следовательно, активизма. Для представителей такого «деятельностного» подхода активность является в лучшем случае всего лишь ускоренной интенсивной деятельностью. Тогда раб, гребущий на галере под ударами плети становится ак-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тивным человеком, поскольку и усилия, которые он прилагает и результат его труда оказываются сверхнормативными и, как правило, эффективными.

Ни сам факт деятельности, ни её результат не являются, по крайней мере, достаточными показателями активности действующих субъектов. Логично предположить, что деятельность – широко распространённая форма проявления активности. Но в наших действиях всегда присутствует и вынужденная составляющая, определяющаяся необходимостью и мало зависящая от желаний. И чем выше эта составляющая, тем пассивнее деятельность, даже самая кипучая. Тот раб на галере, оставаясь главным двигателем судна, как ни парадоксально это звучит, абсолютно пассивен в своём кипучем занятии!

Очевидно, что активность характеризует отнюдь не деятельность, а самого действующего субъекта. В таком случае она не исчезает в состоянии покоя, а сохраняется неизменной пусть в другом – потенциальном, бездейственном виде.

Знание активности субъектов даёт научное основание для понимания и прогнозирования социально-политических процессов. Будущее предстаёт не столь случайным и вполне предсказуемым – его ростки заключены в недрах самих субъектов и определяются универсальным свойством всех физических тел, в том числе, социальных образований с их уникальной спецификой. Грядущему просто неоткуда взяться кроме как из про-

шлого и настоящего. Своим активным взглядом на мир марксизм источает оптимизм и по поводу конечности истории и относительно возможностей её теоретических построений. Это прямое следствие активизма К. Маркса – одна из сильнейших сторон марксистской теории активности, фундаментом которой является отражение качественного перехода сознания от объяснения мира к поиску путей его творческого преобразования. Можно сказать, что в одном из тезисов о Фейербахе К. Маркс кратко и точно сформулировал суть концепции активизма, определив ключевую позицию всех своих исследований: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [2, т. 3, с. 4]. И если такие изменения нам по силам, то результат перемен во многом обусловленный интересами людей, вполне предсказуем, а, значит К. Поппер зря пролил столько чернил, опровергая историзм и активизм. Впрочем, понимание активности и отношение к активизму – вопрос не только научный, но и политический, как и прочие выводы марксистского анализа действительности того времени и времён обозримого будущего.

Несомненно, что К. Маркс, в первую очередь, политолог, воспользовавшийся экономическим инструментарием для решения политических задач. Движение капитала, создание прибавочной стоимости, теоретическое осмысление которых принято считать главной научной

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

заслугой марксизма, всего лишь второстепенные предметы, конкретные примеры, иллюстрирующие основное – политическое учение. При этом обстоятельность и многословие «Капитала» не должно восприниматься автономно в виде законченной экономической теории. Оно всего лишь средство аргументации теории политической активности. Не понимая этого, многие современные критики марксизма сосредотачивают внимание на быстро меняющейся экономической ситуации: и капитал сегодня не тот, и система распределения другая, и эксплуатация труда завуалирована так, что не легко разобраться. Специфику современной экономики они возводят в аргумент опровержения марксизма. Но не таков К. Поппер, чтобы размениваться на частности. Он целит в сердце марксистской теории – политический активизм. Однако именно в этом месте марксизм оказывается наименее уязвимым, а противопоставление чего бы то ни было его основе ведёт к абсолютным нелепостям. Иначе не назвать полное отрицание возможности исторического предвидения или способности человека к вмешательству в существующий порядок вещей – всего того, что определяет общественный прогресс.

Среди критиков марксистской теории активности нельзя не отметить особо нашего известного соотечественника Н.А. Бердяева. Но если К. Поппер не приемлет активизм ни в каких проявлениях, то Н.А. Бердяев

является одним из самых ярких сторонников теории активности, что не мешает его критике марксизма, в том числе, и в этом вопросе. Оставаясь принципиальным сторонником философии и политологии К. Маркса, Н.А. Бердяев обрушивает свою критику на разновидность марксизма, гипертрофирующую материалистическую составляющую марксистского учения. Идея преобразования мира, на которой построена теория К. Маркса, «приобрела уродливую и карикатурную форму у марксистов и особенно у коммунистов и оказалась в противоестественной, нелепой связи с материализмом, который есть философия пассивности, а не активности» [3].

Позднее по степени проникновения вульгарного материализма в марксистское учение образовалось вполне самостоятельное направление «ленинизм», которое эту грубую форму материализма распространило на социальную практику. Не имея достаточного теоретического обоснования собственной позиции, «ленинизм» избирательно черпал отдельные научные идеи в «марксизме», декларируя полное с ним единство, единство, которое далеко не всегда находило место в политике. Справедливости ради нужно отметить, что эти случаи не распространяются на разработки марксистских исследователей активности третьей четверти XX века [4].

Очевидно, что ни марксистской теории, ни ленинской не противопоказаны активистские

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мотивы. И, даже более того: марксизм и ленинизм объединяет, связывает именно общее понимание активности действующих субъектов, а критики марксизма, если остаются в

этом вопросе на объективных и беспристрастных позициях, выйдут, скорее, сторонниками, а не противниками К. Маркса.

Библиографический список

1. Поппер К. Нищета историцизма, – М.: Изд-во Прогресс, 1993.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения изд. 2.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. – М., 2017, 181 с.
4. Хвощев В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. – 168 с.

References

1. Popper K. *Nishcheta istoritsizma*. [Poverty of historicism]. Moscow, 1993.
2. K. Marks i F. Engel's, Soch.
3. Berdyaev N.A. *Ya i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya*. [I and the world of objects. Experience of the philosophy of loneliness and communication]. Moscow, 2017, 181 p.
4. Khvoshchev V.E. *Teoriya aktivnosti, ot istokov k nachalam, monografiya*. [Theory of activity: from sources to beginnings: monograph]. Chelyabinsk, 2008. 168 p.

МНОГОЛИКИЙ ДИСКУРС

УДК 1.14

Хавьер Хаймес Сьенфуэгос

«Потребительская культура» и «технологический разум»: видение одномерного бытия человека Гербертом Маркузе

Цель настоящей работы – раскрыть аналитический и синтетический аспект понятия технического разума в творчестве Герберта Маркузе. Это позволит нам раскрыть понятие человека XXI века, равно как новые формы сублимации, которые структурируют общество. Наконец, анализируются такие понятия, которые образуют стержень настоящего исследования, среди которых следует особо выделить понятие угнетения, что открывает возможность фрейдистского анализа общественных устройств и диалектической трансформации человека в творчестве Маркузе. Эта диалектика раскрывает существо, которое производит, потребляет и оказывается угнетенным, - обладателя ложного сознания. Его анализ обществ постмодерна, отмечен фрейдистской оптикой, сквозь призму которой подвергаются репрессии спонтанные спонтанные импульсы и проявляется склонность к танатосу. Таким образом создаются условия для зарождения *технического разума*, базирующегося на желаниях, задаваемых обществом, которое оказывается не в состоянии сублимировать первичные импульсы, и конструкция субъекта происходит путем его подавления в форме коллективного сознания за счет экономической и социальной деконструкции, за счет производства и потребления. Капиталистическая система и новые формы культуры ведут к созданию ложного сознания, которое для Маркузе является источником всеобъемлющего зла, так как проистекает из постоянной неудовлетворенности ее общественных манифестаций.

Ключевые слова: репрессия, мышление, потребительство, общество

Хавьер Хаймес Сьенфуэгос – аспирант Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, Толука, Мексика

Феноменология бунтующего сознания и свободы: Ф.М. Достоевский и Л.И. Шестов

В докладе рассматривается эволюция представлений Шестова о творчестве великого русского писателя Ф.М. Достоевского, показана шестовизация идей русской философии. Шестову было свойственно стремление к непосредственному восприятию жизни в её неисчерпаемости, и, следовательно – к алогичности, хаотичности, беспочвенности. Познание Шестова – это стремление выразить мысль ёмко и одновременно зримо, что не разложимо на концепции, тезисы и положения. Автор стремится также к выявлению новых аспектов в интерпретации проблем жизни и смерти, Бога и человека, трагедии и свободы, веры и истины в текстах Льва Шестова. Очевидно для автора исследования то, что Шестову было сложно избежать противоречий в трактовке произведений Достоевского, в статье определены те противоречия, которые не смогли разрешить в своей антроподицее ни Достоевский, ни Шестов, противоречия в их подходах к ценности человека и его жизни. Если Шестов был влеком беспочвенностью, то Достоевский, напротив, только в единении с почвой, с миром, с землей видит спасение человека, и, следовательно, самого себя. Шестов создавал образ «человека над бездной», то есть человека, воспарившего над пороками и язвами мира, но воспарившего не по взмаху волшебного жезла, а ценой и мерой непосильных страданий, ценой запредельных усилий. Достоевский так же часто использует понятие бездны при создании своих персонажей. Для Достоевского Бог означал Добро, что сближало его с Толстым и разъединяло с Шестовым. Прорыв к Богу у Достоевского – это всегда преодоление бездны зла и приобретение к Добру, и не просто стремление, а битва за Добро, кровавый ежеминутный бой со всем, что встает на пути. Он не верит в единый миг преображенья – в Чудо свершения, которое происходит без участия самого человека, вне тяжелого душевного труда. Вряд ли Достоевский согласился бы, что спасает только вера. В соответствии с его концепцией почвенничества спасают и вера, и дела. На примере философствования Л. Шестова открывается возможность исследовать трагичность умонастроения XX века, в сложной амбивалентности которого соединяются мир и человек, его сознание, проблемы познания и ценностей.

Ключевые слова: феноменология, беспочвенность, антроподицея, религиозный экзистенциализм, бунт, свобода, философия трагедии

Лезьер Виктория, доктор философии,
Президент образовательной неком-
мерческой ассоциации «Центр куль-
туры и познания», г. Бринель, Франция

Lezer Victoria

Phenomenology of rebellious consciousness and freedom: F.M. Dostoevsky and LI Shestov

The report deals with the evolution of Shestov's ideas about the works of the great Russian writer F. M. Dostoyevsky, shows the shestovization of ideas of Russian philosophy. Shestov had the ambition to direct perception of life in its inexhaustibility, and, consequently, to illogicality, chaos, groundlessness. Shestov's cognition is an aspiration to express the idea succinctly and, at the same time, visibly, so it is not decomposable on concepts, theses and provisions. The author also seeks to identify new aspects in the interpretation of the problems of life and death, God and Man, tragedy and freedom, faith and truth in the texts of Leo Shestov. It's obvious for the author that Shestov had difficulties to avoid contradictions in his interpretation of Dostoevsky's works, the article identifies the contradictions that have been unable to settle in their anthropodicy neither to Dostoyevsky, nor to Shestov, the contradictions in their approaches to human values and his life. If Shestov was attracted by groundlessness, then Dostoyevsky, on the contrary, only in unity with the soil, with the world, with the earth sees the salvation of Man, and therefore himself. Shestov created the image of a "man above the abyss", that is, a man who rose above the vices and ulcers of the world, but rose not by the wave of the magic rod, but by the price and measure of unbearable suffering, at the cost of exorbitant efforts. Dostoyevsky also often uses the notion of abyss when creating his characters. For Dostoevsky, God meant the Good, what brought him to Tolstoy and disconnected with Shestov. Breakthrough to God according to Dostoevsky it is always the overcoming of the abyss of evil and initiation to the Good, and not just a desire, but the battle for the Good, ever-present bloody fight with everything that stays out of the way. He does not believe in instant transformation - a Miracle of accomplishment, which occurs without the participation of the person, outside of hard mental labor. Dostoyevsky would have difficulty in agreeing that only faith saves. In his concept both faith and actions save. On the example of L. Shestov's philosophie it is possible to explore the tragedy of the twentieth century mindset, in the complex ambivalence of which the world and man, his consciousness, the problems of cognition and values are connected.

Keywords: phenomenology, groundlessness, anthropodicy, religious existentialism, rebellion, freedom, philosophy of tragedy

Lezer Victoria, Doctor of philosophy,
President of the educational non-
profit association "Center of culture
and knowledge", Brignoles, France

Lezer Victoria

Fenomenología de la conciencia Rebelled y libertad: F.M. Dostoievski y LI Shestov

El informe examina la evolución de las ideas de Shestov sobre el trabajo del gran escritor ruso F.M. Dostoyevsky, el sexto orden de las ideas de la filosofía rusa se muestra. Shestov se caracterizó por el deseo de percibir directamente la vida en su inagotabilidad y, en consecuencia, en lo ilógico, caótico, sin fundamento. El conocimiento de Shestov es el deseo de expresar el pensamiento de una manera amplia y simultáneamente visible que no se descompone en conceptos, tesis y proposiciones. El autor también busca identificar nuevos aspectos en la interpretación de los problemas de la vida y la muerte, Dios y el hombre, la tragedia y la libertad, la fe y la verdad en los textos de Lev Shestov. Obviamente, para el autor del estudio que Shestov era difícil de evitar contradicciones en la interpretación de las obras de Dostoievski, el artículo identifica las contradicciones que no han podido resolver en su antropoditsei ni Dostoievski ni Shestov, contradicciones en sus aproximaciones al valor del hombre y de su vida. Si Shestov carecía de fundamento, Dostoievski, por el contrario, solo en unidad con el suelo, con el mundo, con la tierra, ve la salvación del hombre y, en consecuencia, de sí mismo. Postes crearon la imagen del "hombre del abismo", lo que es humano, para elevarse por encima de los vicios y las úlceras del mundo, pero no se disparan con un toque de varita mágica, pero con el coste de la medida y el sufrimiento insoportable, el precio esfuerzo excesivo. Dostoievski también usa a menudo la noción del abismo cuando crea sus personajes. Para Dostoievski, Dios quiso decir el Bien, lo que lo acercó a Tolstoi y lo separó de Séstov. Avance a Dios Dostoievski - que siempre se supera el mal abismo e introducción a la buena, y no sólo un deseo, y la batalla para el bien, sangrienta batalla continua con todo lo que se interponga en el camino. No cree en un solo momento de transfiguración, en el milagro de la realización, que ocurre sin la participación de la persona misma, fuera del trabajo mental pesado. Es poco probable que Dostoievski acepte que solo la fe salva. De acuerdo con su concepto de crear suelo, tanto la fe como las acciones se salvan. En el ejemplo de filosofar Shestov ofrece la oportunidad de explorar el trágico estado de ánimo del siglo XX, en el que el complejo de la ambivalencia conectado mundo y el hombre, su mente, el problema del conocimiento y los valores.

Palabras-clave: fenomenología, falta de fundamento, antropodición, existencialismo religioso, rebelión, libertad, filosofía de la tragedia

Leszier Victoria, Ph.D., Presidenta de la asociación educativa sin fines de lucro "Centre for Culture and Cognition", Brinel, Francia

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Современная культурная ситуация вызывает довольно разные оценки и суждения, напоминающие противоречивое осмысление культуры века предшествующего. Как и сегодня, философы писали о кризисе культуры, об апокалиптическом переживании времени, о необходимости переоценки всех прежних ценностей. В начале XX века было ясно одно: реальностью стало событие, которое предрекали Ф.М. Достоевский – «убийство Бога», и Ф. Ницше, в весте «Бог мертв». Трагизм происходящего стремились осмыслить и русские, и западноевропейские философы. В 1918 году Е.Н. Трубецкой написал: "На наших глазах ад утверждает себя как исчерпывающее содержание всей человеческой жизни, а стало быть, и всей человеческой культуры... олицетворяет опасность, нависшую надо всеми..." [1, с.191–192]. С. Франк обозначил катастрофический перелом в истории: «На место прежней, хотя с абсолютной точки зрения бессмысленной, но относительно налаженной и устроенной жизни, которая давала, по крайней мере, возможность искать лучшего, наступила полная и совершенная бессмыслица, хаос крови, ненависти, зла и нелепости – жизнь как сущий ад [2, с. 157]». Западноевропейские мыслители, взирая на трагический мир, в котором рушились все прежние ценности, испытывали более глубокое, чем их русские современники, чувство безысходности и ужаса перед происходящим. Выразительным отзвуком этой безысходности

звучат построения Хайдеггера, словно подводящие итог горьким размышлениям: "Мировая ночь распространяет свой мрак. Эта мировая эпоха определена тем, что остается вовне Бог, определена «нетостью Бога» ... В нетости Бога возвещает о себе, однако, и нечто куда более тяжкое" [3, с. 265]. А раз «Бог умер», остались лишь мир и человек, и сложнейшая проблема антропологии, и вопрос о самоопределении человека в ситуации «затмения Бога».

Ситуация «смерти Бога», или «затмения Бога» (М. Бубер), была центральным сюжетом, вокруг которого сложились миры великого русского писателя Ф.М. Достоевского и философа-экзистенциалиста Л.И. Шестова. В работе о Достоевском А. Жид воспроизводит главные вопросы этой ситуации: «Как утвердить свою зависимость? Тут начинается тревога. Все дозволено. Но что же? Все! Что может человек?» [4, с. 104].

Достоевского-мыслителя всю жизнь, говоря его же словами, «мучила» идея бога, человека, свободы. В своих произведениях великий русский писатель определяет человека жить в мире бесконечном, противоречивом, упорядоченном и стихийном, непредсказуемом; он помогает осознать грани человеческой слабости и силы, возможного и невозможного. Но и сам он бесстрашно заглядывал в бездны человеческого сознания, «мучая», испытывая на прочность, истинность и справедливость, вековые идеи добра и зла, смысла жизни, счастья, человеческой судьбы. В письме к

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

брату Михаилу Федор Михайлович Достоевский объясняет смысл собственного творчества: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [4, с.63].

В своих произведениях великий русский писатель обращается к феноменологии одновременно несчастного и бунтующего сознания. Признавая противоречивость фундаментальных человеческих качеств - добра и зла, свободы и насилия, восторга и отчаяния – Достоевский приходит к идее зыбкости и неустойчивости начал человеческого духа, находящихся во взаимоисключающем, противоречивом единстве. Так, «Записки из подполья» начинаются словами: «Я человек больной <...> Я злой человек» [5, с.99]. Но повествование и перипетии сюжета выявляют, что это и не злость вовсе, а скорее слабость, беспомощность и даже отчаяние человека, загнанного в подполье. Феномен «подполья» – это фиксация Достоевским сложнейшей ситуации поиска, прорыва, выбора, которую, впоследствии, ассоциировали с пограничной ситуацией. Именно в этом состоянии, полагает Достоевский, человек прикасается к подлинности, отъединяясь от всего внешнего, случайного. Но оказывается, что открывающиеся («в подполье») глубины наполнены более сильными противоречиями, чем внешнее, или ограниченное, бытие в мире людей и вещей.

Мир Достоевского не случайно стал предметом рассмотре-

ния для философа Льва Шестова, который осуществил переоценку ценностей, переосмысление фундаментальных категорий добра и зла в книге «Достоевский и Ницше» (1902). Эта книга стала важнейшей вехой формирования зрелой версии шестовского учения, его «философии веры». Заметим, что в своих ранних произведениях Шестов не только стремится уйти от традиционной этики, но и обратиться к такой проблематике, как аутентичность человеческого существования, ощущение жизни как трагедии борьбы, то есть к проблематике иррационального экзистенциализма. Вероятно, именно Шестов одним из первых в философской литературе дал специфические характеристики тем ситуациям, которые впоследствии немецкий психиатр и один из основоположников экзистенциализма Карл Ясперс назвал пограничными: отчаяние, безнадежность, покинутость, ужас, абсурдность существования. Истоки трагичности судьбы человека Шестов видел во власти идей, поэтому «субъект шестовского философствования навсегда покидает мир общечеловеческих ценностей и замыкается в «Я» - мире с его совершенно иными законами» [6, с. 118]. Шестов обращается к осмыслению своего личного опыта в форме философских драм. Обращение к Достоевскому прочитывается в контексте этих напряженных творческих поисков экзистенциалиста, все персонажи которого проходят ту же мучительную дорогу жизни, что и персонажи Достоевского, - от болезней,

безумства, страдания и лишения к преобразению внутренним Светом. Шестов неоднократно подчеркивает эту постоянную жажду преобразования, мотив спасения надеждой, что живут в героях Достоевского и в нем самом. Все творчество Достоевского в представлении Шестова – это расширенные «Записки из подполья», оправдание жизни конкретного человека. Такого человека поставил Достоевский над понятиями добра и зла, создав образ «подпольного человека» с его знаменитой апологией «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет за копейку продам. Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чаю всегда пить» [5, 174]. Вспомним, что Шестов как-то заметил, что эти слова вполне могли принадлежать Ницше, для которого на одной чаше весов были все чудеса культуры, на другой – его собственная жизнь [7]. Именно здесь выступает главный герой философии трагедии Ницше и Достоевского – это мятущийся человек из подножья» [8, с. 66].

В работе «Достоевский и Ницше» Шестов раскрывает неоднозначность мира «подполья»: это не только загнанность человека, его бегство и поражение, но и подполье как тайник человеческого духа, где он может быть свободным от чужого глаза и воли, где спрятан совершенно особый вид свободы, одновременно предельно открытой для себя и закрытой или еще не явленной другим, внешнему миру. И, тем не менее, это все-таки подполье, в кото-

ром живут мелкие и презренные проявления души. Такие же мелкие, как всякие насекомые, такие же презренные, как крысы и мыши. Взглянем, приглашает Шестов, цитируя Достоевского, на эту мышь в действии: «...она тоже обижена... и тоже желает отомстить... Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость... Но именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя живо с горя, в подполье... в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний... и заключается сок того странного наслаждения...» [7, с. 104–105]. Наслаждение в отчаянии, надежда в безвыходности, ощущение свободы в тупиковой ситуации, – эти противоречивые состояния души персонажей Достоевского постоянно подмечает Шестов. По его мнению, наиболее ярко эту своеобразную противоречивость, иерархичность бытия и человеческой сущности Достоевский выразил в повести «Записки из подполья». Здесь, с одной стороны, раздается «раздирающий душу вопль ужаса, вырвавшийся у человека, внезапно убедившегося, что он всю свою жизнь лгал, притворялся, когда уверял себя и других,

что высшая цель существования, это – служение последнему человеку. До сих пор он считал себя отмеченным судьбой, предназначенным для великого дела» [7, с. 170–173]. С другой этот же человек «внезапно почувствовал, что он ничуть не лучше, чем другие люди, что ему так же мало дела до всяких идей, как и самому обыкновенному смертному. Пусть идеи хоть тысячу раз торжествуют, пусть освобождают крестьян, пусть заводят правые и милостивые суды, пусть уничтожают рекрутчину – у него на душе от этого не становится ни легче, ни веселее. Он принужден сказать себе, что если бы взамен всех этих великих и счастливых событий на Россию обрушилось несчастье, он чувствовал бы себя не хуже, — может быть, даже лучше...» [7, с. 170–173]. Шестов предполагал, что эта открывшаяся в человеке двойственность присуща самому Достоевскому, и это обывательское равнодушие к чужому страданию, это притворство и лицемерие, которое он прятал за пафосом человеколюбивых фраз должно было на самом деле разорвать его душу на части, потому что уже невозможно в сорок лет начинать новую жизнь, «когда разрывать с прошлым – значит заживо похоронить себя...» [7, с. 170–173]. Шестов словно всматривался в душу самого Достоевского, в то, что происходило в ней, в стихийном ее порыве преодолеть сомнения, отчаяние и ужас, открывшиеся в экзистенциальном акте собственного падения: «Ему все казалось, что сомнения пройдут, что это только искуше-

ние. В последние минуты он – уже одними губами – продолжал шептать свое заклинание: «познается, что последний человек есть тоже человек и называется брат твой». Но слова этой молитвы не только не утешили его – они были тем ядом, который отравил Достоевского, хотя в них видели, продолжают до сих пор видеть безопасные и даже укрепляющие душу слова... [7, с. 170–173].

Парадоксально, что Шестов, определивший тему отчаяния предметом своего пристального внимания в последующих произведениях, был убежден, что в творчестве Достоевского, в феномене подполья, зло обрело самые сильные аргументы в свое оправдание. Можно ли согласиться в этом признании с Шестовым? Заметим здесь, что в своей ранней работе о Достоевском Шестов читает тексты русского писателя буквально, отождествляя его мировоззрение и слова подпольного человека. Исследователи Т. Благова и Б. Емельянов объясняли это тем, что «Шестов читает романы Достоевского как монологический текст [9], не замечая существенную черту философии Достоевского, отмеченную М.М. Бахтиным – ее «полифонию», множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний. Полифония, о которой говорит Бахтин, образуется, прежде всего, за счет «микрокосмичности», точнее, философичности главных героев Достоевского. Сами герои Достоевского кажутся гораздо беднее своих идей-вселенных, они не всегда едины и слиянны с ними и, в отличие от

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

своего творца, Достоевского, часто просто подавлены ими, несоизмеримы с ними. Таким образом, Шестов в раннем творчестве не понял, что в душе Достоевского, «по-своему цельной и, разумеется, единой и единственной, жил целый мир «философий», постоянно отставляющих свое право на существование, вступающих в столкновения, сводимых то к «окончательному» выводу, то к абсурду» [10, с. 44].

В 1921 году мировая общественность отмечала 100-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского. В связи с юбилеем писателя Льва Шестова в Европе приглашали читать лекции, посвященные творчеству Достоевского, и не только в Париже, но и в Берлине. Журнал «Nouvelle Revue Française» готовил номер, целиком посвященный Достоевскому. Шестову предложили опубликовать там свою статью «Преодоление самоочевидностей», которую он писал в это время для «Современных записок» (на рукописи стоит дата июль – сентябрь 1921 года). Статья вышла в 1922 году в сильно урезанном виде под названием «Dostoievsky et la lutte entre les evidences». Примечательно, что в этом же номере была помещена статья Андре Жида, который готовил книгу о Достоевском [11]. Обе статьи вызвали широкий отклик, рецензенты сравнивали подходы Шестова и французского писателя. Вскоре была переведена на французский язык, и книга «Достоевский и Ницше», что упрочило известность Шестова как оригинального интерпретатора Достоевского.

Эссе «Преодоление самоочевидностей» вошло в книгу «На весах Иова. Странствия по душам», которая вышла в Париже в 1929 году. В нее были включены работы, написанные в эмиграции в 1920–1924 годах. Главными героями эссе-драм являются Толстой, Достоевский, Паскаль, Спиноза, Плотин. Объединяющая идея книги хорошо выражена в обширной статье Германа Ловцкого «Философ библейского откровения»: «На одной чаше – скорбь Иова и вместе с ним Шестова, взывающего к Богу, на другой – песок морей, т. е. все материальные и идеальные сущности, которые навалились мертвой тяжестью на живую человеческую душу» [12, с. 207–230]. В этой работе Шестов, прошедший путь внутренней эволюции от философии трагедии к философии смерти, изменяет свое отношение к Достоевскому и к его «подпольному человеку».

«Преодоление самоочевидностей» начинается известным образом об ангеле смерти, взятом из Талмуда. Шестов пишет: «Бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трогает его души и даже не показывает ей, но прежде чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видят все и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое. <...> Одним из таких людей, обладавших двойным зрением, и был, без сомнения, Достоев-

ский» [13, с. 25–97]. Это был новый поворот в понимании гения русской литературы. Шестов вдруг открывает двойственность видения жизненных и художественных явлений, свойственных Достоевскому, заявляя, что во всех романах великого русского писателя осуществляется «очная ставка между «естественным зрением» и тем сверхъестественным видением, которым его одарил покрытый глазами ангел» [15, с. 69–70]. В этом сверхъестественном видении постигается свобода, как «последнее» основание человека, которая всегда связана с неизвестностью, в то время как мышление способно указывать на бесконечность и неопределенность. Шестов вслед за Достоевским обращается к проблеме свободы, которая осмысливается в диалектической связи с вопросом о необходимости, символизируемой в образе стены и законов природы. Шестову открывается вдруг, что Достоевский утверждал абсолютность и неустранимость внутренней, духовной свободы человека, дающейся ему через мучения, через боль, которая возникает вместе с чувством непримиримости и желанием опрокинуть необходимость, разрушить «стену». Эта особая рода боль доводит человека до бессилия, до ничто, не будучи в состоянии что-либо изменить в действительности. С этих позиций по-новому осмысливается Шестовым феномен подполья, и теперь философ был убежден, что Достоевский бежал от подполья в одиночество [13, с. 36] и провозгласил крайний индивиду-

ализм. «Не чувствуя за собой никакого поддерживающего авторитета или предания, – писал Шестов, – он провозгласил: «Я один, а они все» [13, с. 39].

Из контекста эссе Шестова можно заключить, что «подполье» – это бунт против «власти идей», против идеалов и идеалистической философии, против «вечных истин». В этом и заключалось его «второе зрение». Фактически восстание, которое поднимает «подпольный человек», – это восстание во имя свободной индивидуальности, в котором возможно достичь не только до прямого противопоставления себя обществу и природе, но и до идеи «выпадения» из них: «Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [13, с. 174]. Такова цена личности и «нашей индивидуальности», и «подполье» – не «всемство», не конформизм и не «власть идей», это экзистенциальная ситуация одиночества, отчуждения, самоизоляции и эгоцентризма. Шестов писал не то о Достоевском, не то о себе самом с высоты открывшегося ему содержания подполья: «Он точно сорвался со стремнины и стремглав, с головокружительной быстротой несется в бездонную пропасть. Никогда не испытанное, радостное чувство полета и страх перед беспочвенностью, перед всепоглощающей бездной». (Шестов Л. На весах Иова (странствования по душам). М. Фолио. 2000. С. 34–35). Философ словно не замечает жажды другой, лучшей, чем «подполье», жизни. Но в этом сочинении ему, видимо,

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

важнее было расширить контекст подполья, используя код библейского экзистенциализма, подчеркнув то, что происходит в душе подпольного человека: он не «думает», он «отчаянно мечется, стучится куда попало, бьется обо все встречающиеся на его пути стены. Его постоянно взрывает, возносит бог знает, как высоко и потом швыряет в бог знает какие пропасти и глубины. Он уже не направляет себя, им владеет сила бесконечно более могучая, чем он сам» [13, с. 61].

Однажды Бенджамин Фондан записал пересказ беседы Шестова с Габриэлем Марселем, которая проясняет интерпретацию «подпольного человека». Марсель упрекал Шестова, что тот «стучался туда, где вовсе не было двери». На это Шестов с присущей ему серьезной иронией ответил: «Я только и делаю, что говорю, что двери действительно нет, но, тем не менее, надо стучать в эту дверь, которой не существует... Если бы я избрал борьбу с кем-нибудь или чем-нибудь, Марсель был бы прав. Но я выбрал борьбу против очевидностей, т.е. против всемогущества невозможностей» [13, с. 514]. Замечу, что позже новые семантические значения «подполья», которые генерировал в своей интерпретации Шестов, были «подхвачены» такими философами, как Жан-Поль Сартр, Альбер Камю.

Шестову было сложно избежать противоречий в трактовке произведений Достоевского, но стоит ли его ловить на противоречиях, если у самого Достоевского их достаточно? Поэтому, если принять парадоксальность

мысли Шестова и попытаться вместе с ним понять, как трудно выразить некоторые размышления о смысле и бессмысленности жизни, то это облегчит анализ его философских эссе. В частности, вполне прозрачен смысл сказанного в тексте, в котором Шестов разъясняет философскую значимость художественных открытий Достоевского: «Кто хочет подойти ближе к Достоевскому, тот должен...проводить часы, дни, годы в атмосфере взаимно исключающих самоочевидностей – другого способа нет. Таким, только таким образом можно «увидеть», что время имеет не одно, а два и более измерений, что «законы» не существуют от вечности, а «даны» ... что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь, и все прочие «истины», которые глядят на нас своими страшными и страшными глазами со страниц сочинений Достоевского» [13, с. 80].

Назовем здесь лишь некоторые из противоречий, которые не смогли разрешить в своей антропологии ни Достоевский, ни Шестов, противоречия в их подходах к ценности человека и его жизни. Если Шестов был влеком беспочвенностью, то Достоевский, напротив, только в единении с почвой, с миром, с землей видит спасение человека, и, следовательно, самого себя. Шестов создавал образ "человека над бездной", то есть человека, воспарившего над пороками и язвами мира, но воспарившего не по взмаху волшебного жезла, а ценой и мерой непосильных страданий, ценой запредельных усилий. Достоевский так же часто ис-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

пользует понятие бездны при создании своих персонажей. Так один из наиболее сложных героев – Митя Карамазов – есть, по мнению русского писателя, воплощение двойственности идеалов, характеров и соединение двух «бездн». Для Достоевского Бог означал Добро, что сближало его с Толстым и раздвигало с Шестовым. Прорыв к Богу у Достоевского – это всегда преодоление бездны зла и приобщение к Добру, и не просто стремление, а битва за Добро, кровавый ежеминутный бой со всем, что встает на пути. Он не верит в единый миг преображения – в Чудо свершения, которое происходит без участия самого человека, вне тяжелого душевного труда. Вряд ли Достоевский согласился бы, что спасает только вера. В соответствии с его концепцией почвенничества спасают и вера, и дела. Именно так мы понимаем тематику «малых дел» в романах «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы» [14, с. 86].

Примиряет двух мыслителей одно: вслед за Ф.М. Достоевским философ XX века Л. И. Шестов постулирует трагическую ситуацию – это утрата идеи Бога в общественном сознании, в сердце человека. Несмотря на торжество человечества по поводу своих научных достижений и способностей победить природу, оно все глубже постигает и свое «великое сиротство» перед лицом бесконечности и вечности Вселенной. Мы, сегодняшние, вполне можем согласиться с этой, глубоко показанной в творчестве обоих очевидностью как созидательных, так и разрушительных возможностей человека. И потому творчество и Достоевского, и Шестова помогают нам преобразовать себя в мире известного и неизвестного, в мире, сотканном из противоречий, мире открытом и бесконечном, определенном и неопределенном одновременно, в мире, который является судьбой человека.

Библиографический список

1. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 1994.
2. Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992.
3. Heidegger M. Wozu Dichter? // Heidegger M. Holzwege. Fr.a.M., 1950.
4. Жид А. Достоевский: эссе. – Томск, 1994.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч.: в 30 т. – Т. 5. – М., 1973.
6. Бонецкая Н. Л. Шестов и Ф. Ницше // Вопросы философии, 2008.
7. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Философия трагедии. // Шестов Л. Философия трагедии. – М.: Фолио, 2001.
8. Шестов Л. Умозрение и Апокалипсис. Религиозная философия Вл. Соловьева // Шестов Л. Умозрения и откровения. – Париж, 1964.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

10. Кувакин В.А. Мыслители России: Избранные лекции по истории русской философии. – М.: Российское гуманистическое общество, 2005.
11. Gide, Andre. Dostoejvsky: Articles et causeries. Paris. 1923.
12. Ловцкий Г. Философ библейского Откровения: (К 100-летию со дня рождения Льва Шестова) // Путь. – 1966, – № 85.
13. Шестов Л.И. Преодоление самоочевидностей: (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) (1921) // Лев Шестов. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М., 1993.
14. Благова Т.И. Емельянов Б.В. Философемы Достоевского: три интерпретации (Л. Шестов, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
15. Шестов Л. На весах Иова (странствования по душам). – М.. Фолио, 2000.

References

1. Trubetskoy E.N. *Smysl zhizni*. [Meaning of life]. Moscow, 1994.
2. Frank S.L. *Smysl zhizni*. [Meaning of life]. Moscow, 1992.
3. Heidegger M. *Wozu Dichter?* Moscow, 1950.
4. Zhid A. *Dostoevskiy, esse*. [Dostoevsky: an essay]. Tomsk, 1994.
5. Dostoevskiy F.M. *Poln. sobr. Soch.* [Full composition of writings]. v 30. Moscow, 1973.
6. Bonetskaya N. L. *Shestov i F. Nitsshe*. [L. Shestov and F. Nietzsche]. *Voprosy filosofii*, 2008.
7. Shestov L. *Dostoevskiy i Nitsshe. Filosofiya tragedii*. [Dostoevsky and Nietzsche. The philosophy of tragedy]. Moscow, 2001.
8. Shestov L. *Umozrenie i Apokalipsis. Religioznaya filosofiya VI. Solov'va*. [Speculation and the Apocalypse. Religious philosophy of VI. Solovyov]. Parizh, 1964.
9. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1963.
10. Kuvakin V.A. *Mysliteli Rossii: Izbrannye lektsii po istorii russkoy filosofii*. [Thinkers in Russia: Selected lectures on the history of Russian philosophy]. Moscow, 2005.
11. Gide, Andre. Dostoejvsky: Articles et causeries. Paris. 1923.
12. Lovtskiy G. *Filosof bibleyskogo Otkroveniya (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L'va Shestova)*. [The philosopher of the biblical Revelation: (To the 100th anniversary of the birth of Leo Shestov)]. Put'. 1966, 85.
13. Shestov L.I. *Preodolenie samoochevidnostey (K stoletiyu rozhdeniya F.M. Dostoevskogo)*. [Overcoming self-evidence: (By the centenary of the birth of FM Dostoevsky) (1921)]. Soch. 2. Moscow, 1993.
14. Blagova T.I. Emel'yanov B.V. *Filosofemy Dostoevskogo: tri interpretatsii (L. Shestov, N. Berdyaev, B. Vysheslavtsev)*. [Dostoevsky's philosophies: three interpretations (L. Shestov, N. Berdyaev, B. Vysheslavtsev)]. Ekaterinburg, 2003.
15. Shestov L. *Na vesakh Iova (stranstvovaniya po dusham)*. [On the scales of Job (wandering heart to soul)]. Moscow, 2000.

УДК 1:3+1:93+271.2

Логиновский С.С.

К вопросу о типологии мистицизма

В статье рассматривается проблема типологии мистицизма. На примере работы советского философа-марксиста В.С. Поликарпова «Наука и мистицизм в XX веке» показано, что приписывание всем мистическим доктринам пантеистической онтологии не обосновано. Доказывается, что пантеистическим является лишь один из типов мистицизма. Помимо него существует другой тип – теистический. Эти типы отличаются как онтологией, так и следующей из нее антропологией. В.С. Поликарпов подметил много верных моментов, значимых для создания типологии мистицизма. И, прежде всего, это связь мистицизма с определенной религией, формирующей религиозный опыт мистика в соответствии с принятой для данной религии онтологией и антропологией. Последовательное рассмотрение мистических доктрин с этой точки зрения с использованием учений мистиков, репрезентативных для той или иной традиции, позволяет прийти к выводу о существовании двух основных типов мистических доктрин – теистического типа и пантеистического типа. Важнейшим различием, задающим деление мистических доктрин на теистические и пантеистические, является понимание соотношения мира (включая человека как его части) и Абсолюта. Отождествление (или не различение) их природ характерно для пантеистического типа мистики; их строгое и последовательное различение (не исключающее возможности непосредственного общения) есть отличительная черта теистического типа мистики.

Ключевые слова: религиоведение, религия, мистицизм, типология мистицизма, теизм, пантеизм, марксизм, В.С. Поликарпов.

Логиновский Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия

Loginovsky S.S.

To a question of mysticism typology

In report the mysticism typology problem is considered. On the example of work of the Soviet philosopher Marxist V. S. Polikarpov "Science and mysticism in the XX century" it is shown that attributing to all mystical doctrines of pantheistical ontology isn't proved. It is proved that pantheism is only one of types of mystical doctrines. Besides it there is other type – theism. These types differ both ontology, and the anthropology following from it. V.S. Polikarpov noticed many true moments that are significant for creating a typology of mysticism. And, above all, it is the connection of mysticism with a certain religion that shapes the religious experience of the mystic in accordance with the accepted for this religion ontology and anthropology. Consecutive consideration of mystical doctrines from this point of view using the teachings of mystics representative of a particular tradition allows one to come to the conclusion that there are two main types of mystical doctrines - theistic type and pantheistic type. The most important difference that sets the division of mystical doctrines into theistic and pantheistic is the understanding of the correlation of the world (including man as a part of it) and the Absolute. The identification (or non-discrimination) of their natures is characteristic of the pantheistic type of mysticism; their strict and consistent distinction (not excluding the possibility of direct communication) is a distinctive feature of the theistic type of mysticism.

Keywords: religious studies, religion, mysticism, mysticism typology, theism, pantheism, Marxism, V. S. Polikarpov.

Loginovsky S.S., Associate Professor of
the Department of Sociological and
Political Science, South Ural State Uni-
versity, PhD, Chelyabinsk, Russia

Loginovskiy S.S.

A la pregunta de la tipología del misticismo

En el artículo es examinado el problema de la tipología del misticismo. Sobre el ejemplo del trabajo del filósofo-marxista soviético del V. S. Polikarpova «La Ciencia y el misticismo en XX el siglo» es mostrado que la atribución a todas las doctrinas místicas de la ontología panteísta no es fundamentada. Es demostrado que panteisti-cheskim es sólo un de los tipos del misticismo. Además de él hay otro tipo – теистический. Estos tipos se distinguen por la ontología, así como la antropología, que sigue de ella. V.S. Polikarpov notó muchos momentos verdaderos que son significativos para crear una tipología de misticismo. Y, sobre todo, es la conexión del misticismo con una religión determinada la que da forma a la experiencia religiosa del místico de acuerdo con lo aceptado por esta religión, ontología y antropología. La consideración consecutiva de las doctrinas místicas desde este punto de vista utilizando las enseñanzas de los místicos representativos de una tradición particular permite llegar a la conclusión de que existen dos tipos principales de doctrinas místicas: tipo teísta y tipo panteísta. La diferencia más importante que establece la división de las doctrinas místicas en teístas y panteístas es la comprensión de la correlación del mundo (incluido el hombre como parte de él) y el Absoluto. La identificación (o no discriminación) de sus naturalezas es característica del tipo de misticismo panteísta; su distinción estricta y consistente (sin excluir la posibilidad de comunicación directa) es una característica distintiva del tipo de misticismo teísta.

Palabras-clave: La ciencia de las religiones, la religión, el misticismo, la tipología del misticismo, el deísmo, el panteísmo, el marxismo, el V.S. Polikarpov.

Loginovskij Serguei Sergueevich es Doctor en Filosofía, el Catedrático de la Cátedra de la Sociología y Politología de la Universidad Estatal de los Montes Urales del Sur, Chelyabinsk, Rusia

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В статье [10], посвященной работе В.С. Поликарпова «Наука и мистицизм в XX веке», был представлен общий анализ образа «мистицизма» у советского философа. Данная статья посвящена анализу представлений В.С. Поликарпова о типах мистицизма.

Как справедливо замечает С.С. Розова, «классификация – важнейший элемент любой человеческой деятельности, и в первую очередь научной» [15, с.3]. Классификация упорядочивает имеющиеся знания, позволяет увидеть как сходство, так и отличия существующих видов одного рода, причем увидеть эти отличия не как набор отдельных, не связанных между собой признаков, а комплексно. Это, в свою очередь, позволяет выявить закономерности изучаемых явлений, то есть понять их в их существе. Все сказанное справедливо и относительно мистицизма, выделение видов которого является одной из важных проблем в процессе изучения данного феномена.

В работе В.С. Поликарпова нет разделов, специально посвященных проблеме типологии мистицизма. Тем не менее, советский философ уделяет этой проблеме некоторое внимание. Так, на странице 27 он критически отзывается о традиционном делении мистических учений на восточные и западные. Советский философ считает, «что нельзя проводить абсолютной границы между западной и восточной традициями религиозного мышления» [13, с.27]. Со ссылкой на исследования японского ученого Х. Никамуры, В.С.

Поликарпов квалифицирует (причем не только применительно к проблеме мистицизма) типологию «Восток-Запад» как миф. Интуитивность и синтетичность способов мышления народов Востока и логичность и аналитичность способов мышления народов Запада – важнейшие составляющие этого мифа – по мнению исследователя не соответствуют реальному положению дел. Во-первых, и у народов Запада и у народов Востока присутствуют оба указанных способа мышления (хотя у того или иного конкретного мыслителя может преобладать тот или иной из указанных способов, что, впрочем, не обязательно связано с его принадлежностью к определенному региону и культуре). Применительно к мистикам это, по мнению советского философа, видно на примере концепций И. Экхарта и дзэн-буддизма, выявлению сходств между которыми он уделяет сравнительно много внимания. Во-вторых, Восток и Запад это не монолитные образования. Эти малосодержательные абстракции (особенно абстракция «Восток») включают множество культур, между которыми имеются важные различия. В.С. Поликарпов справедливо указывает, что даже в самом общем виде на Востоке можно выделить две «метатрадиции»: ближневосточно-средиземноморскую и индобуддийско-дальневосточную. Последняя распадается на индийскую и китайско-японскую (дальневосточную) традиции.

Рассуждения В.С. Поликарпова можно дополнить указани-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ем на тот факт, что до начала модернизации «Запада», превратившей его в качественно новый тип цивилизации, «Запад», строго говоря, тоже был «Востоком», то есть одним из множества вариантов традиционного общества со всеми особенностями, присущими данному типу общества. После же того, как цивилизационная идентичность Запада претерпела радикальные изменения, и он перестал быть традиционным обществом, понятие «Восток» стало по сути отрицательным (в логическом значении), обозначая все, что не есть Запад, без учета индивидуальной специфики различных вариантов не-Запада. Продолжая включать множество элементов (т.е. различных традиционных обществ), это понятие, как всякое отрицательное понятие, будучи неопределенным, могло указывать лишь на самые общие признаки, присущие всем традиционным обществам. Безусловно, в определенных контекстах и такая предельно общая типология как «Восток-Запад (современный, нетрадиционный)» имеет смысл, но применительно к проблеме типологии мистицизма (особенно мистицизма различных традиционных обществ, о котором в основном и пишут, говоря о мистицизме) она вряд ли применима. Поэтому критику советским философом типологии «Восток-Запад» применительно к изучению мистицизма следует признать логичной и актуальной, поскольку и в настоящее время она, несмотря на свою малосодержательность, продолжает использоваться.

Более продуктивной советскому философу видится типология мистицизма на основе выделения типологической принадлежности религии, с которой связана мистическая система. Ведь «мистицизм как особый тип мироощущения в зависимости от социальных и религиозно-конфессиональных условий может исходить из различных мировоззренческих основ» [13, с.23]. По мнению В.С. Поликарпова таких основ не бесконечное множество. При всем их индивидуальном многообразии, можно выделить три типа мистических доктрин: ортодоксальные теистические, еретические и нетеистические системы мистики. Рассмотрение каждого из указанных типов автор производит на примере того или иного мистического учения, относящегося к данному типу.

Рассмотрение ортодоксальных теистических систем В.С. Поликарпов, почему-то начинает с каббалы. При этом оказывается, что каббала «наложила неизгладимый отпечаток на христианский мистицизм» [там же]. По непонятной причине советский философ придерживается эзотерической версии о древнем, дохристианском происхождении каббалы, хотя уже достаточно давно доказано ее сравнительно позднее происхождение [см.: 17, с. 163–203]. Конечно, и до возникновения каббалы существовала еврейская мистика, но, во-первых, советский философ, судя по всему, о ней не знает (по крайней мере, не говорит), во-вторых, и ее «неизгладимое» влияние на христианскую мистику – более чем спор-

ное утверждение. Другое дело, что как еврейская, так и христианская мистика опирается на Ветхий Завет и уже поэтому между ними не может не обнаруживаться ряд сходных моментов, но из этого не следует, что еврейская мистика, тем более каббала, оказала влияние на христианскую мистику. Если уж и говорить о серьезных влияниях на христианскую мистику, то необходимо указать на неоплатонизм как одну из ведущих парадигм мистицизма.

Впрочем, для презентации типологии проблема приоритета не так уж важна: рассматривая примеры того или иного типа мистических доктрин, необходимо прежде всего показать отличительные особенности данного типа. По мнению В.С. Поликарпова, для первого типа (ортодоксального теистического) таковыми являются (со ссылкой на «философскую систему каббалы») указание на неизреченность Бога, запредельного миру, который (мир) есть «результат эманации "духовного абсолюта"» [13, с.24]. Подобную пантеистическую онтологию советский философ считает характерной и для христианских средневековых мистиков, в качестве представителей которых он называет почему-то лишь Майстера Экхарта. Далее, переходя к принципиально важным концептуальным обобщениям, В.С. Поликарпов пишет: «мистицизм истолковывает бога, мир и человека в пантеистическом смысле – бог есть "все во всем". Как утверждал в свое время православный богослов А. Вертеловский, "пантеистическое миросо-

зерцание является естественным следствием логического проведения мистицизма". Мистицизм стремится обосновать эманацию бесконечного "духовного абсолюта" в конечном» [там же] и, как считает В.С. Поликарпов, сделать это возможно лишь в рамках пантеистической онтологии.

В исламе, который автор также относит к первому типу мистических доктрин, советский философ в качестве примера мистицизма указывает на суфизм. Для него, по мнению В.С. Поликарпова, также характерен пантеизм, поскольку «в основе метафизики суфизма лежит учение о единстве бытия» [там же]. Хотя автор отмечает, что «суфизм признает иммунитет» [так в тексте; очевидно, имеется в виду «имманентность» – С.Л.], так и трансцендентность бога в одно и то же время» [там же, с.25], акцент он делает на имманентности Бога. Конечно, среди суфиев (как и среди христиан и иудеев, то есть среди представителей теистических систем) были пантеисты. Однако отражали ли они особенности исповедуемой ими религии или напротив, отклонялись от принятой в данных религиях онтологии? Это вопрос принципиальный для типологии мистицизма. Не случайно и сам В.С. Поликарпов выделяет еретический тип мистики, причем еретический по отношению именно к теистическим религиям.

Говоря об этом втором (еретическом) типе мистических доктрин, советский философ отмечает, что «исследования почти всех значительных

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

средневековых ересей Востока и Запада показывают их идейную общность: это самопознание, отрицание некоторых догм ортодоксальной религии, мотивы недовольства существующим общественным строем, "теория Боговоплощения", "переселения душ", мистика» [там же, с.26]. Приведенная цитата производит странное впечатление набором видообразующих признаков. В самом деле, из рассмотрения данного перечня признаков непонятно, чем второй тип мистики отличается от других. Теория Боговоплощения и переселение душ характерны не только для указанного типа, а отрицание некоторых догм ортодоксальной религии – слишком неопределенный признак, к тому же отрицательный (в логическом смысле), в то время как содержательное рассмотрение какого-либо типа предполагает указание положительных признаков, то есть признаков, присущих предмету, причем желательно только ему. Важная для В.С. Поликарпова (как марксиста) социальная составляющая (критика существующих феодальных порядков мистиками-еретиками) не имеет принципиального значения для типологии мистицизма. К тому же советский философ признает ограниченный характер этого критицизма, не отрицающего «реакционный характер» и такой мистики. При этом реакционность выражается не только в том, что мистик (любой, пусть и в разной степени) равнодушен к земной, в том числе социальной действительности, но и в том, что мистик равнодушен даже, казалось бы, к само-

му дорогому – к своей собственной личности, ведь он стремится отказаться и от нее, слившись с Божеством. Другими словами, пантеизм оказывается отличительным признаком и этого типа мистики. Остается непонятным, в чем различие первого и второго типа мистицизма именно как мистицизма вне социальных импликаций.

Описание третьего типа мистических доктрин – нетеистических, не проясняет ситуацию. В самом деле, оказывается, что и здесь имеет место стремление «к гармоническому слиянию человека с природой, к соединению человека с универсумом, что является конечной целью брахманизма, джайнизма, буддизма, индуизма и даосизма» [там же, с.27]. Рассматривая более подробно указанные религии, автор также делает акцент на их (а, стало быть, и связанных с ними мистических учениях) пантеистическом характере. Очевидно для того, чтобы подчеркнуть сходство с западными мистиками, В.С. Поликарпов использует при изложении доктрин восточных религий западную (неоплатоническую) терминологию, говоря, например, что дао есть «единое». При этом, как и западные теистические мистики, «адепты даосизма стремились познать "дао" для слияния с "духовным абсолютом"» [там же, с.28]. Сходным образом описываются индийские мистики, включая буддистов.

Таким образом, можно заключить, что, рассказывая о трех различных типах мистики, В.С. Поликарпов странным образом

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

акцентирует внимание (приводя цитату из С.С. Аверинцева) не на специфических отличиях этих типов, а на том общем, что есть у всех мистиков: «в целом можно сделать вывод, – пишет он, – что, несмотря на определенные различия, существующие между рассмотренными выше тремя типами мистических доктрин, у них имеются общие черты: "Все они тяготеют к иррационализму, интуитивизму, намеренной парадоксальности; они выражают себя не столько на языке понятий, сколько на языке символов, центральный из которых – смерть (как знак для опыта, разрушающего прежние структуры сознания). Представители мистики всех времен и народов... в совершенно одинаковых выражениях заявляют о полной невозможности передать смысл мистики иначе, чем в неадекватном намеке или через молчание"» [там же, с. 30–31].

Можно согласиться с тем, что указанные общие черты имеют место быть, но непонятно, почему при рассмотрении различных типов мистицизма акцент делается на этом общем, а не на отличительных чертах каждого описываемого типа мистических доктрин. Не будет преувеличением сказать, что советскому философу не удалось дать убедительную типологию мистицизма, хотя у него была такая возможность, поскольку он обратился к действительно важному аспекту мистических доктрин – онтологии и связанной с ней антропологии. Однако именно в этом вопросе он ограничился общими рассуждениями, безосновательно приписав всем

без исключения мистическим доктринам пантеистическую онтологию и следующую из этой онтологии антропологию, предполагающую стремление к слиянию с Абсолютом, растворению в нем, растворению, предполагающему исчезновение личности мистика.

Это тем более удивительно, что в некоторых своих рассуждениях относительно особенностей антропологии мистицизма теистического типа В.С. Поликарпов, так сказать, вплотную подходит к важнейшему для типологии мистицизма различию теизма и пантеизма. Так, на странице 25 он пишет, что «общение, соединение субъекта с объектом ("абсолютом") может быть понимаемо в мистицизме или как абсолютно бессознательная деятельность, или как совершенно исключительное состояние сознания человека» [там же, с.25]. Это «или-или» может быть рассмотрено как антропологическое измерение различия между теизмом и пантеизмом. Оно указывает на то, остается ли человек человеком (при всех возможных изменениях) в эсхатологической перспективе (то есть, принадлежит ли он вечности) или он растворяется в «океане» безличного Абсолюта как преходящий феномен определенной стадии развития универсума (который есть не более чем эманация Абсолюта либо вовсе иллюзия).

Но вместо исследования этого важного вопроса советский философ продолжает настаивать на том, что рассмотрение различных мистических систем показывает, что экстаз, как вер-

шина и цель всякого мистического восхождения к Абсолюту, «характеризуется потерей человеком своей индивидуальности, воли и пассивным подчинением "духовному абсолюту" в процессе "общения" с ним» [там же, с.26]. По мнению В.С. Поликарпова, цитирующего православного мыслителя XIX века А. Вертеловского, мистицизм неизбежно предполагает отрицание человеческой личности, сливающейся с Божеством. Представляется, что и А. Вертеловский, и В.С. Поликарпов необоснованно экстраполируют особенности некоторых мистических доктрин на все мистические учения. Как показывает изучение текстов мистиков, принадлежащих к теистическому типу, личная встреча и общение с Божеством вовсе не обязательно должна осмысляться в категориях пантеизма. Ведь и сам Поликарпов отмечает, что, например, суфизм одновременно признает и имманентность, и трансцендентность Бога [там же, с.25], но не пытается понять и разъяснить, как это возможно и в чем отличие такой онтологии от онтологии пантеизма. Рассмотрим этот важный вопрос на примере творчества представителей патристики, как репрезентативного образца теистической онтологии и антропологии.

На первый взгляд, у отцов Церкви встречаются высказывания, которые можно квалифицировать как пантеистические. «Бог во всем» пишет, например, преподобный Иоанн Дамаскин, и добавляет: «потому что Бог, как Содержащий природу, соединен со всем» [4, с.25]. С ним

согласен святитель Кирилл Александрийский: «Божество присутствует на всяком месте и во всякой стране, и хотя обитает Оно на небе, однако же, объемлет и всю землю и наполняет вселенную» [6, с.335]. Однако сами же отцы Церкви постоянно уточняют, что, говоря так, они никоим образом не отождествляют Творца и тварь, поскольку для них непреложно, что «создания поставлены в собственном своем чине, а Создатель, пребывающий с тварями, есть Бог» [12, с.297], который «все и во всем и все выше всего» [4, с.24]. Божество, продолжает свою мысль преподобный Иоанн Дамаскин, «чрез все проникает, ни с чем не смешиваясь, но чрез Него Самого ничто не проникает» [там же, с.27]. Не меняет ситуацию и Боговоплощение, поскольку и таким образом «пребывая в твари, Слово не приобщается ничему тварному, а напротив того, содержит все силою Своею» [1, с.247].

Одним словом, отцы Церкви последовательно различают природы Бога и всего остального (мира, включая человека и ангелов). Это не мешает им утверждать, что возможна личная встреча человека с Божеством, мистическое общение с Ним и даже уподобление Ему, обожение. При этом даже обожение не предполагает изменение природ Бога и твари: Бог остается Богом, а тварь – тварью, пусть и обоженой.

В случае с отцами Церкви теоретическим (богословским) объяснением возможности такого непосредственного общения с Богом является учение о

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

«силах» и «энергиях Божиих», наиболее подробно и всесторонне изложенное у святителя Григория Паламы, но наличествующее и у более ранних отцов. Например, преподобный Иоанн Дамаскин в третьей части своего «Источника знания» говорит, что Бог, «не смешиваясь ни с чем, проникает все и всему дает участвовать в своем действии (ἐνέρχεται), по достоинству и восприимлемости каждого» [4, с.24]. О том же пишет святитель Афанасий Александрийский (Великий), отмечая, что «хотя по сущности Он вне всего, однако же, силами своими присутств во всем, все благоустроая, на все и во всем простирая Свое промышление, оживотворяя и каждую тварь и все твари в совокупности, объемля целую вселенную, и не объемлясь ею» [1, с.212]. Именно в своих энергиях недоступный по своей сущности (природе) Бог доступен тварным существам, являясь, таким образом, одновременно и трансцендентным, и имманентным. Последнее (имманентность) делает возможным мистическую встречу Бога и человека, несмотря на всецелое различие их природ.

Подчеркивая важность этой проблемы, известный современный православный мыслитель епископ Каллист (Уэр) замечает, что существует немало мистиков, среди которых «неоплатоники, христиане, суфии и индуисты, – которые, как кажется, стирают различие между Творцом и творением, выражая наше единство с Богом в терминах, поглощающих, или даже уничтожающих творение в

бездне Божественного и вносящих путаницу между тем и другим. Вот почему, говоря об отношении человека к Богу, особенно необходимо [для христианского, в частности православного мистика – С.Л.] подчеркнуть как его имманентность, так и трансцендентность, как реальность непосредственного общения человека с Богом, так и сохраняющееся различие между творением и Творцом» [5, с.201].

Таким образом, на примере представителей патристики мы видим, что ортодоксальный теистический тип мистицизма предполагает осознанное отрицание пантеистической онтологии и антропологии. Это позволяет сделать вывод, что по такому важнейшему признаку, как «тип онтологии и вытекающей из нее антропологии» все мистические доктрины можно разделить на два вида – на теистические и пантеистические.

Интересно отметить, что имплицитно это деление содержится и в рассуждениях В.С. Поликарпова. В самом деле, если абстрагироваться от его спорного утверждения о характерной для любой мистики пантеистической онтологии и антропологии и проанализировать хотя бы лишь названия выделяемых им типов («теистические» и «нетеистические») мистические доктрины, то станет очевидно, что здесь советский философ говорит о том же, о чем говорим мы, лишь скрывая второй тип (пантеизм) за отрицательным (в логическом значении) именем второго члена дихотомии. Поскольку же объем этого отрицательного члена дихотомического

деления состоит из одного понятия, можно просто присвоить ему другое имя, указав в нем уже присущие ему признаки, то есть назвать этот тип пантеистическим.

Что касается еще одного типа – еретического – то он оказывается лишним, поскольку, по сути, является видом второго (пантеистического) типа. В самом деле, отличительной чертой представителей этого квазитипа в плане онтологии и антропологии является более или менее ярко выраженное тяготение к пантеизму. Внутри двух основных типов можно и нужно выделять подтипы, но именно как подтипы, а не как однопорядковые виды. Также не следует путать с типами различного рода эклектические доктрины, совмещающие элементы различных типов. Поскольку эти элементы несовместимы, попытки их совмещения нередко принимают весьма замысловатый вид, затрудняющий анализ и квалификацию подобного рода доктрин. Введение в таких случаях каких-либо дополнительных типов (наподобие панэнтеизма) лишь запутывает проблему: химеру необходимо называть химерой, указывая происхождение элементов, из которых она состоит. А это возможно, только если есть ясное осознание особенностей двух основных типов в их «чистом» виде.

Почему же типология мистцизма В.С. Поликарпова оказалась столь несовершенной? Представляется, что причин этого несколько. Одна из них – неудачно выбранные (или сознательно подобранные?) примеры

мистиков, на основе доктрин которых реконструируются особенности того или иного типа. Прежде всего, это касается первого типа – ортодоксального теистического. Реконструкция его особенностей на основе каббалы и учения Майстера Экхарта не может не вызывать удивления.

Не отрицая наличия в каббале элементов собственно еврейской религиозной традиции [см.: 3], следует признать, что в своей онтологии она испытала сильное влияние гностицизма и неоплатонизма [2, с.139]. Как кратко сформулировал версию происхождения каббалы Г. Шолема Моше Идель, «ранняя каббала возникла "тогда и там" [то есть в Испании в XIII веке – С.Л.] потому, что "гностицизм" традиции соединились с неоплатоническими идеями» [3, с. 403], хотя и переосмысленными, но в своей онтологической специфике оставшиеся пантеистическими. Так, одна из ключевых (в плане онтологии) неоплатонических идей – «идея эманации приобретает в каббале форму учения об нисхождении из Бога как Абсолюта, бесконечной и вневременной субстанции (*эйн-соф*), десяти божественных сущностей – сфирот (букв. «исчисление»)» [2, с. 140]. В результате в каббале возникает схожая с неоплатонической триадой Единое-Ум-Душа иерархия бытия. Можно предположить, что создатели каббалы преследовали вполне благие и даже «ортодоксальные» цели (защита еврейской религиозной традиции). Как отмечает К.Ю. Бурмистров, при помощи тео-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

софского учения об эманации сфирот каббалисты XIII в. (за неразвитостью в еврейской религиозной традиции теологии) пытались опровергнуть учение представителя еврейского аристотелизма М. Маймонида, «многими воспринимавшееся как кощунство» [там же]. Однако «ответ каббалистов также был достаточно специфическим и содержал потенциальную опасность отклонения от строгого монотеизма в сторону дуализма и пантеизма. Поэтому каббала хотя и приобрела намного большее влияние и уважение в еврейской общине, чем философия, так и не получила всеобщего призвания и продолжала оставаться под скрытым подозрением» [там же].

Майстер Экхарт также не может быть признан удачным примером христианского мистика. Он, подобно каббалистам, испытал влияние неоплатонизма [см.: 14], которое, по мнению католической Церкви, выходило за рамки допустимого христианским преданием. Даже если допустить, что мистическое богословие М. Экхарта оставалось в границах христианского предания, оно все же должно быть признано нетипичным, как для католической мистики, так и для православной, сходство с которой (в частности, с учением Григория Паламы) усматривают некоторые авторы [14]. В последнем случае логичнее рассмотреть доктрину самого Григория Паламы. Если же необходимо представить пример католической мистики, то необходимо брать тех авторов, которых сама католическая

Церковь указывает в качестве репрезентативного примера своей мистики. В любом случае, ограничиваться при рассмотрении христианской мистики одним лишь Майстером Экхартом явно недостаточно.

Таким образом, и каббала, и Майстер Экхарт скорее должны быть отнесены ко второму (в классификации В.С. Поликарпова) типу – еретическому. Поскольку же этот тип, как установлено выше, не является типом того же порядка, что теизм и пантеизм, а есть подтип второго, указанные примеры (каббала, М. Экхарт) не могут быть признаны удачными примерами теистического типа. Так как сам автор называет данный тип ортодоксальным, ему и следовало бы брать в качестве примера авторов, ортодоксальность которых не вызывает стольких сомнений, благо таковых не так уж мало.

С суфизмом ситуация несколько сложнее. Как отмечает А.Д. Кныш, «гибкость ат-Тасаввуфа и "открытость" посторонним влияниям сделали его крайне неоднородным течением» [7, с.230]. Он считает, что допустимо говорить об «особой суфийской онтологии», которая «включала в себя элементы доисламской мысли, прежде всего классической античности и эллинизма (платоновский идеализм, пифагорейство и неоплатонизм), а также аристотелевскую концепцию мироздания» [9, с.194]. Поэтому вовсе не случайно, что «в ходе теософских рассуждений ряд суфийских мыслителей, например ан-Нури (ум. в 907 г.) и ал-Харраз

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

(ум. в 899 г.) приходят к утверждению, что конечным пунктом "пути к богу" является не только его "лицезрение" (мушахада), но и "уничтожение", "растворение", а затем "пребывание" в боге личности мистика (фана / бака). Будучи истолкованы как признание субстанционального соединения (иттихад, хулул) бога и человека, такие утверждения вызвали резкую критику суннитских богословов» [7, с.228].

Другими словами, среди суфиев несомненно были пантеисты. Однако это не означает, что все суфии были пантеистами. Да и те из них, кто, казалось бы, уже давно и прочно зачислен в разряд пантеистов, при более пристальном изучении нередко предстают в ином виде. Так, говоря о таком крупном представителе суфизма как Ибн Араби, А.Д. Кныш замечает, что «в научных работах последних лет намечилась попытка отказать от схематичного представления об Ибн ал-Араби как о "философе-пантеисте" *par excellence*, "пантеистическом монисте", "панэнтеисте" и т. п., а также от его образа, навязываемого поздней мусульманской традицией» [8, с.9] В частности в современной отечественной литературе с подобным стереотипом не согласен И.Р. Насыров, уделивший данной проблеме значительное место в своем исследовании мусульманского мистицизма [12, с. 449–462]. Он считает, что говорить о пантеизме можно лишь применительно к некоторым ученикам Ибн Араби, но не применительно к нему самому.

Все это обязывает исследователя подходить к суфизму, особенно к обобщенным высказываниям о нем, с осторожностью. В суфизме были как теистические, так и пантеистические интенции, по причине чего его трудно однозначно квалифицировать. В этом случае лучше говорить о конкретных авторах, хотя и у них могут совмещаться элементы несовместимых типов. В.С. Поликарпов этого не делает. Употребление им слова «суфизм», показывает, что для него это некое монолитное учение, для которого характерны пантеистические онтология и антропология. «Как и любая идеальная конструкция, такое видение суфизма неизбежно игнорирует безграничное разнообразие религиозных, поведенческих и интеллектуальных позиций, подпадающих под достаточно расплывчатую аналитическую категорию, которую мы именуем "суфизмом"» [9, с. 380].

Представляется, что в случае с суфизмом, как и в случае с каббалой, сложность для создателей типологии мистицизма заключается в том, что ортодоксальное мусульманское богословие (так же как иудейское) не имело догмата о Боговоплощении и не выдвигало в качестве цели существования человека обожения. Поэтому на первом плане оказывались рассуждения о трансцендентности Божества. Это затрудняло осмысление и оформление возникшего в рамках этих религий мистического опыта, по самой своей сути ориентированного на имманентность Бога. Ортодоксальные богословы чувствовали

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

опасность «скатывания» мистики в пантеизм и критиковали ее за это, но специфика собственной религии затрудняла выдвижение положительной программы для осмысления мистики, для описания мистического опыта имманентности Бога в рамках теистической онтологии. Впрочем, такие попытки (и не безуспешные) в том же исламе были, достаточно указать на такой богословский авторитет, как «Ал-Газали, отношение которого к суфизму было очень серьезным... Именно благодаря его усилиям суфизм был возведен в ранг "науки о мистической жизни". Легализация последнего сопровождалась соответствующим освобождением его от тех черт, которые свидетельствовали о "презрительном отношении к закону". Ал-Газали настаивал на соблюдении [суфиями – С.Л.] всех обрядов мусульманского культа и отрицал суфийский пантеизм» [16, с. 39].

Все же, несмотря на неудачу, следует признать, что В.С. Поликарпов подметил много верных моментов, значимых для создания типологии мистициз-

ма. И, прежде всего, это связь мистицизма с определенной религией, формирующей религиозный опыт мистика в соответствии с принятой для данной религии онтологией и антропологией. Последовательное рассмотрение мистических доктрин с этой точки зрения с использованием учений мистиков, репрезентативных для той или иной традиции, позволяет прийти к выводу о существовании двух основных типов мистических доктрин – теистического типа и пантеистического типа. Важнейшим различием, задающим деление мистических доктрин на теистические и пантеистические, является понимание соотношения мира (включая человека как его части) и Абсолюта. отождествление (или не различение) их природ характерно для пантеистического типа мистики; их строгое и последовательное различение (не исключающее возможности непосредственного общения) есть отличительная черта теистического типа мистики.

Библиографический список

1. Афанасий Великий, свт. Слово о воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти // Афанасий Великий, свт. Творения: в 4т. – М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – Т. 1. – С. 191–264.
2. Бурмистров К.Ю. Еврейская философия и каббала. История, проблемы, влияния. – М.: ИФРАН, 2013. – 266 с.
3. Идель, М. Каббала: новые перспективы. – М.: Мосты культуры, 2010. – 461 с.
4. Иоанн Дамаскин, преп. Точное изложение православной веры. – М., 1992. – 164 с.
5. Каллист (Уэр), еп. Паламитские споры // Альфа и Омега. – 2002. – № 4. – С. 190–212.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

6. Кирилл Александрийский, свт. Глафиры, или искусные объяснения избранных мест из Пятикнижия Моисея // Кирилл Александрийский, свт. Творения. Книга 2. – М.: Паломник, 2001. – С. 5–427.
7. Кныш А.Д. Ат-Тасаввуф // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 225–231.
8. Кныш А.Д. Введение. Ибн ал-Араби. Мекканские откровения. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. – С. 7–32.
9. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. – СПб.: Диля, 2004. – 464 с.
10. Логиновский С.С. Образ «мистицизма» в позднесоветском философском дискурсе (на примере книги В.С. Поликарпова «Наука и мистицизм в XX веке») // Генезис. – № 1. – 2015. – С. 61–69.
11. Макарий Египетский, преп. Творения. – М.: Паломник, 2002. – 640 с.
12. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма. Генезис и эволюция. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 552 с.
13. Поликарпов, В.С. Наука и мистицизм в XX веке. – М.: Мысль, 1990. – 219 с.
14. Реутин М.Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта. Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего средневековья. – М.: РГГУ, 2011. – 462 с.
15. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.
16. Степаняц М.Т. Суфизм: мистическое мировосприятие // Степаняц М.Т. Мир Востока: Философия: Прошлое, настоящее, будущее. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 35–90.
17. Шолем Г. Основные течения еврейской мистики. – М.: Мосты культуры, 2004. – 510 с.

References

1. Afanasiy Velikiy, svt. *Slovo o voploshchenii Boga Slova i o prishestvii Ego k nam vo ploti*. [The Word of the Incarnation of the God of the Word and His Coming to Us in the Flesh]. Moscow, 1994. 1. P. 191–264.
2. Burmistrov K.Yu. *Evreyskaya filosofiya i kabbala. Istoriya, problemy, vliyaniya*. [Jewish philosophy and Kabbalah. History, problems, influences]. Moscow, 2013. 266 p.
3. Idel' M. *Kabbala: novye perspektivy*. [Каббала: новые перспективы]. Moscow, 2010. 461 p.
4. Ioann Damaskin, prep. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very*. [Exact statement of the Orthodox faith]. Moscow, 1992. 164 p.
5. Kallist (Uer), ep. *Palamitskie spory*. [Palamitic disputes]. *Al'fa i Omega*. 2002. 4. P. 190–212.
6. Kirill Aleksandriyskiy, svt. *Glafiry, ili iskusnye ob'yasneniya izbrannykh mest iz Pyatknizhiya Moiseya*. [Glaphira, or clever explanations of selected places from the Pentateuch of Moses]. Moscow, 2001. P. 5–427.
7. Knysh A.D. *At-Tasavvuf. Islam: Entsiklopedicheskiy slovar'*. [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1991. P. 225–231.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

8. Knysh A.D. *Vvedenie. Ibn al-Arabi. Mekkanskije otkroveniia*. [Introduction. Ibn al-Arabi. Meccan revelations]. St. Petersburg, 1995. P. 7–32.
9. Knysh A.D. *Musul'manskiy mistitsizm, kratkaya istoriya*. [Muslim mysticism: a brief history]. St. Petersburg, 2004. 464 p.
10. Loginovskiy S.S. *Obraz «mistitsizma» v pozdnesovetskom filosofskom diskurse*. [The image of "mysticism" in the late Soviet philosophical discourse]. *Genezis*. 1. 2015. P. 61–69.
11. Makariy Egipetskiy, prep. *Tvoreniia*. [Creations]. Moscow, 2002. 640 s.
12. Nasyrov I.R. *Osnovaniia islamskogo mistitsizma. Genezis i evolyutsiya*. [Foundations of Islamic mysticism. Genesis and Evolution]. Moscow, 2009. 552 p.
13. Polikarpov V.S. *Nauka i mistitsizm*. [Science and mysticism in the twentieth century]. Moscow, 1990. 219 p.
14. Reutin M.Yu. *Misticheskoe bogoslovie Maystera Ekkharta. Traditsiya platonovskogo «Parmenida» v epokhu pozdnego srednevekov'ya*. [The mystical theology of Meister Eckhart. The tradition of Platonic "Parmenides" in the era of the late Middle Ages]. Moscow, 2011. 462 p.
15. Rozova S.S. *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoy nauke*. [Classification problem in modern science]. Novosibirsk, 1986. 224 p.
16. Stepanyants M.T. *Sufizm, misticheskoe mirovospriyatie*. [Sufism: a mystical world view]. Moscow, 2005. P. 35–90.
17. Sholem G. *Osnovnye techeniya evreyskoy mistiki*. [The main currents of Jewish mysticism]. Moscow, 2004. 510 p.

УДК 327.8

Трегубов Н.А.

Теория власти как инструмент анализа культурных и информационных аспектов внешней политики

В докладе рассматриваются возможности использования эвристического потенциала политической науки для изучения культурных и информационных аспектов внешней политики. Автор использует основные положения теории власти для упорядочения и интерпретации научных представлений о феноменах мягкой силы, публичной дипломатии и культурной дипломатии. Публичная (культурная) дипломатия интерпретируется как форма осуществления мягкой силы. Анализируются научные представления о субъектах и объектах публичной дипломатии. Цели публичной дипломатии подразделяются на общие (изменение ценностей) и специфические (смена политики), а также на цели, связанные с подчинением, и цели, связанные с достижением результатов. Сравнение целей публичной дипломатии с интересами объекта воздействия базируется на сопоставлении «конфликтной» и «консенсусной» интерпретаций власти. Помимо этого в статье анализируются содержательные и инструментальные ресурсы публичной дипломатии, формы и параметры ее осуществления. Результаты публичной дипломатии сопоставляются с ее целями. В заключительной части работы рассматриваются основные компоненты контекста публичной дипломатии: а) жесткая сила страны и деятельность по ее осуществлению; б) существенные характеристики второй стороны взаимодействия; в) формальные и неформальные нормы международных отношений.

Ключевые слова: внешняя политика, власть, мягкая сила, публичная дипломатия, культурная дипломатия

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10213)

Трегубов Никита Александрович,
канд. политических наук, доцент
Южно-Уральского государственного
университета, Челябинск,
Россия, tregubovna@susu.ru

Tregubov N.A.

Theory of power as a tool for analyzing cultural and information aspects of foreign policy

The paper considers the possibility of usage the tools of political science to study of the soft ways of implementing foreign policy. The author uses the concepts of the theory of power to order and to interpret the scientific ideas about the phenomena of soft power, public diplomacy and cultural diplomacy. Public (cultural) diplomacy is interpreted as the form of leveraging of soft power. The author analyzes scientific concepts about subjects and objects of public diplomacy. The purposes of public diplomacy are divided into general (change of values) and specific (change of policy), as well as into the purposes connected with the subordination, and objectives related to the achievement of results. The comparison of public diplomacy purposes with the interests of the recipient is based on the comparison of «conflict» and «consensus» interpretation of power. In addition, the author analyzes the substantial and instrumental resources of public diplomacy, the forms and parameters of its implementation. The results of public diplomacy are correlated with its purposes. The final part of the article observes the main components of the context of public diplomacy: a) the hard power of the country and the work for its use; b) the significant characteristics of the second side of the interaction; c) the formal and informal norms of international relations.

Keywords: foreign policy, power, soft power, public diplomacy, cultural diplomacy

The study was performed by a grant from the Russian Science Foundation (project №16-18-10213)

Tregubov Nikita Aleksandrovich, Cand. Sc. (Pol. Sci.), Assistant Professor, South Ural State University, Chelyabinsk. Russia, tregubovna@susu.ru

Tregubov N.A.

Teoría del poder como instrumento del análisis de los aspectos culturales e informativos de la política externa

El informe examina las posibilidades de utilizar el potencial heurístico de la ciencia política para estudiar los aspectos culturales y de información de la política exterior. El autor utiliza las principales disposiciones de la teoría del poder para simplificar e interpretar los conceptos científicos sobre los fenómenos del poder blando, la diplomacia pública y la diplomacia cultural. La diplomacia pública (cultural) se interpreta como una forma de ejercer el poder blando. Se analizan ideas científicas sobre temas y objetos de la diplomacia pública. Los objetivos de la diplomacia pública se dividen en general (cambio de valores) y específico (cambio de política), así como los objetivos relacionados con la subordinación y los objetivos relacionados con el logro de resultados. La comparación de los objetivos de la diplomacia pública con los intereses del objeto de impacto se basa en una comparación de las interpretaciones de "conflicto" y "consenso" de las autoridades. Además, el artículo analiza el contenido y las herramientas de la diplomacia pública, las formas y los parámetros de su implementación. Los resultados de la diplomacia pública se comparan con sus objetivos. En la parte final del documento, se consideran los principales componentes del contexto de la diplomacia pública: a) el poder duro del país y las actividades para implementarlo; b) las características esenciales del segundo lado de la interacción; c) normas for-

Palabras-clave: política exterior, poder, poder blando, diplomacia pública, diplomacia cultural

El estudio fue apoyado por una beca de la Fundación de Ciencia Rusa (proyecto No. 16-18-10213)

Tregubov Nikita Aleksandrovich,
Cand. Ciencias Políticas, Profesor Asociado de la Universidad Estatal del Sur de los Urales, Chelyabinsk, Rusia, tregubovna@susu.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В современной научной литературе по теме международных отношений культурно-информационная активность в сфере внешней политики пользуется неизменным вниманием. В качестве теоретической основы анализа такой активности, как правило, используется опыт осмысления понятий «мягкая сила» [Nye 2004; Parmar, Cox 2010; Андреев 2016 и др.], «публичная дипломатия» [Snow, Taylor 2009; Auer, Srugies 2013; Цветкова 2015 и др.] и «культурная дипломатия» [Gienow-Hecht, Donfried 2010; David-Fox 2014; Нагорная 2015 и др.]. Вместе с тем, содержательные трактовки названных понятий часто страдают отсутствием необходимой ясности и логической согласованности [Fan 2008; Baldwin 2016; Nisbett 2016 и др.]. Это актуализирует проблему поиска теоретических оснований, позволяющих сформировать комплексные научные представления о культурно-информационной составляющей внешней политики государства*.

В настоящей работе принята попытка создания модели анализа мягких форм внешнеполитического воздействия с использованием теоретического арсенала политической науки. В самом общем виде такое воздействие может быть рассмотрено как одна из форм осуществления власти [Nye 2004,

Nisbett 2016]. В соответствии с этим, исходным политологическим концептом, с помощью которого уместно проанализировать интересующий нас феномен, является понятие власти. Идея работы состоит в том, чтобы использовать теорию власти как своеобразный научный каркас для систематизации довольно разрозненных знаний о специфике культурно-информационной активности государств в сфере международных отношений.

Начало современных научных дискуссий о природе и сущности власти принято датировать серединой XX века. Основные направления научного анализа власти подробно описаны в работах Х.Лассуэлла и А.Кэплэна [Lasswell, Kaplan 1950], П. Бэкрэка и М. Бэрэтца [Bachrach, Baratz 1970], С. Льюкса [Lukes 1974], Д. Ронга [Wrong 1988], В. Ледяева [Ledyaev 1998] и ряда других авторов. Опыт использования понятия «власть» в теории международных отношений проанализирован в исследованиях Д. Болдуина [Baldwin 2012; Baldwin 2016].

В свете рассматриваемой темы наибольший интерес представляют следующие теоретические вопросы, связанные с изучением власти:

1) какова сущность власти: является ли власть способностью, потенциалом субъекта

* В настоящей статье понятия «мягкая сила», «публичная дипломатия» и «культурная дипломатия» рассматриваются применительно к анализу внешнеполитического курса государства. Вместе с тем, не стоит забывать, что культурно-информационные способы воздействия на контрагентов в системе международных отношений могут использоваться не только государствами, но и негосударственными наднациональными акторами [см., напр.: Лебедева 2014]

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

(атрибутивные теории власти) или она представляет собой актуальное субъект-объектное взаимодействие (реляционные теории власти);

2) кого следует считать главными участниками властных отношений – субъектами и объектами власти, как соотносятся друг с другом индивидуальные и коллективные формы власти;

3) является ли цель (намерение) субъекта обязательным компонентом власти, следует ли относить к власти случайное, ненамеренное воздействие субъекта на объект;

4) какова непосредственная цель властного воздействия; следует ли трактовать власть как «власть над кем-либо» (непосредственная цель – подчинение объекта) или же ее необходимо рассматривать как «власть сделать что-либо» (непосредственная цель – получение желаемого результата, решение насущной проблемы);

5) как соотносятся друг с другом цели субъекта и интересы объекта власти; направлена ли власть всегда исключительно против интересов объекта («конфликтные» теории власти) или же она может/должна согласовываться с интересами объекта («консенсусные» трактовки власти);

6) какую роль в осуществлении власти играют ресурсы,

непосредственно контролируемые субъектом (внутренние качества субъекта – знания, умения, навыки; находящиеся в распоряжении субъекта средства воздействия на объект – оружие, деньги и т.п.), а также внешние «правила игры», в рамках которых выстраивается властное взаимодействие; как соотносятся уровень власти субъекта над объектом с характером распределения ресурсов между ними;

7) каковы основные формы подчинения объекта властному воздействию субъекта; чем отличаются друг от друга первое, второе и третье «лица» власти (власть обязывающего решения; власть контроля над повесткой; власть как следствие изменения субъектом целей, интересов, желаний объекта)*.

Названные линии теоретического анализа власти позволяют упорядочить и содержательно интерпретировать существующие в современной науке представления о культурно-информационных компонентах внешней политики государства.

Базовые понятия. Из упомянутых выше понятий, употребляемых в связи с изучением культурно-информационной активности государств в сфере внешней политики, наиболее широким по содержанию принято считать понятие «мягкая сила» (soft power)*. Оно было вве-

* В ряде работ [Digester 1992] в качестве четвертого «лица» власти упоминается «дисциплинарная власть» М. Фуко – подчинение людей с помощью дисциплинарного воздействия, присущего психиатрии, медицине, криминологии и социальным наукам. Вместе с тем, если по источнику воздействия и сфере подчинения объекта «дисциплинарная власть» М. Фуко существенно отличается от классических форм власти, то по характеру подчинения она во многом может быть сведена к третьему «лицу» власти, описанному в работах С. Льюкса.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

дено в научный оборот американским исследователем Дж. Наем [Nye 1990]. В современной научной литературе существует множество трактовок термина «мягкая сила». В ряде случаев мягкая сила рассматривается как *отношение между двумя внешнеполитическими акторами*, один из которых оказывает влияние на другого с использованием культурно-информационных средств воздействия [Русакова 2010; Песцов, Бобыло 2014]. Вместе с тем, базовой принято считать трактовку мягкой силы как *способности одной страны формировать предпочтения другой через установление повестки и привлечение, а не посредством материального стимулирования (подкупа) и принуждения* [Nye 2004; McClory 2010; Nisbett 2016 и др.].

Рассмотрение мягкой силы в качестве способности позволяет содержательно сопоставить данное понятие с комплементарными «дипломатическими» терминами. Традиционно под дипломатией принято понимать деятельность по осуществлению внешней политики государства [Попов 2000; Berridge 2015 и др.]. Исходя из этого, публичная и культурная дипломатия, как правило, интерпретируются как формы внешнеполитической деятельности, посредством которых осуществляется продвижение основных компонентов мягкой силы [Nye 2008; Hayden 2012].

Таким образом, если мягкую силу имеет смысл связывать со способностью страны оказывать культурно-информационное воздействие на других участников международной политики (атрибутивные представления о власти), публичную и культурную дипломатию следует рассматривать как формы использования мягкой силы (реляционные представления о власти).

Отдельная проблема связана с соотношением между собой содержания понятий «публичная дипломатия» и «культурная дипломатия». В настоящее время в научной литературе сформированы два основных подхода к решению данной проблемы. Сторонники первого подхода настаивают на том, что публичную дипломатию – внешнеполитическую деятельность в сфере распространения информации – необходимо строго отделять от культурной дипломатии – международных программ в области культуры и образования [см., напр.: Aguilar 1996]. Сущность второго подхода состоит в отождествлении соответствующих понятий в связи с тем, что и тот, и другой вид дипломатии направлен на формирование общественного мнения за рубежом [Cull 2009; Голубев, Нежежин 2016 и др.]. Очевидно, что выбор широкой или узкой трактовки публичной и культурной дипломатии должен зависеть от цели и задач конкретного исследования*. В настоящей работе названные

* Следует помнить, что в англоязычных работах по международной проблематике между понятиями «власть» и «сила», как правило, не делается содержательных различий. Оба понятия обозначаются словом «power».

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

термины будут пониматься в их широком значении и рассматриваться как синонимы. При этом приоритет в употреблении будет отдаваться понятию «публичная дипломатия», более распространенному в современной научной литературе по теории и практике международной политики.

Наконец, еще одна терминологическая проблема связана с содержательным разграничением мягких и жестких форм внешнеполитической активности. В работах Дж. Ная жесткая сила страны (*hard power*) понимается как способность достигать желаемых внешнеполитических целей с использованием материального воздействия (подкупа) или принуждения [Nye 1990; Nye 2004 и др.]. В соответствии с этим, в качестве форм осуществления жесткой силы имеет смысл рассматривать традиционную (военно-политическую) дипломатию, а также так называемую экономическую дипломатию [Иванов 2001; Caron de la Carrière 1998]. Проблема соотношения мягкого и жесткого аспектов осуществления внешней политики будет рассмотрена ниже.

Субъекты. К числу ключевых субъектов культурно-информационной активности в сфере внешней политики относятся органы государственной власти, участвующие в осуществлении

внешнеполитического курса [Nye 2008], а также действующие под их патронатом общественные (квазиобщественные) организации [David-Fox 2012; Голубев, Невежин 2016]. Вместе с тем, также упоминается о том, что негосударственные акторы, ассоциирующиеся с конкретной страной (коммерческие фирмы, некоммерческие организации, публичные неpolitические фигуры и т.п.), обладают собственными ресурсами мягкого внешнеполитического воздействия [Nye 2004; Nye 2010; Zahran, Ramos 2010]. При этом если в одних случаях международная культурно-информационная активность вне рамок государственного контроля рассматривается как составная часть публичной дипломатии страны [Auer, Strugis 2013], в других случаях для описания такой активности используются специальные термины, такие как «народная (гражданская) дипломатия» [Mueller 2009], «культурный трансфер» [Conze 2003] и др.

Содержательную интерпретацию научных представлений о субъектах внешнеполитической активности в сфере культуры и информации уместно произвести исходя их положения, согласно которому обязательным компонентом власти является намерение (цель) субъекта по оказанию воздействия на объект [Wrong 1988; Ledyayev 1998]. В

Возможен также вариант, при котором публичная дипломатия будет определяться в широком значении, а культурная дипломатия – в узком. В этом случае культурная дипломатия будет рассматриваться как часть публичной дипломатии, связанная с реализацией долговременных внешнеполитических программ в области культуры и образования [Leonard, Stead, Smewing 2002].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

соответствии с этим, к числу субъектов публичной дипломатии следует относить только акторов, имеющих политические цели воздействия на зарубежную аудиторию. Очевидно, что подобные цели характерны, прежде всего, для структур государственной власти. Вместе с тем, очевидно, что негосударственные акторы также играют важную роль в осуществлении публично-дипломатической активности государства. В этой связи при изучении соответствующих процессов имеет смысл фиксировать различие между носителями мягкой силы, с одной стороны, и субъектами публичной дипломатии, с другой. К числу носителей мягкой силы следует относить негосударственных акторов, способных оказать культурно-информационное воздействие на зарубежную аудиторию, но, как правило, не имеющих собственных политических целей такого воздействия. Субъектами же публичной дипломатии должны быть признаны те государственные или действующие под патронатом государства структуры, которые используют информацию о носителях мягкой силы для реализации политических целей властного воздействия*.

Объекты. К числу ключевых объектов культурно-информационной активности в сфере внешней политики принято относить массовые слои населения (общество, публику) других стран. Считается, что общественное мнение создает необходимое давление (благоприятный или неблагоприятный фон) для деятельности политической элиты иностранного государства в желаемом для субъекта публичной дипломатии направлении**. При этом подчеркивается, что в рамках социума обязательно необходимо выделять целевые группы, более восприимчивые к ресурсам мягкой силы субъекта [Nye 2004]. Второй тип объектов публичной дипломатии, упоминаемый в научной литературе – это политическая элита (в ряде случаев – потенциальная политическая элита) других стран [Nye 2004; Nye 2010; Песцов, Бобыло 2014]. Наконец, к третьему типу таких объектов следует отнести представителей зарубежной неполитической элиты – предпринимателей, деятелей науки, культуры, спорта и т.д. Об осознании субъектами публичной дипломатии важности работы с «лидерами мнений» за рубежом говорят, в частности, целе-

* Ненамеренное воздействие носителей мягкой силы на зарубежную аудиторию, осуществляемое вне рамок контроля заинтересованных субъектов, безусловно, заслуживает специального рассмотрения. Вместе с тем, на наш взгляд, в случаях, когда речь идет об изучении внешней политики государства, во главу угла должна быть поставлена именно деятельность субъектов публичной дипломатии (в лице государства и подконтрольных ему организаций) по достижению определенных целей.

** Вопрос о том, способно ли общественное мнение оказать значимое влияние на внешнеполитическую деятельность политических элит страны, является предметом научных дискуссий [см., напр.: Layne 2010; Nye 2010].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

направленные усилия ряда стран в области образовательных обменов [см., напр.: Цветкова 2015].

Цели. Цели внешнеполитического воздействия в сфере культуры и информации, как правило, делятся на общие (непосредственные) и специфические. В качестве общих целей публичной дипломатии рассматривается изменение ценностей объекта, например, изменение уровня восприимчивости к идеям демократии, прав человека и свободного рынка. При этом важным этапом на пути к изменению ценностей объекта считается формирование выгодной для субъекта публичной дипломатии информационной повестки. Специфическими (вторичными) целями публичной дипломатии считается изменение внутренней и внешней политики страны-контрагента, например, получение поддержки той или иной страны при голосовании в ООН [Nye 2004; Nye 2010; Lock 2010].

Очевидно, что названные цели мягкого внешнеполитического воздействия могут быть истолкованы как цели подчинения объекта, осуществления власти над ним. В этом случае целями, связанными с получением желаемого результата, следует признать самые общие внешнеполитические устремления государства, зафиксированные в классических теориях международных отношений – ориентацию на обеспечение национальной безопасности и экономического процветания страны [Morgenthau 1961; Waltz 1979; Wallerstein 2004 и др.], стремле-

ние к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству между странами, сокращению числа международных военных конфликтов [Kaplan 1994; Roffeld 1999 и др.]. При этом следует помнить, что не всегда изменение поведения объекта публичной дипломатии в желаемом для субъекта направлении, т.е. реализация власти над объектом, способствует достижению результата, который субъект хотел бы получить в итоге, т.е. осуществлению «власти сделать что-либо» [Nye 2004; Nye 2010].

Следующим важным аспектом анализа целей культурно-информационной политики за рубежом является соотнесение их с интересами объекта воздействия. В научной литературе этот аспект, как правило, анализируется в рамках «конфликтного» и «консенсусного» подходов к пониманию целей публичной дипломатии. «Конфликтный», прагматический подход получил свое развитие в концепциях культурного империализма [Carnoy 1974; Цветкова 2007a], американизации [Sywottek 1993; Schmidt 2004 и др.], культурной гегемонии [Gramsci 1971; Zahran, Ramos 2010], идеологического экспансионизма [Layne 2010], а также в ряде классических определений культурной дипломатии [см., напр.: Barghoorn 1960]. Акцентирование «консенсусной» составляющей мягкого внешнеполитического воздействия характерно для теории культурного трансфера [Conze 2003], а также для большинства современных подходов к определению публичной и культурной дипломатии [Bound et al. 2007; Au-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

er, Strugis 2013]. Самым очевидным способом интеграции представленных выше конкурирующих способов понимания целей публичной дипломатии следует признать подход, согласно которому цели культурно-информационной активности за рубежом могут носить как дружественный, так и недружественный по отношению к интересам объекта характер [Leonard, Stead, Smewing 2002; Nye 2010]. Помимо прочего этот подход обеспечивает возможность корректного соотнесения «конфликтных» и «консенсусных» составляющих мягкого внешне-политического воздействия в рамках конкретных эмпирических исследований.

Ресурсы. Классификация внутренних (непосредственно контролируемых субъектом) ресурсов публичной дипломатии может быть произведена на основе существующих в теории власти представлений об «информационной» [Lukes 1974] и «технической» [Wrong 1988] составляющих ресурсного потенциала субъектов. В этой связи все ресурсы культурно-информационного воздействия на зарубежную аудиторию могут быть разделены на содержательные и инструментальные.

В числе ключевых содержательных ресурсов публичной дипломатии, как правило, упо-

минаются потенциально привлекательные для страны жизненные (культурные) и общественно-политические (идеологические) ценности [Nye 2004; Van Ham 2006; Fan 2008; Hayden 2012 и др.]*. Кроме того, в научной литературе упоминается о том, что содержательные (ценностные) ресурсы публичной дипломатии транслируются целевым аудиториям с помощью сообщений (месседжей) и образов [Nye 2004; Zaharna 2009]. В этой связи теоретическую значимость приобретает проблема логического увязывания друг с другом понятий «ценности субъекта» (как ресурс воздействия), «сообщение», «образ страны» и «ценности целевой аудитории». К сожалению, в работах, посвященных культурно-информационной активности в сфере международной политики, данной проблеме не уделяется должного внимания. Возможно, чтобы её решения следует искать с использованием положений современных теорий социальной и политической коммуникации [Тимофеева 2016].

В ряде случаев в научной литературе упоминается о том, что ресурсы жесткой силы (военные и экономические) также могут увеличивать мягкую силу страны через формирование мифов о непобедимости и экономическом превосходстве

* Помимо культуры (как совокупности жизненных ценностей) и политических ценностей Дж. Най относит к ресурсам мягкой силы страны внешнюю политику государства. Вместе с тем, представляется, что политическую активность государства (а точнее, интерпретацию этой активности в ориентированных на иностранную аудиторию культурных и информационных «продуктах») следует связывать не с ресурсной, а с процессуальной составляющей мягкой силы государства (см. ниже, пункт «Властное воздействие»).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

[Nye 2004]. Данное положение имеет смысл конкретизировать, указав на то, что ресурсы жесткой силы становятся ресурсами мягкой силы субъекта только тогда, когда информация о них используется в целях культурно-информационного воздействия на иностранную аудиторию (демонстрация военной мощи и экономических достижений страны в кинофильмах, сообщениях СМИ и т.д.).

К числу инструментальных ресурсов публичной дипломатии, как правило, относятся: (а) средства «высокой» культуры – произведения искусства и литературы, возможности науки и системы образования; (б) средства популярной культуры – продукты индустрии массового развлечения (фильмы, популярная музыка и пр.), а также возможности по организации различных массовых мероприятий; (в) средства опосредованного информационного воздействия – газеты, журналы, радиостанции, телевизионные каналы, ресурсы сети Интернет.

Наконец, в числе специфических инструментальных ресурсов публичной дипломатии следует упомянуть технологические навыки субъекта – его способности эффективно организовывать процесс коммуникации с иностранной целевой аудиторией. В работах по соответствующей тематике рас-

сматриваются отдельные технологические аспекты мягкого внешнеполитического воздействия – методики формирования проблемного контента через подбор литературы для иностранных библиотек, важность привлечения внимания целевой аудитории и обеспечения (видимости) достоверности информации [Nye 2004], необходимость координации ресурсов и действий субъектов [Zahran, Ramos 2010]. Вместе с тем, очевидно, что для комплексного теоретического анализа данного аспекта ресурсного потенциала публичной дипломатии необходимы дополнительные научные изыскания.

Властное воздействие. В числе ключевых параметров процесса мягкого внешнеполитического воздействия обычно упоминаются формы (направления) осуществления соответствующей активности, а также интенсивность работы по каждому из направлений.

Формы публичной дипломатии, как правило, выделяются исходя из представления об инструментальных ресурсах, находящихся в распоряжении субъекта. В этой связи в литературе рассматриваются такие направления культурно-информационного воздействия на иностранную аудиторию, как (а) непосредственное воздействие – демонстрация произведений

* Очень часто в научной литературе ресурсы мягкого внешнеполитического воздействия отождествляются с формами такого воздействия – демонстрацией произведений массовой или элитарной культуры, образовательными обменами и т.д. Вместе с тем, представляется, что формы культурно-информационного воздействия на целевую аудиторию уместнее рассматривать в контексте изучения процесса осуществления публичной дипломатии (см. ниже п. «Властное воздействие»).

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

элитарной или массовой культуры, выставки хозяйственных и иных достижений, праздники и юбилейные мероприятия, образовательные, научные, культурные, туристические, спортивные обмены [Попов 2013; Орлов, Попов 2016; Нагорная 2017 и др.]; (б) опосредованное воздействие – размещение печатных материалов, теле и радиовещание, информационная активность в сети Интернет [Nye 2004; Цветкова 2015 и др.].

В свою очередь, в числе параметров интенсивного культурно-информационного воздействия на иностранную аудиторию, упоминаются (а) общие траты на реализацию целей публичной дипломатии; количество сотрудников ведомств, ответственных за реализацию таких целей; (б) число электронных СМИ, ведущих вещание на иностранных языках, степень охвата этими СМИ зарубежных целевых аудиторий, интенсивность информационного воздействия электронных СМИ; (в) данные о продажах культурных товаров за рубежом; (г) данные о числе зарубежных визитеров в рамках туристических программ и программ обмена [Nye 2004; Nisbett 2016; Орлов, Попов 2016]. При этом следует отметить, что интенсивность воздействия на зарубежную аудиторию не всегда сопоставляется в литературе с рассмотренными выше целями публичной дипломатии. В этой связи важным аспектом анализа процесса осуществления публичной дипломатии следует признать информацию о том, насколько интенсивно иностранной аудитории

транслировались те или иные культурные и идеологические ценности.

Результаты. В соответствии с уровнями целеполагания субъекта результаты использования мягкой силы чаще всего подразделяются на общие и специфические. К числу общих результатов относятся формирование выгодной субъекту информационной повестки, а также изменение ценностей объекта. Главным способом измерения общих результатов мягкого внешнеполитического воздействия считаются данные массовых опросов иностранной аудитории об уровне привлекательности страны, ее культуры, ценностей, брендов и политики [Nye 2004; Nye 2010; Nisbett 2016]. В числе дополнительных способов измерения таких результатов упоминается подсчет и оценка публикаций в иностранных СМИ, а также статистические данные о поведении иностранных граждан и фирм (число туристов, объем иностранных инвестиций и т.п.) [Харитоновна 2015]. К специфическим результатам публичной дипломатии относятся легко наблюдаемые действия других стран в интересах субъекта воздействия (например, предотвращение нападения, охрана границ, защита союзников и т.п.) [Layne 2010; Nye 2010]. При этом возможность установления каузальной связи между использованием мягкой силы и желательными для субъекта внешнеполитическими исходами вызывает у ряда исследователей серьезные сомнения [см., напр.: Fan 2008; Layne 2010; Nisbett 2016].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В целом, говоря о результатах использования мягкой силы, имеет смысл выделять такие стадии реализации субъектами публичной дипломатии власти над объектами, как изменение информационной повестки, изменение общественного мнения и изменение политики страны-контрагента.

Контекст. Исходя из анализа научной литературы в ситуационном окружении процесса мягкого внешнеполитического воздействия могут быть выделены несколько значимых компонентов: (а) жесткая сила субъекта, а также деятельность по ее осуществлению (военно-политическая и экономическая дипломатия); (б) значимые для реализации целей субъекта характеристики второй стороны взаимодействия – объекта публичной дипломатии; (в) формальные и неформальные институты – нормы взаимодействия субъекта и объекта.

Жесткая сила субъекта. Вопрос о характере взаимодействия мягких и жестких форм внешнеполитической активности относится в литературе к числу дискуссионных. В ряде работ [Nye 2004; Nye 2010 и др.] гегемония (командное поведение) и согласие (кооптирующее поведение) рассматриваются как взаимно дополняющие друг друга формы осуществления внешней политики. При этом утверждается, что количество мягкой силы не всегда напрямую зависит от количества жесткой силы субъекта. В свою очередь, критики данной позиции исходят из того, что положение стран в системе международных отноше-

ний всегда определяется преимущественно объемом располагаемых ресурсов жесткой силы, в то время как мягкая сила является лишь продуктом (проекцией) военного и экономического влияния государства [Zahran, Ramos 2010; Layne 2010]. Очевидно, что наличие противоречий в представлении об относительной ценности жесткой и мягкой силы субъекта (и, соответственно, публичной/культурной дипломатии, с одной стороны, и военной/экономической дипломатии, с другой) актуализирует необходимость тщательной эмпирической проверки роли данного контекстного фактора в осуществлении мягких форм внешнеполитического воздействия.

Значимые характеристики объекта. В работах по интересующей нас тематике можно встретить только самые общие суждения о необходимости «внимания к рынкам», знания того, «какие козыри находятся в руках у соперника», учета «культурных фильтров», воздействующих на то, как другие слышат послания субъекта [Nye 2004]. Вместе с тем, глубокого теоретического анализа проблемы учета второй стороны взаимодействия при анализе мягкой силы, публичной и культурной дипломатии в научной литературе практически не представлено. Очевидно, что необходимость такого учета требует внимания не только к «объектным» характеристикам второй стороны взаимодействия (значимым для реализации мягкой силы целям и ценностям объекта), но и к способности объекта оказывать обратное

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

воздействие на субъект с использованием собственных военно-политических, экономических и культурно-информационных инструментов.

Формальные и неформальные институты (нормы взаимодействия субъекта и объекта). Под структурными факторами публичной дипломатии в ряде случаев подразумеваются нормы, которые конституируют и регулируют понятие привлекательности. В этой связи в качестве структурной власти часто рассматривается власть международных организаций (очевидно, имеется в виду их власть устанавливать «правила международной игры», а также обеспечивать их исполнение) [Laune 2010; Лебедева 2014]. При этом некоторые международные правила и организации рассматриваются в литературе как ресурсы, помогающие реализации целей публичной дипломатии конкретных стран [Nye 2004]. Кроме того очевидно, что помимо многосторонней коммуникации культурно-информационные контакты между странами могут осуществляться и на двусторонней основе. В этой связи на данный аспект ситуационного окружения публичной дипломатии следует также обратить самое пристальное внимание.

Исходя из изложенной выше информации, целостное представление о культурно-информационных аспектах внешней

политики с использованием эвристического потенциала теории власти может быть сформировано на основе следующих взаимосвязанных компонентов: 1) понимания того, как соотносятся объем и содержание понятий «мягкая сила», «публичная дипломатия» и «культурная дипломатия»; 2) представления о том, кто является субъектом и объектом внешнеполитической активности в сфере культуры и информации; 3) знания об иерархии целей, типах ресурсов, а также об основных формах и параметрах интенсивности мягкого внешнеполитического воздействия; 4) понимания того, с использованием каких критериев следует оценивать результаты внешнеполитических усилий государства в области культуры и информации; 5) представления о ключевых компонентах ситуационного окружения, способных повлиять на процесс использования мягких способов осуществления внешней политики. В целом рассмотренные в настоящей работе ключевые положения теории власти следует признать эффективным эвристическим инструментом, позволяющим упорядочить разрозненные знания о культурно-информационных аспектах внешней политики, создать надежный теоретический фундамент для эмпирических изысканий по соответствующей проблематике.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Библиографический список

1. Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении. – *Полис. Политические исследования*. 2016. – № 5. – С. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10>.
2. Голубев А.В., Невежин В.А. *Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е–первая половина 1940-х гг.* – М.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив. 2016. – 238 с.
3. Иванов И.Д. *Хозяйственные интересы России и её экономическая дипломатия.* – М.: МГИМО, РОССПЭН. 2001. – 318 с.
4. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике. – *Полис. Политические исследования*. 2014. – № 1. – С. 99–108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.07>.
5. Нагорная О.С. «... когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989). – *Диалог со временем*. 2015. – № 53. – С. 269–278.
6. Нагорная О.С. «Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед...»: Советская мемориальная дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989). – *Диалог со временем*. 2017. – № 59. – С. 100–115.
7. Орлов И.Б., Попов А.Д. *Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991.* – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2016. – 351 с.
8. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в современной мировой политике: измерение неуловимой реальности. – *Политэкс*. 2014. – Т. 10. – № 1. – С. 79–93.
9. Попов А.Д. «Марафон гостеприимства»: Олимпиада-80 и попытка модернизации советского сервиса. – *Cahiers du monde russe*. 2013. Vol. 54. – № 1/2. – P. 265–295.
10. Попов В.И. *Современная дипломатия – теория и практика.* – М.: «Научная книга». 2000. – 573 с.
11. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» («soft power») в современной политической философии. – *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010. – № 10. – С. 173–192.
12. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции. – *Политическая наука*. 2016. – № 2. – С. 74–100.
13. Харитоновна Е.Н. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки. – *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. – № 6. – С. 48–58.
14. Цветкова Н. А. *Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы «холодной войны».* – СПб.: Издательство СПбГУ. 2007. – 200 с.
15. Цветкова Н.А. *Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.* Дисс.: докт. ист. наук. – СПб. 2015. – 552 с.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

16. Aguilar M. *Cultural Diplomacy and Foreign Policy: German-American Relations, 1955–1968*. New York: Peter Lang. 1996. 305 p.
17. Auer C., Srugies A. *Public Diplomacy in Germany. CPD Perspectives on Public Diplomacy*. Los Angeles, CA: Figueroa Press, 2013/5. 57 p.
18. Bachrach P., Baratz M.S. *Power and Poverty: Theory and Practice*. New York, London, Toronto: Oxford University Press. 1970. 220 p.
19. Baldwin D.A. Power and International Relations. – *Handbook of International Relations* (ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons), 2nd ed. London: Sage Publications. 2012. P. 273–297. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446247587.n11>.
20. Baldwin D.A. *Power and International Relations: A Conceptual Approach*. Princeton: Princeton University Press. 2016. xii + 223 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9781400881000>.
21. Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. New York: Princeton University Press. 1960. 362 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/9781400879106>.
22. Berridge G.R. *Diplomacy: Theory and Practice*. 5th edition, Palgrave-Macmillan: Basingstoke and New York. 2015. xvi + 296 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137445520>.
23. Bound K., Briggs R., John H., Jones S. *Cultural Diplomacy – Culture is a Central Component of International Relations. It's Time to Unlock its Full Potential*. London: Demos. 2007. 113 p.
24. Carnoy M. *Education as Cultural Imperialism*. New York: David McKay Company, Inc. 1974. 378 p.
25. Carron de la Carrière G. *La diplomatie économique. Le diplomate et le marché*. Paris: Economica. 1998. 224 p.
26. Conze E. States, International Systems, and Intercultural Transfer: A Commentary. – *Culture and International History* (ed. by J.C.E. Gienow-Hecht, F. Schumacher). New York: Berghahn Books. 2003. P. 198–205.
27. Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. – *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (ed. by N.Snow, P.M. Taylor). London; New York: Routledge. 2009. P. 19–23.
28. Dahl R. The Concept of Power. – *Systems Research and Behavioral Science*. 1957. Vol. 2. No. 3 P. 201–215. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/bs.3830020303>.
29. David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union*. New York: Oxford University Press. 2014. xii + 396 p.
30. Digester P. The Fourth Face of Power. – *The Journal of Politics*. 1992. Vol. 54. No 4. P. 977–1007.
31. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? – *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4. No 2. P. 147–158. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/pb.2008.4>.
32. Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. (eds). *Searching for a Cultural Diplomacy*. New York: Berghahn Books. 2010. 265 p.
33. Gramsci A. *Selection from the Prison Notebooks* (ed. by Q.Hoare, G.N. Smith). London: Lawrence and Wishart. 1971. 572 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

34. Hayden C. *The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts*. Lanham, MD: Lexington Books. 2012. 300 p.
35. Kaplan R. The Coming Anarchy. – *The Atlantic Monthly*. 1994. Vol. 273. No 2. P. 44–77.
36. Lasswell H.D., Kaplan A.K. – *Power and Society*. New Haven: Yale University Press. 1950. 294 p.
37. Layne C. The Unbearable Lightness of Soft Power. – *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. (ed. by I. Parmar, M. Cox). New York: Routledge. 2010. P. 51–82.
38. Ledyayev V.G. *Power: A Conceptual Analysis*. New York: Nova Science Publishers, Inc. 1998. 378 p.
39. Leonard M., Stead C., Smewing C. 2002. *Public Diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre. 183 p.
40. Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a «Strategic» Concept of Power. – *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* (ed. by I. Parmar, M. Cox). New York: Routledge. 2010. P. 32–50.
41. Lukes S. *Power: A Radical View*. Basingstoke and London: Macmillan. 1974. 64 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-349-02248-9>.
42. McClory J. *The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power*. London: Institute for Government. 2010. 13 p.
43. Morgenthau H.J. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Third Edition. New York. 1961. 688 p.
44. Mueller S. L. The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy. – *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (ed. by N. Snow, P.M. Taylor). London; New-York: Routledge. 2009. P. 101–107.
45. Nisbett M. Who Holds the Power in Soft Power? – *Arts & International Affairs*. Available at: <http://theartsjournal.net/2016/03/13/nisbett/> (accessed 18.08.2017).
46. Nye J.S.Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 1990. 336 p.
47. Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 2004. 191 p.
48. Nye J.S.Jr. Public Diplomacy and Soft Power. – *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 94–109. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002716207311699>.
49. Nye J.S.Jr. Responding to my critics and concluding thoughts. – *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* (ed. by I. Parmar, M. Cox). New York: Routledge. 2010. P. 215–227.
50. Parmar I., Cox M. (eds.) *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. New York: Routledge. 2010. 236 p.
51. Roffeld A.D. Introduction. Rethinking the Contemporary Security System. – *SIPRI Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security*. 1999. P. 1–12.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

52. Schmidt A. Americanization. – *United States and Germany in the Era of the Cold War, 1945-1990: A Handbook* (ed. by D. Junker). West Nyack, New York: Cambridge University Press. 2004. P. 635–642.

53. Snow N., Taylor P.M. (eds.) *The Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London; New-York: Routledge. 2009. 384 p.

54. Sywottek A. The Americanization of Everyday Life? Trends in Consumer and Leisure-Time Behavior. – *America and Shaping of German Society, 1945–1955*. (ed. by M. Ermarth). Oxford: Berg. 1993. P. 132–152.

55. Wallerstein I. *World-system analysis. An Introduction*. Durham and London: Duke University Press. 2004. xii + 109 p.

56. Waltz K. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill. 1979. 251 p.

57. Wrong D.H. *Power: Its Forms, Bases, and Uses. With a New Preface*. Oxford: Basil Blackwell. 1988. 326 p.

58. Zaharna R.S. Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks. – *Routledge Handbook of Public Diplomacy* (ed. by N.Snow, P.M. Taylor). London; New York: Routledge. 2009. P. 86–100.

59. Zahran G., Ramos L. From Hegemony to Soft Power: Implications of Conceptual Change. – *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* (ed. by I. Parmar, M. Cox). New York: Routledge. 2010. P. 12–31.

References

1. Andreev A.L. «Myagkaya sila»: aranzhirovka smyslov v rossiyskom ispolnenii. ["Soft power": arrangement of meanings in Russian performance]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016. 5. P. 122–133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10>.

2. Golubev A.V., Nevezhin V.A. *Formirovanie obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoy diplomatii, 1920-e–pervaya polovina 1940-kh gg.* [Formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world through cultural diplomacy, 1920s–first half of the 1940s.]. Moscow, 2016. 238 p.

3. Ivanov I.D. *Khozyaystvennyye interesy Rossii i ee ekonomicheskaya diplomatiya*. [Хозяйственные интересы России и её экономическая дипломатия]. Moscow, 2001. 318 p.

4. Lebedeva M.M. *Resursy vliyaniya v mirovoy politike*. [Resources of influence in world politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014. P. 99–108. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.07>.

5. Nagornaya O.S. «... kogda SSSR stal sil'nym i moguchim... mnogie narody nuzhdayutsya v nashey druzhbe»: aspekty izucheniya kul'turnoy diplomatii v sotsialisticheskoy lagere (1949–1989). ["... when the USSR became strong and powerful ... many peoples need our friendship": aspects of the study of cultural diplomacy in the socialist camp (1949–1989)]. *Dialog so vremenem*. 2015. 53. P. 269–278.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

6. Nagornaya O.S. «*Esli by ne voyna, sovetskiy narod ushel by teper' daleko vpered...*»: *Sovetskaya memorial'naya diplomatiya v sotsialisticheskoy lagere (1949–1989)*. [“If it were not for the war, the Soviet people would now go far ahead ...”: Soviet memorial diplomacy in the socialist camp (1949–1989)]. *Dialog so vremenem*. 2017. 59. P. 100–115.
7. Orlov I.B., Popov A.D. *Skvoz' «zheleznyy zaves»*. *Russo turista, sovetskiy vyezdnoy turizm, 1955–1991*. [Through the Iron Curtain. Rousseau tourist: Soviet outbound tourism, 1955–1991]. Moscow, 2016. 351 p.
8. Pestsov S.K., Bobylo A.M. *Myagkaya sila v sovremennoy mirovoy politike, izmerenie neulovimoy real'nosti*. [Soft power in modern world politics: measuring the elusive reality]. *Politeks*. 2014. T. 10. 1. P. 79–93.
9. Popov A.D. «*Marafon gostepriimstva*», *Olimpiada-80 i popytka modernizatsii sovetskogo servisa*. [“Marathon of Hospitality”: Olympics-80 and an attempt to modernize the Soviet service]. *Cahiers du monde russe*. 2013. Vol. 54. 1/2. P. 265–295.
10. Popov V.I. *Sovremennaya diplomatiya – teoriya i praktika*. [Modern diplomacy – theory and practice], 2000. Moscow, 573 p.
11. Rusakova O.F. *Kontsept «myagkoy sily» («soft power») v sovremennoy politicheskoy filosofii*. [The concept of “soft power” (“soft power”) in modern political philosophy]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2010. 10. P. 173–192.
12. Timofeeva L.N. *Politicheskaya kommunikativistika, mirovaya i rossiyskaya proektsii*. [Political communicativistics: global and Russian projections]. *Politicheskaya nauka*. 2016. 2. P. 74–100.
13. Kharitonova E.N. *Effektivnost' «myagkoy sily», problema otsenki*. [The effectiveness of “soft power”: the problem of evaluation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. 6. P. 48–58.
14. Tsvetkova N.A. *Cultural imperialism, mezhdunarodnaya obrazovatel'naya politika v gody «kholodnoy voyny»*. [Cultural imperialism: international educational policy in the years of the “cold war”]. St. Petersburg. 2007. 200 p.
15. Tsvetkova N.A. *Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy ekspansii SShA v mire, 1914–2014 gg.* [Public diplomacy as a tool of US ideological and political expansion in the world, 1914–2014.]. *Diss. dokt. ist. nauk*. St. Petersburg. 2015. 552 p.
16. Aguilar M. *Cultural Diplomacy and Foreign Policy, German-American Relations, 1955–1968*. New York, 1996. 305 p.
17. Auer C., Srugies A. *Public Diplomacy in Germany. CPD Perspectives on Public Diplomacy*. Los Angeles, 2013/5. 57 p.
18. Bachrach P., Baratz M.S. *Power and Poverty, Theory and Practice*. New York, London, Toronto, 1970. 220 p.
19. Baldwin D.A. *Power and International Relations. Handbook of International Relations*. London, 2012. P. 273–297. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446247587.n11>.
20. Baldwin D.A. *Power and International Relations, A Conceptual Approach*. Princeton, 2016. 223 p. <http://dx.doi.org/10.1515/9781400881000>.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

21. Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy.* New York, 1960. 362 p. <http://dx.doi.org/10.1515/9781400879106>.
22. Berridge G.R. *Diplomacy: Theory and Practice.* 5th edition, Palgrave-Macmillan. Basingstoke and New York, 2015. 296 p. <http://dx.doi.org/10.1057/9781137445520>.
23. Bound K., Briggs R., John H., Jones S. *Cultural Diplomacy. Culture is a Central Component of International Relations. It's Time to Unlock its Full Potential.* London, 2007. 113 p.
24. Carnoy M. *Education as Cultural Imperialism.* New York, 1974. 378 p.
25. Carron de la Carrière G. *La diplomatie économique. Le diplomate et le marché.* Paris, 1998. 224 p.
26. Conze E. States, International Systems, and Intercultural Transfer. A Commentary. *Culture and International History.* New York, 2003. p. 198–205.
27. Cull N.J. *Public Diplomacy before Gullion. The Evolution of a Phrase.* Routledge Handbook of Public Diplomacy. New York. 2009. p. 19–23.
28. Dahl R. The Concept of Power. *Systems Research and Behavioral Science.* 1957. Vol. 2. 3. P. 201–215. <http://dx.doi.org/10.1002/bs.3830020303>.
29. David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union.* New York, 2014. 396 p.
30. Digester P. The Fourth Face of Power. *The Journal of Politics.* 1992. Vol. 54. 4. P. 977–1007.
31. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? Place Branding and Public Diplomacy. Vol. 4. 2. P. 147–158. <http://dx.doi.org/10.1057/pb.2008.4>.
32. Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. (eds). *Searching for a Cultural Diplomacy.* New York, 2010. 265 p.
33. Gramsci A. Selection from the Prison Notebooks. London, 1971. 572 p.
34. Hayden C. *The Rhetoric of Soft Power. Public Diplomacy in Global Contexts.* Lanham, MD, 2012. 300 p.
35. Kaplan R. The Coming Anarchy. *The Atlantic Monthly.* 1994. Vol. 273. 2. P. 44–77.
36. Lasswell H.D., Kaplan A.K. *Power and Society.* New Haven, 1950. 294 p.
37. Layne C. The Unbearable Lightness of Soft Power. *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives.* New York, 2010. p. 51–82.
38. Ledyayev V.G. *Power. A Conceptual Analysis.* New York, 1998. 378 p.
39. Leonard M., Stead S., Smewing S. *Public Diplomacy.* London, 2002. 183 p.
40. Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a «Strategic» Concept of Power. *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives.* New York, 2010. p. 32–50.
41. Lukes S. *Power. A Radical View.* Basingstoke and London, 1974. 64 p. <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-349-02248-9>.
42. McClory J. *The New Persuaders. An International Ranking of Soft Power.* London, 2010. 13 p.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

43. Morgenthau H.J. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Third Edition. New York, 1961. 688 p.
44. Mueller S. L. *The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy*. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London, New-York, 2009. p. 101–107.
45. Nisbett M. *Who Holds the Power in Soft Power?* *Arts & International Affairs*. Available at: <http://theartsjournal.net/2016/03/13/nisbett/> (accessed 18.08.2017).
46. Nye J.S.Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, 1990. 336 p.
47. Nye J.S.Jr. *Soft Power, the Means to Success in World Politics*. New York, 2004. 91 p.
48. Nye J.S.Jr. *Public Diplomacy and Soft Power*. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 94–109. <http://dx.doi.org/10.1177/0002716207311699>.
49. Nye J.S.Jr. *Responding to my critics and concluding thoughts*. *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. New York, 2010. p. 215–227.
50. Parmar I., Cox M. (eds.) *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. New York, 2010. 236 p.
51. Roffeld A.D. *Introduction. Rethinking the Contemporary Security System*. *SIPRI Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security*. 1999. P. 1–12.
52. Schmidt A. *Americanization. United States and Germany in the Era of the Cold War, 1945–1990: A Handbook*, New York, 2004. p. 635–642.
53. Snow N., Taylor P.M. (eds.) *The Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London; New-York, 2009. 384 p.
54. Sywottek A. *The Americanization of Everyday Life? Trends in Consumer and Leisure-Time Behavior. America and Shaping of German Society, 1945–1955*. Oxford, 1993. p. 132–152.
55. Wallerstein I. *World-system analysis. An Introduction*. Durham and London, 2004. 109 p.
56. Waltz K. *Theory of International Politics*. New York, 1979. 251 p.
57. Wrong D.H. *Power. Its Forms, Bases, and Uses. With a New Preface*. Oxford, 1988. 326 p.
58. Zaharna R.S. *Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives. Information and Relational Communication Frameworks*. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. London, New York, 2009. p. 86–100.
59. Zahran G., Ramos L. *From Hegemony to Soft Power. Implications of Conceptual Change*. *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. New York, 2010. p. 12–31.

Проблемы безопасности республики Таджикистан: современные геополитические вызовы на фоне смены исторических эпох

В докладе рассматриваются основные геополитические вызовы, с которыми сталкивается современный Таджикистан в условиях смены исторических эпох. Среди главных вызовов, представляющих наибольшую угрозу для страны, анализируются проблемы, связанные с необходимостью сохранения территориальной целостности Таджикистана, вопросы, связанные с экономическим суверенитетом государства, трудности, связанные с развитием собственной культуры таджиков, в условиях стремительно изменяющихся технологий и производств. Особое внимание уделяется той роли, которую могут сыграть в решении существующих в современном Таджикистане проблем другие страны, и в первую очередь Россия. Анализируются наиболее важные аспекты взаимодействия России и Таджикистана на различных этапах истории этих двух государств, подчеркнута важность сохранения в памяти наших народов объективной картины развития российско-таджикских отношений в различные исторические эпохи. Намечены пути сотрудничества России и Таджикистана в новых сферах и в первую очередь в первую очередь в борьбе с разнообразными проявлениями терроризма и дискриминации в межгосударственных отношениях.

Ключевые слова: геополитические вызовы, Россия, сотрудничество, Таджикистан

Сибиряков Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, специалист по политической истории, Челябинск, Россия, sibirjkovig@mail.ru

Sibiryakov I.V.

Security problems of the republic of Tajikistan: contemporary geopolitical challenges on the background of the historical epochs

The article examines the main geopolitical challenges facing modern Tajikistan in the context of a change in historical epochs. Among the main challenges posing the greatest threat for the country, the problems associated with the need to preserve the territorial integrity of Tajikistan, issues related to the economic sovereignty of the state, the difficulties associated with the development of the Tajik own culture, in the face of rapidly changing technologies and industries are being analyzed. Particular attention is paid to the role that other countries, and Russia in the first place, can play in solving current problems in present-day Tajikistan. The most important aspects of the interaction between Russia and Tajikistan are analyzed at different stages in the history of these two states, the importance of preserving in our peoples' memory an objective picture of the development of Russian-Tajik relations in different historical epochs is emphasized. The ways of cooperation between Russia and Tajikistan in new spheres are planned, first of all, first of all in combating various manifestations of terrorism and discrimination in interstate relations.

Keywords: geopolitical challenges, Russia, cooperation, Tajikistan

Sibiryakov Igor Vyacheslavovich –
doctor of historical sciences, profes-
sor, specialist in political history, Chel-
yabinsk, Russia, sibirjkovig@mail.ru

Sibriakov I.V.

El problema de la seguridad de la república Tadjikistán: los desafíos geopolíticos contemporáneos proyectados en el trasfondo de las transformaciones de las épocas históricas

El informe examina los principales retos geopolíticos que enfrenta Tayikistán moderna en las condiciones de cambio de época. Entre los principales retos son la mayor amenaza para el país, analizados los problemas asociados con la necesidad de preservar la integridad territorial de Tayikistán, las cuestiones relacionadas con la soberanía económica del estado, las dificultades asociadas con el desarrollo de los tayikos propia cultura en una rápida evolución de las tecnologías y la producción. Se presta especial atención al papel que pueden desempeñar en la solución existente en las modernas Tayikistán otros problemas del país, y sobre todo Rusia. Analizado los aspectos más importantes de la cooperación entre Rusia y Tayikistán en diversas etapas de la historia de estos dos países, ha subrayado la importancia de preservar la memoria de nuestros pueblos de imagen objetivo del desarrollo de las relaciones ruso-tayikos en diferentes épocas históricas. Formas de cooperación entre Tayikistán y Rusia en nuevas áreas, principalmente en el primer lugar en la lucha contra las diversas manifestaciones de terrorismo y la discriminación en las relaciones internacionales.

Palabras-clave: : desafíos geopolíticos, Rusia, colaboración, Tadjikistán

Sibriakov Igor Viacheslavovich es
Doctor en las Ciencias Históricas,
Profesor, especialista en la
historia política, Chelyabinsk,
Rusia, sibirjkovig@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Безопасность Таджикистана – это проблема, которая имеет сложную структуру и многовековую историю. Сегодня, когда в Центральной Азии, в частности, и в мире в целом происходит настоящая смена исторических эпох, Таджикистан сталкивается с целым рядом геополитических вызовов, что представляют серьезную угрозу для этой страны. Особая роль Таджикистана в азиатском регионе заставляет политологов, историков, специалистов в области международных отношений внимательно анализировать природу и масштаб таких вызовов, моделировать различные сценарии развития социально-экономических и политических процессов в одном из самых маленьких государств Средней Азии, но играющих значимую роль в сохранении стабильности в этом регионе.

По-нашему мнению, одна из главных особенностей истории Таджикистана, это непрерывная борьба таджиков за свою землю, за свой язык, за свои традиции. Долгие годы эта борьба шла с очень сильными и опасными противниками. Со времен государства Саманидов, которое возникло в IX в. н.э. просуществовало более 100 лет [1], и до сегодняшнего дня, Таджикистан ищет рациональные ответы на те геополитические вызовы, которые представляют опасность его самостоятельному и независимому существованию.

Условно, эти геополитические вызовы сегодня можно объединить в несколько больших групп.

Первая такая группа включает проблемы, связанные с необходимостью сохранения террито-

риальной целостности Таджикистана. Государственное тело Таджикистана формировалось очень трудно. Ни раз, и ни два за многовековую историю Таджикистана его ближайшие соседи пытались вооруженным путем захватить часть или всю территорию страны. В X веке – это удалось тюркоязычным племенам Караханидского и Газневидского государств. Затем были сельджуки, монголы, тимуриды. Таджики много веков никак не могли создать самостоятельное сильное централизованное государство. Они все время или являлись частью другой державы, или формировали собственные небольшие недолговечные княжества.

В XVIII–XIX вв. на территории современного Таджикистана существовали Кулябское, Гиссарское, Ваханское и ряд других княжеств. Но при этом большинство таджиков проживало в Бухарском и Кокандском ханствах. Во второй половине XIX в. территория современного Таджикистана вошла в состав Российской империи. В XX в. в состав СССР [2].

Каждый раз интеграция в состав нового государственного образования проходила для таджиков очень непросто. Экономические, политические, культурные конфликты разрешались болезненно и далеко не всегда путем компромиссов. Но с другой стороны, опыт Таджикистана показал, что включение небольшой территории в состав сильной государственной структуры, позволяет эффективно решать проблемы обеспечения безопасности этой территории. В

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

результате формируются особые вооруженные силы, особая модель экономики, особые принципы воспитания молодежи.

У Таджикистана очень небольшой исторический опыт защиты собственной территории, собственного государства. И это серьезная военная проблема. В решении этой проблемы ключевую роль должны сыграть вооруженные силы самого Таджикистана, которые сегодня испытывают серьезную потребность в перевооружении, а так же страны, которые Таджикистан воспринимает, как своих военных союзников.

Таджикской армии сейчас особенно необходимы современные виды стрелкового оружия, бронетехника, авиация. Необходима современная система подготовки командного состава. Необходимы регулярные учения. И с этой точки зрения совместные российско-таджикские учения, которые состоялись в марте 2016г. и в марте 2017 г., на наш взгляд, были очень полезны и для Таджикистана, и для России [3].

Важную роль в укреплении безопасности Таджикистана и России играет 201-я российская дивизия, размещенная в районе таджикско-афганской границы. Российская военная база на территории Таджикистана – это и фактор сдерживания радикальных экстремистских политиков за пределами Таджикистана, и фактор стабилизации внутривосточной ситуации в самом Таджикистане, жители которого хорошо знают, что такое «гражданская война».

Но не только военная угроза является для Таджикистана серьезным геополитическим вызовом.

Вторая группа геополитических вызовов связана с попытками ряда государств подчинить себе Таджикистан экономически. У этой проблемы тоже есть своя многовековая история. Таджикистан богат природными ресурсами, но 93 % территории страны занимают горы, что делает добычу полезных ископаемых очень дорогой и низкорентабельной. Поэтому Таджикистан не может обеспечить себе возможность полной экономической автономии. Он должен торговать, а для развития современной международной торговли ему нужны соответствующие торговые коммуникации.

Если в древности Таджикистан был частью мировых торговых потоков. То сегодня, в XXI веке, он рискует оказаться в стороне от основных евразийских транспортных потоков. Эта изоляция стала серьезной экономической проблемой. Таджикистану очень трудно самостоятельно построить современные транспортные коммуникации. Для этого нужны ресурсы, кадры, технологии. Есть страны - соседи готовые все это предоставить, но они требуют предоставить и серьезные льготы в эксплуатации этих дорог, в разработке полезных ископаемых Таджикистана. Масштаб таких льгот заставляет поставить вопрос о том, а сможет ли Таджикистан сохранить экономический суверенитет и независимость?

Кроме того, строительство в Таджикистане новых производ-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ственных мощностей приводит к обострению экологических проблем. В 2016 г. австралийский специалист Дирк ван дер Клей в своей статье «Китай переносит грязное производство цемента в Таджикистан» писал: «По мере того, как прибыль китайских цементных предприятий в самом Китае сокращается на фоне увеличения расходов из-за внедренных жестких экологических норм, они ищут выгодные места за рубежом для развертывания собственного производства. В этом контексте Таджикистан отвечает подобным требованиям ряда китайских инвесторов. Китайские компании в Таджикистане претерпевают меньше враждебности, чем в других странах Центральной Азии. За последние 3 года благодаря китайским инвестициям производство на таджикских цементных предприятиях увеличилось в 5 раз В то же время, после окончания строительного бума Таджикистан рискует столкнуться с экологическими проблемами, поскольку производство цемента является одним из наиболее загрязняющих окружающую среду отраслей промышленности в мире и основным источником углекислого газа и смога» [4].

Третья группа геополитических вызовов связана с попытками некоторых стран подчинить себе Таджикистан культурно. Культурно-исторический вызов, который сегодня брошен Таджикистану, очень опасен. У Таджикистана пытаются изменить прошлое. Не секрет, что во многих среднеазиатских государствах после распада СССР начался

процесс переписывания истории. Масштабы этого процесса, поражают [5]. По сути дела некоторые государства пытаются «переписать» историю так, что ближайшие соседи превращаются в самых заклятых врагов. В этом процессе активно участвуют ученые, школьные учителя, деятели культуры, политики. И противостоять этому процессу очень сложно. Борьба за доминирование в истории, не менее опасна, чем борьба за доминирование в экономике или военной сфере.

Четвертая группа вызовов - это попытки лишить Таджикистан его будущего, а именно, его молодежи. Не секрет, что сегодня страну покидают тысячи молодых людей, которые не могут найти здесь работу, не могут реализовать свои даже очень скромные жизненные планы. Часть из них планирует вернуться на родину, получив новую профессию, высшее образование, а часть не вернется никогда. Не от хорошей жизни уходят молодые и не очень молодые люди в ряды радикальных исламских группировок. В марте 2017г. в целом ряде электронных средств массовой информации появился материал под очень броским заголовком «Таджикистан стал главным поставщиком смертников для ИГИЛ». К такому выводу пришли авторы исследования «Война посредством самоубийств: статистический анализ индустрии мученичества "Исламского государства" (ИГ)», опубликованного Международным центром по борьбе с терроризмом (Гаага, Нидерланды). За период

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

с 1 декабря 2015 по 1 декабря 2016 г. погибли при совершении терактов 27 смертников из Таджикистана, по 17 из Саудовской Аравии и Марокко, 14 из Туниса, 13 из России [6].

Пятая группа вызовов, связана с попытками создать искаженный образ Таджикистана в мировых средствах массовой информации, где публикуется много материалов о том, что Таджикистан является важнейшим звеном в мировой торговле наркотиками.

Все это заставляет интеллектуальную элиту Таджикистана искать пути решения, появившихся проблем, предлагать политической элите страны различные варианты ответа на геополитические вызовы современности.

На наш взгляд, в этой ситуации, есть несколько сюжетов, на которые стоит обратить более пристальное внимание.

Во-1-х, у России и Таджикистана сегодня нет территориальных претензий друг к другу. Об страны заинтересованы в сохранении территориальной целостности и независимости.

Во-2-х, экономические ресурсы России и Таджикистана хорошо дополняют друг друга и могут стать серьезным конкурентным преимуществом в жестком экономическом противостоянии на азиатских и не только азиатских рынках. Мощный эффект могло бы иметь вступление Таджикистана в Евразийский экономический союз. Расширение рынка сбыта даю бы шансы на серьезное увеличение оборотов таджикского бизнеса. В частности,

вступление в ЕАЭС открывает большие возможности для увеличения поставок сельскохозяйственной продукции на огромный рынок, в 20 раз превышающий таджикский.

Таджикистан мог бы производить крупномасштабные поставки в Россию хлопковой, шелковой и трикотажной пряжи, алюминиевого литья, шлифованных поделочных и ювелирных камней, винных и шампанских материалов и т.д.

Общий объем переводов физических лиц из России в Таджикистан в 2016 году составил 1 миллиард 929 миллионов долларов [7]. Это пятый показатель по данным Центрального банка России.

Как справедливо замечает профессор Х. Умаров: «... Широкое проникновение российского капитала в экономику Таджикистана может иметь следующие позитивные последствия: а) массовое создание новых рабочих мест с более высоким уровнем заработной платы; б) существенное расширение сырьевой базы как основы развития перерабатывающих отраслей промышленности; в) появление на этой базе огромного количества новых производств, принадлежащих таджикам; г) создание здоровой конкурентной страны; д) передача новых технологий и новейших инновационных идей; е) начало крутых изменений в подъеме человеческого капитала; ж) позитивные изменения в соотношении импорта и экспорта, а также в структуре импорта; з) ускорение роста абсолютных объемов экспорта и повышение удельного веса в нем продукции с высоким уровнем добавленной стоимости; и позитивные изменения в развитии регионов страны ...» [8].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В-3-х, Россия не заинтересована в разрушении исторической памяти, культурных традиций Таджикистана. Она заинтересована в совместном по настоящему доверительном разговоре о том, что в истории России и Таджикистана нас сближает, какие, когда и почему возникали проблемы в российско-таджикских отношениях и что надо сделать, что бы исправить ситуацию.

В России с большим интересом и уважением относятся к истории древних городов: Пенджикента, Ура-Тюбе, Худжанда, изучение которой дает возможность проанализировать богатые традиции организации торговли, военного дела, искусства Средней Азии; к творчеству подлинного гуманиста, основоположника таджикско-персидской поэзии Абу Абдуллах Рудаки, великого Абулькасим Фирдоуси, всемирно известных Аль-Бируни и Авиценны.

Но и в Таджикистане многие помнят о той важной роли для развития Таджикистана, которую сыграли экспедиции российских ученых П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Н.М. Пржевальского, Г.Е. Грум-Гржимайло и др., что привели к открытию и разработке месторождений угля, серебра, золота.

В острейшем споре о будущем Таджикистана у России есть еще один очень важный аргумент, позволяющий надеяться на хорошие перспективы развития наших отношений. Это опыт совместного проживания в составе одного государства. Именно в советское время в республике были созданы: Ака-

демия наук Таджикистана, а в ее структуре институт языка и литературы, институт востоковедения, институт истории, Таджикский политехнический институт и многие другие вузы.

Важным элементом новой культурно-исторической интеграции России и Таджикистана может стать общая победа в Великой Отечественной войне, о которой молодое поколение граждан России и Таджикистана знают не очень много. А ведь за годы Великой Отечественной войны на фронтах сражалось 289 тысяч призывников из Таджикистана, из которых около 100 тысяч погибли. Трудящиеся Таджикистана внесли в Фонд обороны, включая займы и лотереи, свыше 1 млрд. советских рублей. На территории Таджикистана было развернуто (по подсчетам М.А. Марченко) 29 эвакуационных госпиталей, через которые за годы войны прошли 16 тысяч солдат и офицеров Советской Армии. На таджикской земле нашли приют 100 тысяч беженцев, из которых почти 10 тысяч были дети [9].

Из урана добытого и обогащенного на Ленинабадском горно-химическом комбинате была сделана первая советская атомная бомба.

В послевоенные годы в Таджикистане было построено более 500 предприятий, в том числе и знаменитая Нурекская ГЭС, строительство которой было начато в 1961г. и проходило как Всесоюзная комсомольская стройка [10].

Опыт истории убедительно свидетельствует о том, что, только объединив усилия, Россия и

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Таджикистана смогу достойно ответить на те геополитические вызовы, которые бросает этим странам XXI в.

Политическая элита и России, и Таджикистана продолжает поиск таких политических и экономических конструкций, которые позволят каждому из

государств не только защитить свои национальные интересы, но и помочь в совместном укреплении позиций на международной арене. Свой вклад в этот процесс могут внести и представители интеллектуальной элиты двух стран.

Библиографический список

1. Хоодади Эзатолах Гуламреза. Международные связи государства саманидов (IX–X вв.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / Хоодади Эзатолах Гуламреза; [Место защиты: Таджикский национальный университет]. – Душанбе, 2015 // <http://www.dslib.net/mezhdunarodnye-otnoshenia/mezhdunarodnye-svjazigosudarstva-samanidov.html>.
2. История Таджикистана // <https://tajikistan.orexca.com/rus/history.Shtml>.
3. Завершение российско-таджикских совместных учений // <http://news.tj/ru/news/zavershenie-rossiisko-tadzhikskikh-sovmestnykh-uchenii-foto>.
4. «Китай переносит грязное производство цемента в Таджикистан» // <https://telegraf.uz/ru/obzor-smi/inosmi/SNG/kitay-perenosit-ghyaznoe-proizvodstvo-cementa-v-tadzhikistan>.
5. Черногаев Ю. Новые узбекские учебники по истории имеют анти-российскую направленность // <http://www.fergananews.com/articles/1467>.
6. «Таджикистан стал главным поставщиком смертников для ИГИЛ» // <http://overallnews.ru/i/7736965>.
7. Чоршанбиев П. Узбекистан и Таджикистан среди основных получателей денежных переводов из России // <http://www.news.tj/ru/node/237828>.
8. Умаров Х. Россия-Таджикистан: от интеграции мы больше получим, чем потеряем // <http://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20170227/rossiya-tadzhikistan-ot-integratsii-mi-bolshe-poluchim-chem-poteryaem>.
9. Зунунова М. Таджики в Великой Отечественной // http://www.top.tj.com/news/2014/6/23/tadzhiki_v_velikoy_otechestvennoy.
10. История Нурека // <http://norak.tj/?lang=ru&mid=9&show=tarixi-norak-ru>.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

References

1. Khodadadi Ezatollah Gulamreza. *Mezhdunarodnye svyazi gosudarstva samanidov (IX–X vv.)*. [International relations of the Samanid state (IX–X)]. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.15 / Khodadadi Ezatollah Gulamreza; Mesto zashchity: Tadjhikskiy natsional'nyy universitet. Dushanbe, 2015. <http://www.dslib.net/mezhdunarodnye-otnoshenia/mezhdunarodnye-svjazi-gosudarstva-samanidov.html>.
2. *Istoriya Tadjhikistana*. [History of Tajikistan]. <https://tajikistan.orexca.com/rus/history.Shtml>.
3. *Zavershenie rossiysko-tadjhikskikh sovmestnykh ucheniy*. [Completion of Russian-Tajik joint exercises]. <http://news.tj/ru/news/zavershenie-rossiysko-tadjhikskikh-sovmestnykh-uchenii-foto>.
4. «*Kitay perenosit gryaznoe proizvodstvo tsementa v Tadjhikistan*». ["China transfers dirty cement production to Tajikistan"]. <https://telegraf.uz/ru/obzor-smi/inosmi/SNG/kitay-perenosit-gryaznoe-proizvodstvo-cementa-v-tadjhikistan>.
5. Chernogaev Yu. *Novye uzbekskie uchebniki po istorii imeyut anti-rossiyskuyu napravlennost'*. [New Uzbek history textbooks have an anti-Russian orientation]. <http://www.fergananews.com/articles/1467>.
6. «*Tadjhikistan stal glavnym postavshchikom smertnikov dlya IGI*». ["Tajikistan has become the main suicide bomber for IGI]. <http://overallnews.ru/i/7736965>.
7. Chorshanбиеv P. *Uzbekistan i Tadjhikistan sredi osnovnykh poluchateley denezhnykh perevodov iz Rossii*. [Uzbekistan and Tajikistan among the main recipients of remittances from Russia]. <http://www.news.tj/ru/node/237828>.
8. Umarov Kh. *Rossiya-Tadjhikistan: ot integratsii my bol'she poluchim, chem poteryaem*. [Russia-Tajikistan: we will get more from integration than lose]. <http://news.tj/ru/news/tadjhikistan/politics/20170227/rossiya-tadjhikistan-ot-integratsii-mi-bolshe-poluchim-chem-poteryaem>.
9. Zununova M. *Tadjhiki v Velikoy Otechestvennoy*. [Tajikistan in the Great Patriotic War]. http://www.toptj.com/news/2014/6/23/tadjhiki_v_velikoy_otchestvennoy.
10. *Istoriya Nureka*. [The history of Nurek]. <http://norak.tj/?lang=ru&mld=9&show=tarixi-norak-ru>.

Театр как сфера досуга

Театр как социальный институт представляет собою многогранное социальное явление, рассматриваемое историками, политологами, искусствоведами, экономистами, культурологами, психологами, социологами в разных аспектах, с различных точек зрения. В этой статье он исследуется как часть сферы развлечений. Автор описывает влияние государственной идеологии на качество театрального представления. А также рисует портрет челябинской театральной аудитории, основываясь на результатах социологического исследования, проведенного методом анкетирования. Объектом опроса явилось население города Челябинск в возрасте от 15 лет. Предметом – отношение челябинцев к театру, посещаемость театров в сравнении с посещаемостью иных досуговых заведений города. Согласно результатам опроса, 14% респондентов не были в Челябинских театрах ни разу. 17% респондентов не знают ни одного челябинского театра. Регулярно посещают театры только 18% респондентов. Среди девяти изученных типов досуговых заведений театры находятся на пятом месте. Рассмотрено влияние на зрительское поведение таких факторов как пол, возраст, уровень образования, количество свободного времени, уровень материального положения. Выявленные тенденции могут оказаться полезными в рамках формирования и реформирования отечественного законодательства в сфере культуры.

Ключевые слова: театр, досуг, сфера досуга, сфера культуры, государственная идеология, ценности

Петрова Алина Салауатовна. В 2007 г. с отличием окончила Южно-Уральский государственный университет, специальность социолог. В 2015 году в ЮУрГУ с отличием освоила программу магистратуры по направлению подготовки Социология. Преподает в ЮУрГУ с 2007 года. Научные интересы: социология культуры, социология искусства. Челябинск, Россия alina-xa02@mail.ru

Petrova A.S.

Theatre as a sphere of leisure

Theater is a social institute, which is described by such sciences as philosophy, history, economics, psychology, sociology. This paper depicts theater as a part of entertainment sphere. The author examines influence of the state ideology on the quality of theatrical performance. Furthermore, this article describes sociological study of this social institute. The object of the survey is the population of Chelyabinsk of age over 15. The subject is attitude of Chelyabinsk citizens to theatre, attendance to theater compared with other recreational facilities of the city. According to the results of the survey, theater takes the fifth position among the recreational facilities of the city (such as theatres, museums, cinemas, philharmonics, night clubs, cafes, bars, restaurants, shopping centers, special interest groups, sports clubs), only 18% respondents visit theater regularly. Moreover, this article represents the influence of different factors on the spectators' behavior. The results of this study will be useful for creation and reformation Russian legislation in the sphere of culture.

Keywords: theater, leisure, entertainment sphere, sphere of culture, state ideology, values

Petrova Alina Salauatovna. In 2007 graduated from The South-Ural State University and got a qualification of sociologist and the teacher of sociology. In 2015 got a qualification of master of sociology. Scientific interests: sociology of culture, sociology of art. Chelyabinsk, Russia, alina-xa02@mail.ru

Petrova A.S.

El teatro como esfera de ocio

El teatro como institución social es un fenómeno social multifacético, considerado por historiadores, politólogos, historiadores del arte, economistas, culturólogos, psicólogos, sociólogos en diferentes aspectos, desde diferentes puntos de vista. En este artículo, se lo explora como parte del campo del entretenimiento. El autor describe la influencia de la ideología estatal en la calidad de la representación teatral. También dibuja un retrato de la audiencia del teatro de Chelyabinsk, sobre la base de los resultados de una encuesta sociológica realizada por el método del cuestionario. El objeto de la encuesta fue la población de la ciudad de Chelyabinsk a la edad de 15 años. El tema: la actitud de los chelyabinsk hacia el teatro, la asistencia de los teatros en comparación con la asistencia de otros establecimientos de ocio en la ciudad. Según los resultados de la encuesta, el 14% de los encuestados nunca estuvieron en los cines de Chelyabinsk. El 17% de los encuestados no conoce un solo teatro de Chelyabinsk. Las visitas regulares a los teatros son solo el 18% de los encuestados. Entre los nueve tipos estudiados de establecimientos de ocio, los teatros están en el quinto lugar. La influencia de factores tales como el género, la edad, el nivel de educación, la cantidad de tiempo libre, el nivel de posición material se considera sobre el comportamiento de los espectadores. Las tendencias reveladas pueden parecer útiles en el marco de la formación y la reforma de la legislación nacional en el ámbito de la cultura.

Palabras-clave: teatro, ocio, esfera del ocio, esfera de la cultura, ideología del estado, valores

Petrova Alina Salauatovna. En 2007 se graduó con honores en la Universidad Estatal del Sur de los Urales, especializándose en sociología, como profesora de sociología. En 2015, SUSU se graduó con honores del programa de maestría en el campo de la sociología. Ha estado enseñando en SUSU desde 2007. Intereses científicos: sociología de la cultura, sociología del arte. Chelyabinsk, Rusia, alina-xa02@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

В настоящее время такое многогранное социальное явление как театр в разных аспектах изучают такие социально-гуманитарные науки, как история, политология, искусствоведение, экономика, культурология, психология, социология. Данная статья делает акцент на разности восприятия театра как способа организации досуга с точек зрения различных социальных объектов.

Дело в том, что совершенно разными людьми в современном обществе театр воспринимается по-разному. Те, кого можно назвать в русле современной терминологии потребителями культурных услуг (имеется в виду некоторая часть зрительской аудитории театра, не ищущая в произведениях искусства того, что могло бы способствовать их личностному развитию) считают театр лишь местом, где можно отдохнуть, расслабиться. Другая же часть общества, более связанная с театром, которую можно назвать художниками (творческие работники театров) в большей мере склоняется к тому, чтобы определять театр как способ духовного роста. Для них немислимо определение театра как места отдыха.

Культурная сфера жизни общества во многом определяет поведение людей в нем. Оказывает влияние на экономическую, политическую и социальную сферы человеческой жизни. Несмотря на это, органами власти она зачастую отодвигается на второй план, что может быть обосновано отсутствием необходимости удовлетворения

духовных потребностей для выживания индивида. Действительно, обычно человек в первую очередь стремится к удовлетворению именно физиологических потребностей и потребности в безопасности. Этим обусловлено главенство вопросов производства, обороны над вопросами духовной сферы жизни общества, что, однако, не умаляет значимости последних. Выжить – первостепенная человеческая задача, по сравнению с духовным саморазвитием. Тем не менее, культура определяет сами способы удовлетворения витальных потребностей человека. И, соответственно, сам способ выживания и жизни общества.

Молодое государство Российская Федерация с момента своего образования сталкивалось с огромным множеством разнообразных экономических, политических, социальных проблем, на решение которых направлялись как законодательские силы, так и старания органов исполнительной власти. Политика в сфере культуры на протяжении пары десятилетий до недавнего времени оставалась без должного внимания, что также было обусловлено особенностью отношения к государственной идеологии в постсоветской России. К счастью, в последние годы законодательская инициатива государства обратила внимание на в сферу культуры.

Либеральные реформы российского общества во многом изменили культурный ландшафт. Рыночные отношения стали определять векторы разви-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тия культуры, диктовать приоритеты культурной политики на всех уровнях, начиная от государственных министерств и ведомств и заканчивая отдельными учреждениями культуры. ... Продажа «культурных услуг» предполагает учет рыночной конъюнктуры и как следствие приспособление к потребностям рынка [3, с. 123].

Проблематичность данной ситуации заключается в том, что зрители, для которых характерно описанное потребительское отношение к театру, составляют весомую часть его аудитории. А театр в свою очередь поставлен современной рыночной ситуацией на рельсы экономической самоокупаемости. Он лишен былого, характерного для доперестроечных времен финансирования со стороны государства. Соответственно, вынужден предлагать зрителю – а в русле рассматриваемой ситуации, можно назвать его потребителем – тот репертуар, который будет пользоваться спросом. Это по большей части не постановки, поднимающие серьезные жизненные вопросы, затрагивающие важные для человека и общества проблемы, и таким образом способствующие духовному и интеллектуальному росту зрителей, но спектакли, носящие развлекательный характер. Зачастую, это не самые высокоинтеллектуальные комедии. Сложившаяся ситуация вызывает весьма сильные переживания актеров, режиссеров, особенно старой, еще советской школы, которые хотят нести зрителю

несколько больше, чем просто веселье...

Российские театры находятся в условиях жесткой конкуренции на рынке «культурных услуг». Этим объясняется стремление театров любыми средствами привлечь публику в зрительные залы. Театры используют инструментарий массовой культуры для достижения конкурентоспособности своего «товара». В результате возникает серьезная художественная проблема, связанная с развитием театрального искусства как такового. Театр как вид искусства элитарен, поскольку опирается на глубокую культурную традицию. В тех случаях, когда театр переориентируется на законы массовой культуры, утрачивается его изначальная культурная ценность и значение. Становясь частью массовой культуры, театр неизбежно «проигрывает» в конкуренции с шоу-бизнесом. В результате театр не привлекает потенциальных потребителей массовой культуры и теряет «своего» элитарного зрителя, ориентированного на классическую культурную традицию [3, с. 126].

У театров нет почти никаких шансов выиграть борьбу с шоу-бизнесом и различными развлекательными учреждениями за ту часть зрительской аудитории, которая воспринимает театр как место отдыха. Хотя бы потому, что часть из них предпочитает, например, ходить не в театр, а в кино по той простой причине, что там кресла мягче. Забирая лишь одно из мест в системе организации досуга го-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

рожан, театр уступает многим другим досуговым учреждениям еще и по комфорту организации с точки зрения удобства расписания театральных спектаклей. В плотном графике современного занятого человека не всегда найдется время на посещение спектаклей, выбор в расписании которых намного более скуден, чем выбор в расписании тех же кинотеатров. Тем более, если речь идет о современной тенденции роста числа кинотеатров в городах нашей страны.

Часть потенциальной аудитории театра не посещает его попросту из-за того, что спектакли традиционно проходят в не самое удобное для них время – вечером. Исключение обычно составляют детские спектакли. Но они ориентированы на узко очерченную часть аудитории. Вечерние спектакли недоступны тем, кто после них вынужден долго добираться до дома, особенно, если приходится ехать из соседнего мегаполиса в другой город или сельскую местность. Да и в принципе, многие жители городов, где есть театры, не расположены к внедомашнему вечернему досугу. В современном обществе, предоставляющем огромное множество возможностей для организации досуга своим членам, многие из них становятся такими избалованными и столь притязательными к своему комфорту, что предпочитают его собственному духовному развитию. Ценности капитализма, навязываемые российскому социуму на протяжении уже третьего десятиле-

тия с момента отказа от идеологического мировоззрения на государственном уровне, учат общество ценить в первую очередь материальные блага, отесняя на второй план моральное и нравственное развитие личности как нечто не первостепенное. В результате чего мы видим полупустые залы театров на серьезных спектаклях и нередкий аншлаг на легких развлекательных комедиях, которые лишь помогают весело провести публике время, но не способны с той же эффективностью, что и серьезные постановки, поспособствовать личностному росту зрителя.

Статья 13 пункт 2 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1]. Современная российская молодежь, социализированная в официально не идеологическом государстве, а фактически, воспитанная на ценностях капитализма, скорее предпочтет купить себе новый телефон, даже в кредит, и проводить, уткнувшись в него большую часть своего свободного времени, чем тратить сумму, равную ежемесячному кредитному платежу, на посещение театральных представлений, поставленных по классическом произведениям. Чтобы хоть как-то привлечь внимание подобной публики, театр вынужден создавать произведения искусства, носящие развлекательный характер, ориентируясь на потенциального потребителя и катастрофически снижая тем са-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

мым культурную ценность произведений собственного искусства. Этому также способствует отказ от принципа цензурирования спектаклей на государственном уровне.

Получив свободу не только от политических, но и этико-эстетических ограничений, творческая интеллигенция начала часто продуцировать произведения низкого художественного уровня [3, с. 18]. С одной стороны это открывает возможности для популяризации театральных постановок, поскольку в некотором роде облегчает их восприятие широкой аудиторией. С другой стороны, может способствовать снижению процента интеллектуальной элиты среди зрительской аудитории театра, с целью эмпирического изучения которой осенью 2014 года автором статьи был проведен опрос общественного мнения. Объектом исследования явилось население Челябинска в возрасте старше 15 лет (старшие классы школы, когда люди становятся во многом самостоятельными в плане организации своего досуга). Объем выборочной совокупности составил 200 человек. Предмет исследования: отношение челябинцев к театру, посещаемость театров в сравнении с посещаемостью иных досуговых заведений города.

Согласно результатам опроса, 14% респондентов не были в Челябинских театрах ни разу (Таблица 1). Соответственно, эта часть потенциальной аудитории принципиально выпадает из сферы влияния театра как

социального института. Что касается гендерной специфики, то из таблицы 1 видно, что женщины в куда большей степени стремятся разнообразить свой досуг за счет театра, посетить больше театральных организаций, хотя бы один раз, для ознакомления с новым для себя театром. Большой интерес женщин к театру по сравнению с мужчинами подтверждается и тем, что женщины знают больше малоизвестных театров, чем мужчины, и чаще, чем мужчины посещают широко известные челябинские театральные организации.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Таблица 1
Влияние пола на посещение театров (% от числа ответивших)

Театр, в котором был(а) хотя бы раз	В целом по массиву	Пол	
		Муж.	Жен.
Театр оперы и балеты им. Глинки	70,50	65,12	74,56
Театр драмы им. Наума Орлова	64,50	55,81	71,05
Молодежный театр (бывший ТЮЗ)	56,50	41,86	67,54
Манекен	48,00	40,70	53,51
Камерный театр	46,50	37,21	53,51
Театр кукол им. Вольховского	41,50	25,58	53,51
Новый художественный театр	24,00	13,95	31,58
Непрофессиональные театраль- ные студии	14,00	8,14	18,42
Театр-студия «У Паровоза»	9,00	6,98	10,53
Теневой театр «Солнечные часы»	4,50	0,00	7,89
Ни один из перечисленных	14,00	18,60	10,53
В целом по массиву	100,00	100,00	100,00

Регулярно посещают театры только 18% респондентов (164 опрошенных из 200 ни один театр не посещают регулярно, соответственно, оставшиеся 36 человек (18%) дали остальные ответы о регулярной посещаемости театральных организаций). 83% из тех, кто не был в че-

лябинских театрах ни разу, хотели бы посещать театры, но не делают этого по разным причинам, продемонстрированным в таблице 2. И 17% челябинцев, не посещающих театры, сообщили о том, что и не хотели бы менять сложившуюся ситуацию.

Таблица 2
Причины, мешающие респондентам посещать театры (% от числа ответивших)

Причины	% от- ветивших
Театры неудобно для меня расположены	22,22
Нет времени	22,22
Не устраивает уровень цен на билеты	22,22
Не с кем	16,67
Неподходящее время спектаклей	11,11
Неудобно вечером после спектакля добираться домой	11,11
Нет денег	11,11
Хочется, но пока не до того	5,56
В целом по массиву не желающих посещать театр	100,00

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

17% респондентов не знают ни одного челябинского театра. Это большей частью мужчины среднего возраста без высшего образования. Среди лиц, не имеющих никакого представления о челябинских театрах, людей, не имеющих высшего образования, почти втрое больше, чем тех, кто достиг данного

уровня образования. Ярко выраженная корреляция возраста респондента и отсутствия у него знаний о челябинских театрах отсутствует. Для того, чтобы оценить возможность реализации культурной политики в сфере театра, необходимо оценить то, какое место театр занимает в досуге граждан (Таблица 3).

Таблица 3

Частота посещения досуговых заведений в зависимости от количества свободного времени у респондента (индекс)

Посещаемое заведение	В целом по массиву	Уровень частоты посещения*		
		Высокий	Средний	Низкий
Спортивные секции	28,534	28,298	39,690	20,072
Торговые комплексы	24,019	28,115	23,603	21,353
Кафе, бары, рестораны	11,609	13,388	10,860	11,938
Кинотеатры	8,229	9,846	9,749	6,927
Театры	4,909	7,617	10,610	0,233
Клубы по интересам	4,398	7,922	4,107	3,162
Ночные клубы	3,067	3,585	4,488	2,076
Музеи	1,613	5,732	0,958	0,214
Филармония	0,971	3,078	0,932	0,058

* Среднее значение сформировано по индексу. Значениям переменных, по которым замерена частота посещения культурных заведений, были присвоены индексы: несколько раз в неделю – 156; 3-4 раза в месяц – 36; 1-2 раза в месяц – 18; реже, чем раз в месяц – 6; реже, чем раз в год – 0,3; был(а) больше 10 лет назад – 0,1; ни разу не был(а) – 0.

По результатам опроса выявлено, что среди девяти рассмотренных типов досуговых заведений (театры; музеи; кинотеатры; филармония; ночные клубы; кафе, бары, рестораны; торго-

вые комплексы; клубы по интересам; спортивные секции), театры находятся лишь на пятом месте. Их опережают спортивные секции (что говорит о том, что здоровье у челябинцев не на

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

последнем месте), торговые комплексы (однако, шопинг – это не всегда и не для всех способ развлечения, для многих – это обязанность, от выполнения которой они с удовольствием отказались бы), кафе, бары, рестораны (данные типы заведений общепита, также, многими людьми посещаются с целью организации собственного досуга, но, тем не менее, для многих это также необходимость – не способ развлечения, а лишь способ удовлетворения витальной потребности – утоления чувства голода), кинотеатры (в отличие от выше перечисленных, явно досуговый тип заведения). Остальные рассмотренные типы заведений (клубы по интересам, ночные клубы, музеи, филармония) являются именно досуговыми.

Зрительская активность женщин значительно выше аналогичного показателя у мужчин. Четкая тенденция во влиянии возраста респондентов на посещение театра прослеживается в снижении зрительской активности в возрасте старше 60-ти лет. Однако данная тенденция прослеживается в посещаемости всех рассмотренных досуговых заведений и объясняется снижением активности в досуговых мероприятиях людей в пенсионном возрасте.

Лица с высшим образованием посещают театры в среднем на один раз в год чаще, чем люди, не имеющие высшего образования. Если сравнивать с наиболее близким к театрам способом времяпрепровождения – с посещением ки-

нотеатров, то там прослеживается обратная тенденция. Кинотеатры чаще посещают респонденты, не имеющие высшего образования. Причем, подобная закономерность не может быть объяснена возрастными особенностями, как это характерно, например, для посещаемости ночных клубов, кафе, баров, ресторанов, где так же, как и в кинотеатрах, чаще появляются опрошенные, не имеющие высшего образования.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Таблица 4
Влияние образования
на среднюю частоту посещения досуговых заведений (индекс)

Тип досугового заведения	В целом по массиву	Образование*	
		С в/о	Без в/о
Театр	4,9	5,5	4,7
Музей	1,6	1,8	1,6
Кинотеатр	8,2	6,9	8,6
Филармония	1,0	0,7	1,1
Ночной клуб	3,1	1,1	3,6
Кафе, бар, ресторан	11,6	7,2	12,8
Торговый комплекс	24,0	17,2	25,9
Клуб по интересам	4,4	6,4	3,8
Спортивная секция	28,5	32,6	27,4

* Среднее значение сформировано по индексу. Значениям переменных, по которым замерена частота посещения культурных заведений, были присвоены индексы: несколько раз в неделю – 156; 3–4 раза в месяц – 36; 1–2 раза в месяц – 18; реже, чем раз в месяц – 6; реже, чем раз в год – 0,3; был(а) больше 10 лет назад – 0,1; ни разу не был(а) – 0.

Поскольку, основным контингентом клубов, кафе, баров, ресторанов является молодежь, то значительная ее часть в силу возрастных особенностей еще не успела получить высшего образования. Основной аудиторией кинотеатров же, согласно результатам опроса, является молодежь в возрасте от 25 до 35 лет, которая по возрастным характеристикам уже имеет все шансы на получение высшего образования. Таким образом, более высокий уровень посещаемости театров лицами с высшим образованием обусловливается стремлением более образованных людей к бо-

лее высокохудожественному виду искусства, более высококультурному способу организации собственного досуга.

С учетом того, что у половины опрошенных свободного времени не много, причем, как у мужчин, так и у женщин, средняя частота посещаемости театров 5 раз в год (таблица 4) является хорошим показателем. При этом, частота посещения театров, как показывают результаты опроса, не зависит от количества свободного у человека времени, на что указывает тот факт, что чаще всего в театр ходят именно те респонденты, которые заявили, что обладают

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

малым количеством свободного времени (таблица 5). Надо заметить, что в посещении таких заведений как музеи, кинотеатры, филармония, ночные клубы, кафе, бары, рестораны, торговые комплексы, клубы по интересам, спортивные секции прослеживается полностью противоположная тенденция. Значительная часть посетителей дан-

ных заведений обладает большим количеством свободного времени. То есть, среди всех рассмотренных в рамках нашего исследования видов досуговых заведений театр характеризуется тем, что среди его посетителей самая большая доля лиц, имеющих малое количество свободного времени.

Таблица 5
Влияние количества свободного у респондента времени на частоту посещения им досуговых заведений (индекс)

Тип досугового заведения	В целом по массиву	Количество свободного времени*		
		Много	Ни много ни мало	Мало
Театр	4,9	3,8	4,2	6,1
Музей	1,6	1,9	1,1	1,5
Кинотеатр	8,2	10,8	5,7	6,8
Филармония	1,0	1,5	0,3	0,7
Ночной клуб	3,1	6,2	1,2	1,0
Кафе, бар, ресторан	11,6	16,1	5,6	9,6
Торговый комплекс	24,0	27,1	22,0	22,0
Клуб по интересам	4,4	5,4	1,4	4,5
Спортивная секция	28,5	38,0	10,0	25,9

* Среднее значение сформировано по индексу. Значениям переменных, по которым замерена частота посещения культурных заведений, были присвоены индексы: несколько раз в неделю – 156; 3-4 раза в месяц – 36; 1-2 раза в месяц – 18; реже, чем раз в месяц – 6; реже, чем раз в год – 0,3; был(а) больше 10 лет назад – 0,1; ни разу не был(а) – 0.

Из таблицы 6 видно, что количество свободного у человека времени не влияет на частоту посещения театров. Среди тех, у кого свободного от работы и домашних обязанностей вре-

мени мало, почти половина респондентов посещает театр чаще одного раза в год. То, что такие занятые личности отдают предпочтение именно театрам, свидетельствует об избиратель-

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

ности занятых людей, стремящихся к искусству. Люди, имеющие высшее образование и не слишком сильно ограниченные количеством свободного вре-

мени ходят в театр значительно чаще тех, кто обладает таким же количеством свободного времени, но не имеет высшего образования.

Таблица 6

Влияние количества свободного у респондента времени на частоту посещения им театров (% от числа ответивших)

Частота посещения театров	В целом по массиву	Количество свободного времени		
		Много	Ни много ни мало	Мало
Чаще, чем раз в год	46,70	48,72	40,74	46,74
Реже, чем раз в год	53,30	51,28	59,26	53,26
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00

Неоднозначна закономерность влияния материального положения индивида на частоту посещения им театральных организаций. Вполне логично, что у тех, респондентов, которые более трех четвертей своего дохода тратят на продукты питания и коммунальные услуги, попросту нет денег на ча-

стые походы в театр. Далее, в этой и двух последующих группах, выделенных по материальному положению, с ростом уровня финансового благосостояния прослеживается учащение походов в театр. Однако, в самой материально обеспеченной группе показатель частоты посещения театра довольно низок.

Таблица 7

Влияние материального положения на частоту посещения театра (% от числа ответивших)

Частота посещения театров	В целом по массиву	Часть ежемесячного семейного дохода, которая тратится на продукты питания и коммунальные услуги			
		Меньше четверти	От четверти до половины	От половины до трех четвертей	Больше трех четвертей
Чаще, чем раз в год	46,70	41,38	53,85	53,70	25,00
Реже, чем раз в год	53,30	58,62	46,15	46,30	75,00
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Незначительная часть респондентов (согласно таблице 8, менее двух процентов ответов) смотрит экранизированные театральные постановки в Интернете. Что является далеко не самым популярным способом проведения своего досуга в сети среди опрошенных. Его опережают такие способы Интернет-досуга как общение с друзьями, родственниками, знакомыми, поиск и чтение книг, статей, журналов, блогов, просмотр кинофильмов, телепередач, прослушивание, скачивание музыки, просмотр и покупка в интернет-магазинах, знакомство с новыми людьми, игры он-лайн или скачивание игр.

Таблица 8
Влияние материального положения на частоту посещения театра
(% от числа ответивших)

Досуговые занятия в Интернете	В целом по массиву	Чаще, чем раз в год	Реже, чем раз в год
Общение с друзьями, родственниками, знакомыми	62,56	61,11	63,81
Поиск и чтение книг, статей, журналов, блогов	51,79	58,89	45,71
Просмотр кинофильмов, телепередач и пр.	50,77	46,67	54,29
Прослушивание, скачивание музыки	42,56	45,56	40,00
Просмотр и покупка в интернет-магазинах	29,74	32,22	27,62
Знакомство с новыми людьми	17,44	15,56	19,05
Игры он-лайн или скачивание игр	13,85	11,11	16,19
Не пользуюсь Интернетом в свободное время	11,28	11,11	11,43
Просмотр экранизированных театральных постановок	5,13	7,78	2,86
Просмотр виртуальных экспозиций музеев	3,59	4,44	2,86
Чтение новостей	1,03	1,11	0,95
Своя группа в VK	0,51	–	0,95
Справочная информация	0,51	1,11	–
Просмотр мультфильмов	0,51	1,11	–
В целом по массиву	100,00	100,00	100,00

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Менее популярными, чем Интернет-суррогат театра, рассмотренными в рамках описываемого исследования, способами проведения свободного времени в сети, является только просмотр виртуальных экспозиций музеев. Более низкий уровень популярности театральных постановок на экране по сравнению с уровнем популярности живого театра, свидетельствует о том, что театр интересен зрителю именно как живое искусство, продукт которого создается здесь и сейчас и потребляется во время его создания. Надо заметить, что частым посетителям театров просмотр экранизированных театральных постановок в Интернете в разы интереснее, чем людям, которых на спектаклях в театральных организациях встретить можно редко, или невозможно в принципе.

Описанные данные рисуют картину, как реальной аудитории, так и потенциальной – тех, кто не посещает театры по разным причинам, но хотел бы это делать. Рассмотрение театра в структуре досуга социально-демографических и поведенческих характеристик описанных

групп позволяет сформировать представление об особенностях потребления респондентами предоставляемых челябинскими театрами культурных услуг.

Согласно результатам опроса, среднестатистический челябинец чаще всего посещает самые крупные театры города, расположенные в его центре. В рейтинге популярности досуговых заведений города театр занимает пятое место, причем, женщинам театр интересен в большей мере, чем мужчинам, зрителям с высшим образованием – больше, чем людям без оного. Во влиянии материальной стороны вопроса нельзя назвать четкой однонаправленной тенденции. Однако, уровень цен на билеты является одной из наиболее распространенных причинам полного отказа от посещения театра, наряду с неудобством расположения театров и отсутствием свободного времени у респондентов. Выявленные тенденции могут оказаться полезными в рамках формирования и реформирования отечественного законодательства в сфере культуры.

Библиографический список

1. Конституция РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата просмотра 01.06.2016).
2. Загребин С.С. Культурная политика в постсоветской России 1991–2015 гг. / С.С. Загребин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 18–23.
3. Загребин С.С. Современный российский театр: проблема художественного позиционирования в условиях либерального общества и рыночной экономики / С.С. Загребин // Социум и власть. – 2008. – № 3. – С. 123–126.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. *Konstitutsiya RF*. [The Constitution of the Russian Federation]. <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (accessed 01.06.2016).
2. Zagrebin S.S. *Kul'turnaya politika v postsovetskoy Rossii 1991–2015 gg.* [Cultural Policy in Post-Soviet Russia 1991–2015]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 2015. 15, 4. P. 18–23.
3. Zagrebin S.S. *Sovremennyy rossiyskiy teatr: problema khudozhestvennogo pozitsionirovaniya v usloviyakh liberal'nogo obshchestva i rynochnoy ekonomiki*. [Modern Russian theater: the problem of artistic positioning in a liberal society and a market economy]. *Sotsium i vlast'*. 2008. 3. P. 123–126.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

* экспертное заключение для открытой печати

* рекомендация к публикации

***Требования к срокам подачи докладов:**

* 20.11

Требования к содержанию докладов:

* социально-политическая и гуманитарная направленность
* комплексный и междисциплинарный характер

Требования к форме докладов:

Редактор Ms Word, формат А4, шрифт Times New Roman, интервал 1 пт, красная строка 1 см, поля 2х2х2х2 см,

Требования к структуре докладов:

УДК, название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова, текст доклада (примерно 10 страниц), библиографический список (5–15 названий)

Требования к языку докладов:

* доклад может быть представлен на любом языке

* название, список авторов, аннотация (150–200 слов), ключевые слова повторяются на русском, английском языках и языке оригинала статьи

При оформлении докладов рекомендуется пользоваться требованиями БД SCOPUS

**REQUIREMENTS CONCERNING
THE PUBLICATION**

Requirements concerning the enclosed information:

*experts' decision on public print

*recommendation for publication

***Requirements concerning the deadline for submitting the report:**

* 20.11

Requirements concerning the content of the report:

*social and political focus

*complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the report' form:

Microsoft Word, A4, font of Times New Roman, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the report' structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, annotation (of 150 to 200 words), key words, the report's text (comprising of approximately 10 pages), bibliography (of 5 to 15 items)

Requirements concerning the report' language:

*The report can be presented in any language

*The title, the authors, the annotation (of 150 to 200 words), key words are repeated in Russian, English as well as in the language of an original article

While writing the reports the recommendations of bibliographic database SCOPUS are advised to follow